АТАМАН ПЛАТОВ

В

ПЕСНЯХ И ПРЕДАНИЯХ

Книга учёного секретаря

Добр

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный республиканский центр русского фольклора

Государственное учреждение
культуры г. р. №82581
"Государственный Республиканский
центр русского фольклора
Министерства культуры
Российской Федерации"
119034, г. Москва, Гусчанинов пер., дом 6
тел. 246-93-23, факс. 246-05-75

АТАМАН ПЛАТОВ
В ПЕСНЯХ И ПРЕДАНИЯХ

Москва 2001

ББК 82.3Р
А 92

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Государственного республиканского центра русского фольклора

Составители: **В.Г. Смолицкий, В.Е. Добровольская,**
И.Е. Посоха, А.Н. Иванов

Редколлегия: **Каргин А.С.** (отв. редактор),
Банин А.А., Добровольская В.Е., Жукова Э.Р.,
Иванов А.Н., Селиверстов В.П., Смолицкий В.Г., Хренов Н.А.

Рецензенты: кандидат философских наук **В.А. Шуков;**
научный сотрудник ИЭА РАН **И.А. Аверин**

А 92 **Атаман Платов в песнях и преданиях.** М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2001. — 240 с.

Книга посвящена жизни и деятельности донского атамана графа Матвея Ивановича Платова. В ней собраны более 100 песен и рассказов, посвященных герою, отражена история их возникновения и бытования. Ряд песен публикуется впервые.

А **470201015-036**
ЛР 700132-2001

без объявления

ББК 82.3Р

ISBN 5-86132-036-5

© **Государственный республиканский центр русского фольклора, 2001**

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Атаман Донского казачества генерал от кавалерии Матвей Иванович Платов оставил о себе память довольно противоречивую. Его современники из «высшего общества», в котором он по своему положению должен был находиться, отзывались о нем в большинстве случаев с некоторым пренебрежением, отмечая недостатки его воспитания, называя его «пьянюгой» и «гунном» и отказывая ему даже в способностях военачальника. В простом народе сохранилось немного устных преданий, связанных с его именем, зато в песнях о той поре он занял безусловно центральное место национального героя, далеко опередив всех современных ему полководцев, включая фельдмаршала Михаила Кутузова. На это давно обратили внимание исследователи устного народного творчества. Еще в 1874 г. П. Бессонов писал: «Песнотворчество (о войне 1812 г. — *В.С.*) пыталось остановиться... на лицах: сперва Александр, потом царевич Константин, далее Кутузов и наконец уже Платов. Все... волны творчества стихли в конце на Платове: на нем остановилось посильное творчество, на нем сколько могло удовлетворилось, на нем кончилось и дальше его не пошло» [1]. Песня о том, как атаман побывал «в гостях» у французов стала последним эпическим произведением, впитавшим в себя многие мотивы былевого эпоса. В народном сознании Платов оказался в одном ряду с древними русскими богатырями и песенными героями XVIII в.

Мы не можем согласиться с А.И. Сапожниковым, автором наиболее фундаментальной научной биографии казачьего атамана, писавшим, что «пик популярности Платова приходится на начало XX в.», когда «...идеологи казачества старались напомнить о славных делах казаков, защитников Отечества» [2]. По его мнению, именно в это время «имя Платова запестрело в исторических сочинениях» [3].

Возможно, исследователь и прав, если говорить о популярности этого имени в печати. Но устная традиция песен о Платове широко бытовала на протяжении всего XIX в. Наиболее ранние записи их относятся уже к 1830-м гг., а возникли тексты, естественно, гораздо раньше и с тех пор встречаются собирателям до сегодняшнего времени. При этом бытование их отмечено не только в казачьих регионах, но и на русском Севере, Вологодчине, Нижегородчине, Рязанщине, Урале, в Сибири и на других русских территориях.

В том, что действительно народным героем стал не Кутузов, не Ермолов, а Платов, несомненно, в первую очередь сыграло роль его казачье происхождение. Для тех, кто пел о нем, он прежде всего был казаком. А к казакам в России всегда отношение было особое. В русском

языке это понятие приобрело значение не только социального положения, но и определенного состояния души. «Словарь современного русского языка» так толкует идиоматическое выражение «вольный казак»: «переносно... — о человеке, живущем в независимости, свободолюбивом». Далее приводятся примеры словоупотребления «Теперь... сам себе голова, сам себе вольный казак!». (Мельников-Печерский. «В лесах», ч. IV, гл. 6); «...свободна, совершенно свободна, как воздух, как ветер... и это я знала перед свадьбой, я знала, что с ним я буду вольный казак» (Тургенев И.С. «Вешние воды») [4]. Ощущать себя вольным казаком всегда было привлекательно для русского человека.

Казаки не знали крепостного права, и эта особенность вместе с институтами внутреннего самоуправления, складывавшимися в их среде на протяжении веков, наложила определенный отпечаток на моральный облик данной части русского народа. В народном сознании казак обязательно воин, и не просто воин, а воин на коне, и в этом смысле преемник богатырства. Вместе с тем он обязательно связан с землей и этим близок крестьянину. Но в отличие от основной массы русских земледельцев, принужденных столетиями трудиться на помещика, казак всегда имел собственный надел земли, плодородной и в количествах, намного превышающих наделы мужицкого большинства.

Наследник богатырства, землевладелец и землепашец одновременно, казак являл собой специфический тип не только социальный, но и нравственный идеал для русского народа. Не случайно, вероятно, главный былинный богатырь Илья Муромец, представляющий в русском фольклоре образ положительного героя, своеобразную богатырскую совесть, во многих былинах назван «старым казаком».

Казацкое происхождение Платова делало его в народном сознании «своим», «выходцем из народа». В глазах простого крестьянина он являл воплощенную в быль сказку, герой которой нередко благодаря своей сметке и ловкости получает в награду даже царскую корону, заменен-
ную в данном конкретном случае действительным графским титулом.

В образе атамана Платова в известном смысле был персонифицирован подвиг народа в Отечественной войне 1812 г.

Символом народного героизма войны 1812 г. должен был стать именно такой человек. Вспомним Л.Н. Толстого: «Дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие» [5]. Указывая на эту «дубину народной войны», писатель говорил о «ловле мародеров, переимке транспортов, партизанской войне» [6] — обо всем том, чем зани-

мались прежде всего казаки, в совершенстве владевшие тактикой боя легкой кавалерии и потому бывшие костяком и значительным элементом большинства партизанских отрядов.

Один из самых загадочных эпизодов биографии Платова связан с Бородинским сражением. В донесении Александру I Кутузов перечисляет всех генералов, отличившихся в этой битве, среди них имя казачьего атамана отсутствует. Более того, в одном из рапортов главнокомандующего императору сообщалось, что казаки «в сей день не действовали» [7]. Некоторые мемуаристы вспоминают еще определеннее. Офицер квартирмейстерской части А.А. Щербинин писал, что казаки Платова «...проспали, не заметив отступления ведетов (сторожевого охранения. — *В.С.*) неприятельских» [8]. А.И. Михайловский-Данилевский, участник войны, а впоследствии ее историк, отметил в дневнике сразу по свежим следам событий, что Платов «был мертво пьян в оба дня Бородинского сражения» [9]. Но в своем фундаментальном труде по Отечественной войне тот же автор констатировал: «Князь Кутузов, получая донесения, что Наполеон стягивает свои силы против неприятеля, приказал Платову с казаками и Уварову с первым кавалерийским корпусом перейти Колочу выше Бородина и ударить в левый фланг французов... доблестные лейб-гусары (Уварова. — *В.С.*)... с такой отвагой понеслись на пехоту вице-короля (Богарне. — *В.С.*), что она поспешно отступила; одновременно и казаки Платова, перейдя вброд через Войну, рассыпались в тылу и произвели такую тревогу, что обозы в беспорядке обратились в бегство. Эти два налета вызвали отъезд Наполеона в тыл, и вследствие этого огонь и атаки неприятеля в боевой линии ослабели» [10]. «Записки» Михайловского-Данилевского являются «извлечением из более подробного чернового дневника» [11]. История Отечественной войны писалась им примерно через четверть века, когда он мог уже осмыслить и проанализировать виденное и слышанное. Вряд ли будущий историк войны сам свидетельствовал мертвецки упившегося Платова. Тогда запись в дневнике — слух, пусть даже из самого «достоверного» источника, слух, которым Михайловский-Данилевский впоследствии пренебрег в своем труде.

Были и другие очевидцы. О «великом влиянии на ход Бородинской битвы» поиска[1] Платова и Уварова на неприятельский левый фланг писал военный деятель и участник событий И.П. Липранди [12]. Участник сражения, военный теоретик Карл Клаузевиц тоже не прошел мимо этого эпизода, будучи свидетелем того, как платовские казаки «юлили между массами неприятельской пехоты, не производя серьезной сомкнутой атаки» и как «неприятельские части, находившиеся напротив нас, бо-

[1] *Поиск* — рейд.

ясь оказаться защемленными в болоте, отошли несколько в сторону» [13]. Д.Н. Болговский, участник Бородина в качестве дежурного штаб-офицера (в чине майора), впоследствии генерал-майор, который находился при корпусе Дохтурова, на правом фланге, там же, где и платовские полки, ставил вопрос, почему «в начале сражения он (Наполеон. — *В.С.*) действовал наступательно и доводя дело до конца, а в три часа, в тот момент, когда ему удалось овладеть всеми пунктами, которые обеспечивали наш фронт от стремительности его атак, и, следовательно, в минуту одержания полного успеха, он держался скорее в оборонительном положении, нежели активно?» [14]. Д. Болговский объясняет это следующим образом: Платов, получивший приказание обойти левый фланг неприятеля и атаковать его во фланг и с тыла, «исполнил это с такой точностью и спокойствием, что был замечен неприятелем только при выходе из дефиле (дефиле — в военной тактике — узкий проход, здесь — переправа через топкий ручей) в удалении версты от его крайнего левого фланга. Неприятель, устрашенный внезапным появлением леса пик, заметив там даже пехоту, счел левый фланг армии в весьма опасном положении и тем с большим основанием, что блестящие атаки генерала Уварова не позволяли ему сомневаться, что они производились, опираясь на решительное движение Платова. Это угрожаемое крыло начало тотчас производить перемену фронта, и в то же мгновение *было видно* (подчеркнуто мной: пишет очевидец. — *В.С.*), как адъютант помчался во всю прыть, чтобы доложить Наполеону это неприятное известие» [15]. Далее Д.Н. Болговский писал, что Платов опасался предпринять более активные действия, чтобы не «скомпрометировать себя решительной атакой неприятеля», показав ему «ничтожество своих сил» против превосходящего врага: он счел более полезным угрожать ему положением, которое оставило бы ему сомнение относительно его действительных сил, и в конце решился тревожить его только частями. По мнению генерал-майора, «этот маневр решил участь русской армии» [16].

Возможно, Кутузов ждал той самой «решительной атаки», о которой говорил Болговский, но другие военные деятели и участники событий считали действия Платова обоснованными и их результат максимально возможным. Таково, в частности, мнение Клаузевица, который «с самого начала был убежден, что вся эта диверсия (Уварова и Платова. — *В.С.*) не будет иметь никакого успеха» [17], но после того, как Платов нашел переправу, «неприятельские части, находившиеся напротив нас, боясь оказаться защемленными в болоте, отошли несколько в сторону» [18].

Пусть военные историки судят о подлинной роли того или иного командира в военных баталиях. Для нас важно другое: констатация оп-

ределенного общественного настроения, циркуляция толков, сплетен, пересудов среди людей. Можно утверждать наличие рассказов о пьянстве Платова, не определяя их истинности, не говоря уже о том, что способность «пропустить» один-другой стаканчик водки еще не доказывает горького пьянства. Граф Ростопчин, недоброжелатель Платова (кстати, как и Кутузова), называет атамана «немного пьянюгой» [19]. Эти слухи свидетельствуют также о том, что между Кутузовым и Платовым существовали некие трения. Но по словам уже упоминавшегося Липранди, «неудовольствие на Платова» со стороны главнокомандующего «имело другой источник и причину» [20], нежели его военные действия.

К сожалению, обстановка в верхних слоях командования в 1812 г. была очень далека от идеальной. «Русская армия, — писал историк, — с самого начала войны с Наполеоном была центром бесконечных интриг, соперничества, зависти и борьбы оскорбленного самолюбия... Это единодушное показание всех современников... С интригами на почве соперничества мы встречаемся слишком часто, чтобы можно было не говорить об их деморализующем влиянии даже на хороших генералов» [21]. На этом фоне обвинение Платова в пьянстве, сибаритстве и желании получить титул графа должны выглядеть совсем невинно. В кругах высшей знати и генералитета, в которых вращался Платов, к нему всегда относились несколько настороженно: посмеивались над его «простонародными» привычками, считали недостаточно образованным и благородным. Но одновременно и побаивались. Отсюда — распространение сплетен о его якобы измене, о готовности предаться Наполеону [22], считали возможным, «что Платов может, если не увлечь казаков прямо на службу Наполеону, то увести их на Дон и удержать там от действий против французов» [23]. Все это создавало атмосферу неискренности к атаману и порождало свою легенду о Платове, совершенно отличную от народной.

Фольклор оперирует образами, до предела обобщенными и гиперболизированными, в которых все второстепенное и незначительное убирается. Народ видел в Платове героя, победителя Отечественной войны 1812 г. По словам П. Бессонова, «Платов у народа — вся Россия того времени, вся народно-поющая о том времени Россия — Платов» [24].

Составители данного сборника поставили перед собой задачу на конкретном примере жизни Платова показать, как создавался эпический образ, какую роль в нем сыграла традиция и какую — реальная историческая действительность. Иными словами, мы стремились увидеть «механику» диалектического единства коллективного начала, скрытого в традиции, и индивидуального, представленного в данном случае событиями 1812 г.

Впервые предпринимается труд, в котором собраны все известные материалы устного творчества, посвященные атаману Платову: песни, предания, даже сплетни. В книге приводятся тексты, разбросанные в разных изданиях, кроме того, находящиеся в разных архивах, а также записанные самими составителями. Многие тексты публикуются впервые. Мы приносим искреннюю благодарность всем, помогавшим нам своими советами и материалами: А.С. Каргину, Н.А. Хренову, В.А. Шукову, И.А. Аверину, Н.Н. Гиляровой, Т.Б. Дианової, А.А. Ивановой, В.А. Ковпику, Е.П. Батьяновой, Е.Г. Богиной.

Примечания

1. *Киреевский П.В.* Песни, собранные П.В. Кирееевским / Под ред. и с доп. П. Бессонова. М., 1874. Вып. 10. С. 7.
2. *Сапожников А.И.* Граф Матвей Иванович Платов. Опыт научной биографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995 (далее: Сапожников, канд. дисс.). С. 171.
3. Там же.
4. Словарь современного русского языка. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 634.
5. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1933. Т. 12. С. 120.
6. Там же.
7. *Кутузов М.И.* Сборник документов. М., 1954. Т. 4. Ч. 1. С. 219.
8. *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна (далее — Харкевич). 1900. Вып. 1. С. 22.
9. Записки А.И. Михайловского-Данилевского 1812 года // Исторический вестник. 1890. № 10. С. 154.
10. *Михайловский-Данилевский А.И.* Отечественная война в 1812 г. СПб., 1912. С. 92.
11. Записки А.И. Михайловского-Данилевского... С. 130.
12. *Липранди И.П.* Бородинское сражение. СПб., 1861. С. 39.
13. *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1937. С. 110.
14. Из воспоминаний Д.Н. Болговского // *Харкевич*, 1900. Вып. 1. С. 224—225.
15. Там же. С. 236.
16. Там же.
17. *Клаузевиц.* С. 110.
18. Там же.
19. Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1912. Т. 3. С. 109.
20. Замечания И.П. Липранди на «Описание Отечественной войны 1812 года» А.И. Михайловского-Данилевского // *Харкевич*. 1903. Вып. 2. С. 35.
21. *Мельгунов С.П.* Вожди армии // Отечественная война 1812 года и русское общество. Т. 3. С. 86—88.
22. Военно-исторический сборник. 1913. № 2. С. 108.
23. *Богачев В.В.* Платов М.И. // Донцы XIX века. Новочеркасск, 1907. С. 362.
24. Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. 10. С. 33.

В.Г. СМОЛИЦКИЙ

ОБРАЗ АТАМАНА ПЛАТОВА В НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

«Вот как хвалится-похвалится генерал Платов...»

Матвей Иванович Платов (1753—1818) [1] — герой Отечественной войны 1812 года. Император Александр I присвоил этому казаку графский титул и наградил многими высшими орденами и драгоценными подарками. Начиналась его слава задолго до событий Отечественной войны.

Платов родился в станице Старочеркасской, которая в те времена называлась просто Черкасском. Сведения о предках его очень скупы. Про деда известно лишь то, что он занимался рыбным промыслом. Отец его Иван Федорович к моменту рождения сына Матвея считался человеком среднего достатка; но впоследствии вошел в «сотную команду», т. е. в сотню наиболее близких атаману казаков для выполнения секретных поручений. Он участвовал в Семилетней войне, отличился при Кюстрине, неоднократно ездил от войскового атамана курьером в Петербург, имел награды от императрицы Елизаветы Петровны и принял активное участие в возведении на престол Екатерины II, за что получил серебряную медаль, а несколько позже саблю «За верные службы». Он достиг звания войскового старшины и после смерти оставил наследникам пять тысяч крепостных крестьян [2].

Тринадцати лет Матвей Платов начал свою военную службу в чине урядника и участвовал в русско-турецкой войне 1768—1774 гг., отличился в делах с неприятелем и закончил кампанию командующим казачьей сотней. После заключения Кючук-Кайнарджийского мира его перевели на Кубань. Здесь, после сражения на высотах при реке Калалах, впервые о Платове заговорили как о герое: ему было поручено обеспечить охрану большого транспорта с провиантом и амуницией. Для этой цели под его командой оказалось два полка и одно артиллерийское орудие. Против него выступили крымский хан Девлет-Гирей вместе с горскими князьями, собравшие двадцатитысячную армию. Несмотря на превосходящие в двадцать раз силы противника, Платов сумел отразить семь атак, создать полевое укрепление и дождаться подоспевших ему на выручку русских войск. Противник бежал. Это сражение принесло Платову известность. Исследователи предполагают, что события битвы при р. Калалах отразились в казачьей песне «Вот как хвалится-похвалится генерал Платов». Ее основу составляет монолог атамана:

Есть у меня на тихом Дону слуги верные,
Слуги верные, донские казаки (№ 1).

Он призывает седлать коней, выехать в чисто поле и поглядеть, «отчего наша армеюшка потревожилась». Оказывается, потревожилась она от неприятеля, «от злых черкес». Это упоминание в последнем стихе и дает возможность связать песню с указанным выше боем. Она была записана в середине XIX века, и поэтому понятен анахронизм: генеральский чин Платов получил несколько позже.

Карьера его продвигалась стремительно. Перед турецкой кампанией 1787—1791 гг. он уже полковник. Платов участвовал во многих походах под командованием Г.Г. Потемкина и А.В. Суворова, отличился под Очаковым в 1788 г., под Аккерманом и Бендерами в 1789 г. В 1790 г. на военном совете, созванном А.В. Суворовым, Платов, как младший по чину, должен был выступить первым. И он высказался за штурм Измаила. В поданном после сражения рапорте Суворов особенно отметил Платова, который «поощрял подчиненных своих к порядку и твердости под сильными перекрестными выстрелами, достигнув рва и, нашед воду, в том только месте находящуюся, не только не остановился, но сам перешед оную, служил примером и с неустрашимостью взлез на вал, разделя на три части колонну, поражая неприятеля, овладел куртиною и пушками и много дал пособия с препорученным ему войском к преодолению далее неприятеля... Был он, Платов, сам повсюду примером храбрости» [3]. Тогда же Платов был произведен в генерал-майоры и награжден орденом Георгия.

После восшествия на престол Павла I Платов был по чьей-то клевете сначала сослан в Кострому, а потом даже заключен в Петропавловскую крепость. Оттуда он вышел по приказу того же Павла, решившего отправить его во главе казачьего отряда в поход в Индию. В январе 1801 г. во главе двадцати семи тысяч казаков атаман отправился в путь. Вскоре для отряда наступили тяжелые испытания: морозы и болезни косили людей и животных. По словам биографа, «упадок духа в отряде был полный: глухой ропот переходил в случаи открытого неповиновения; более покорные умоляли своего атамана вернуться назад» [4]. Только смерть императора и воцарение Александра I в марте того же года возвратили назад казачье войско. В том же 1801 г. Платов уже генерал-лейтенант и атаман Войска донского.

Русско-турецкие войны, а также, возможно, поход в Индию отразились в казачьем эпосе. Существует песня, в которой рассказывается о встрече Платова с казаками, возвращающимися «с батальицы, со страшного кровопролития турецкого» (№ 2).

Записанная в середине XIX и начале XX в. эта песня, вероятно, возникла в конце XVIII в. или в начале XIX в. в казачьей среде по горячим

следам событий. И, возможно, некоторые трагические краски добавились после похода в Индию, впоследствии забытого фольклором.

И песня о битве на р. Калалах, и песня о возвращении с турецкой баталии изображают Платова не столько храбрым воином, сколько «ласковым» военачальником, обращающимся к своим подчиненным со словами: «Орлы мои сизокрылые», «соколы мои залетные» (№ 1), тревожащимся о своей «армеюшке» и «слезно плачущим» (№ 2), видя казаков перераненными и перевязанными.

«От своих чистых сердец совьем Платову венец...»

Бывшие злоключения не дали ему участвовать в суворовских походах против французов. Он не успел к Аустерлицкому сражению: его полки, отправленные для подкрепления русско-австрийской союзной армии, едва дойдя до государственной границы, получили известие о мире между Францией и поверженной ею Австрией.

Зато в франко-прусской войне казаки Платова себя показали, и его имя «сделалось известно всей просвещенной Европе» [5]. Здесь атаман столкнулся с войсками французов. В битве при Прейсиш-Эйлау Наполеон не смог сломить россиян силою одного решительного удара, как привык поступать с австрийской и прусской армиями. Платову в этом сражении удалось захватить в плен до 500 человек. Небольшие казачьи отряды тревожили неприятеля днем и ночью. По словам командующего русской армией Л.Л. Бенигсена, «казаки нападали то на один, то на другой из неприятельских постов и всякий раз захватывали пленных» [6]. Многочисленные стычки с французской армией заставляли противника задерживаться на каждом шагу. Это не смогло изменить хода всей кампании, окончившейся Тильзитским миром, но показало высокие боевые качества казачьих войск, что вынужден был признать победитель — Наполеон.

Войне 1807—1809 гг. посвящена одна песня, известная в трех записях, сделанных у казаков. В ней имя Платова отсутствует. Она повествует о кровопролитных боях под Гутштадтом в Пруссии и рассказывает о тяготах войны. В ней используются символы народной поэзии: жалобный голос кукушки, прослезивший всю армию, горькая осина, сухая вершина дерева. Все три текста упоминают «речку слезовую», по которой бежит «струя кровавая». Гутштадт, действительно, стоит на реке Алле, и все боевые действия были связаны с переправой через нее. Составители сборника «Исторические песни XIX в.» предполагают, что песня отражает «затаенное недовольство казаков — участников похода в Пруссию» [7] высшим командованием коалиционной прусско-русской

армии, которое недооценивало казачьи части: «плохо снабжало их продовольствием, изматывало бесчисленными разъездами и караулами» (там же). Платов неустанно и сильно настаивал на необходимости прежде всего заботиться о продовольствии войска.

Платовский цикл, связанный с событиями до 1812 г., включает произведения, характерные для солдатской и казачьей среды XVIII и XIX вв., посвященные своим «отцам-командирам» и почти не выходившие за пределы того коллектива, в котором были сложены. Такие песни о Б.П. Шереметеве, П.А. Румянцеве-Задунайском, П.Д. Цицианове, И.В. Гудовиче и др. сохранились в немногих текстах, редко превышающих десяток и дошедших до нас в рукописных сборниках времени, близком периоду деятельности воспеваемого военачальника. Они повторяют одни и те же мотивы и сюжеты, подставляя только новые имена.

«Похвалялся вор-французик Россию взять...»

К началу Отечественной войны 1812 г. пятидесятидевятилетний Платов находился уже в чине генерала от кавалерии и командовал всеми пограничными и регулярными войсками. Именно его воинам — лейб-казачьему разъезду — было суждено первыми встретить неприятеля, перешедшего пограничную реку Неман.

Уже к середине XVIII в. сложилась тактика иррегулярных летучих казачьих отрядов в их стратегическом взаимодействии с регулярной российской армией. Им отводилась роль так называемого «легкого» войска, в задачу которого входило наносить противнику всяческий вред: «беспокоить неприятеля денно и нощно; действовать ему в тыл и во фланги, стараться овладеть его транспортами и истреблять в тылу неприятельском все, что только может споспешествовать его действиям, особливо госпитали; отнимать у неприятеля все способы к продовольствию и перевозке нужных для него потребностей, сжигать и истреблять мосты, суда, магазины и запасы и увезти и уничтожить всякую упряжь и повозки, жителям же оставлять только нужное для их прокормления» [8]. Таково было официальное предписание высшего командования, самого М.Б. Барклая-де-Толли, согласно которому казаки должны были действовать сообразно обстановке: «слабого неприятеля бить, а сильного беспокоить всеми средствами» [9]. Особое внимание обращалось на действия на неприятельских флангах и в тылах.

Платов успешно выполнял поставленные перед ним задачи. Казаки «отличались не только смелостью и неустрашимостью, но и большим искусством» [10]. Постоянно в их тактике использовались военная хитрость и обман врага. Они малыми силами создавали видимость желания

завязать с противником бой, потом, отступая, заманивали его к засаде и решительным ударом разбивали.

В период общего отступления платовцы находились в арьергарде и поэтому наиболее часто соприкасались с передовыми отрядами французов, сдерживая их движение, ведя разведывательные операции, прикрывая наши российские тылы во время переправ через реки.

Первые победы над врагом тоже принадлежали казакам. 27 июня в сражении при местечке Мир они наголову разбили авангардные соединения противника, состоявшие из пяти полков под командованием генерала Турно. Было захвачено много пленных, в том числе штаб-офицеры и обер-офицеры. «У нас, благодаря Богу, урон до сего часа мал, — рапортовал Платов Багратиону. — Избавь, Всевышний, от того и впредь» [11]. Это был первый успех в войне, победа, «хотя небольшая, однако и не так малая» (слова Платова) [12]. Вслед за Миром — успешные бои при Романове, у Молева болота. Все победы имели важное моральное значение, показывая возможность бить «непобедимого» врага. Такая тактика постоянных и внезапных нападений до крайности изматывала неприятеля.

В том, что к Бородину наполеоновское войско подошло намного ослабевшим, есть, несомненно, и большая доля заслуги казачьих подразделений во главе с Платовым. В самом генеральном сражении казаки по приказу Кутузова зашли в тыл противника и атаковали его левое крыло. Наполеону пришлось приостановить наступление, — это кардинально изменило обстановку в пользу русских войск. Противник вынужден был первым отвести свои войска с поля боя. (О Бородинском сражении подробнее см. в тексте «От составителей»).

Взятие французами Москвы не принесло им ожидаемой победы, и 14 октября 1812 г. началось общее отступление великой наполеоновской армии. Во время преследования неприятеля казаки истребляли остатки французских войск и внушили им такой страх, что одна весть об их появлении приводила врага в ужас, и он поспешно снимался с биваков и продолжал отступление. Под Малоярославцем казаки едва не захватили самого французского императора.

После перенесения театра военных действий в Европу Платов занял несколько укрепленных германских городов и после судьбоносной Лейпцигской битвы преследовал отступавшего врага до Рейна и далее — до Парижа, куда вступил вместе с армией союзников. В 1814 г. он участвовал во многих значительных сражениях, пока не был отозван на главную квартиру, где оставался в свите Александра I до окончательного разгрома Наполеона.

В годы Отечественной войны и последовавших за ней заграничных походов имя Платова стало одним из самых популярных. Печать и уст-

ная молва разносили по всей Российской империи его славу. Уже в самых первых газетных сообщениях о вторжении Наполеона постоянно упоминались казаки, которые в первых сшибках с захватчиками «себя отличили» [13]. Имя казачьего атамана в сознании современников оказалось прочно связано с большинством победных реляций. Его слава проявилась 22 августа, когда он на один день приехал в Москву. Об этом поспешила известить очередная афишка Московского главнокомандующего Ф. Ростопчина [14]: «Генерал Платов, по приказанию Государя и думая, что Его Императорское Величество уже в Москве, приехал сюда прямо ко мне (Ростопчину. — *В.С.*) и едет после обеда обратно в армию и поспеет к баталии, чтобы петь там благодарный молебен и "Тебя, Бога, хвалим"».

Впоследствии в своих записках Ростопчин вспоминал, как Платов выходил «к купцам и народу, который во множестве собрался, чтобы его видеть. Он рассказывал им разные сказки, объявлял, что он уверен в победе на основании своих познаний в астрологии, что он приехал помолиться Московским угодникам и что в тот же вечер он уедет назад к войскам. Эти люди считали его колдуном (necromancien) [15] и высоко ценили его дарования и храбрость. Они называли его истинным русским» [16]. Это свидетельство показывает, какова была его популярность.

Современники высоко оценили роль казачьих войск во время пребывания в Москве французов: «Никто не наносил им большего вреда, как сие легкое войско, нападавшее на все неприятельские отряды, отнимая изготовленные ими запасы и прерывая сообщение различных их корпусов [17]. Уже тогда подчеркивалась связь казаков с простым народом: «Они-то всего более подавали руку помощи вооружившимся крестьянам и вместе с сими последними уничтожали повсюду [неприятельских] фуражиров и мародеров» [18].

Имя Платова появляется в первом же номере «Московских ведомостей» [19] после освобождения столицы: «Наконец, благодарение Вышнему! мы вновь начинаем дышать свободою... Генерал от кавалерии Платов, подкрепленный бригадою из первого и второго егерьских полков, следовал с одною частью по Духовской, а с другою по Смоленской дорогам. Сим фланговым движением армия, приближаясь к Красному, подала уже способ авангарду генерала Милорадовича иметь третьего числа поверхность над неприятельскою гвардиею». В том же газетном номере печатались донесения Платова о других его победах и трофеях.

Имя казачьего атамана было у всех на слуху. Рассказы (или, как тогда говорили, анекдоты) о подвигах казаков так или иначе ассоциировались с их атаманом. В 1814 г. в Москве в Университетской типографии вышла книга в 4-х частях под заглавием: «Полное собрание анекдотов

достопамятнейшей войны россиян с французами, изображающее высокий дух и мудрость великого Александра I, Императора Всероссийского и миротворца Европы; беспристрастное изображение великих соображений, мужества и непоколебимой решимости российских полководцев, как-то: Кутузова-Смоленского, графа Витгенштейна, Платова, Барклая-де-Толли, Милорадовича, Бенигсена и др. героев, отличные подвиги оказавших; также неимоверные примеры храбрости всего российского воинства и неподражаемые образцы в перенесении трудностей и великих пожертвований всех сынов Отечества и проч.; с присовокуплением описания малодушия, варварства и проч. Наполеона и всех его сообщников, учинивших в России и по бегстве его из оной». Как видим, Платов оказался на третьем месте, сразу после главнокомандующих Кутузова и Витгенштейна [20]. Но в книге собственно о Платове почти ничего не сообщается, хотя много рассказов посвящено эпизодам войны, связанным с казаками и рисующим их мужество, отвагу, ловкость, умение выйти из любого затруднительного положения, военную хитрость, а также их бескорыстие, человеколюбие, гостеприимство, любовь к Родине и благочестие. Эпос о казачьем подвиге в Отечественную войну 1812 г. начинал складываться (пока в прозе) по горячим следам событий. Но для того, чтобы разрозненные прозаические рассказы выстроились в единую эпическую героическую песню, подвиги многих должны были совместиться в одном лице. И таким лицом стал Платов.

А песни о нем, как герое 1812 г., появились, вероятно, довольно рано. Они были сложены в стиле и поэтике, характерных для казачьих и солдатских песен XVIII—XIX вв. В некоторых из них имя Платова как бы служит дублером другим именам. Так оно появляется в одном из списков песни «Наполеон пишет письмо Александру I», которая по своему содержанию напоминает «Шведский король требует возвращения городов» [21], «Прусский король похваляется захватить русскую землю» [22], «Турки похваляются захватить Румянцева (Потемкина)» [23].

Песня о Наполеоне и Александре известна в семи записях [24]. Большинство текстов найдено у казаков. В ней, как правило, русского царя успокаивает Кутузов, но в ИП XIX. № 41 его заменяет Платов. Вероятно, такая подмена поздняя. Здесь уже отсутствует письмо французского императора русскому, а говорится только о похвальбе «хранцуза», которую подслушал Платов, сообщивший затем царю о вражеских замыслах.

Имя Платова заменяет Кутузова в сюжете «Полководец допрашивает пленного». Казачий атаман вытесняет генерал-фельдмаршала в двух текстах из десяти (№ 3). В XVIII в. этот сюжет разрабатывался наиболее полно в песнях о Шереметеве [25].

Наконец, в песне «Полководец призывает солдат победить французов», известной в двух списках, в одной записи (с Пинеги) фигурирует Кутузов [26], а в другой (с Печоры) — Платов [27]. Таким образом, можно проследить в этих песнях тенденцию превратить Платова из подчиненного генерала-тактика в стратега, командующего, распоряжающегося всеми войсками и несущего ответственность за всю кампанию. То, что текст последней песни записан на русском Севере, говорит о том, что Платов из казачьего героя постепенно превращался в общерусского.

В двух других песнях Платов уже не дублер, а главный персонаж. Условно их можно обозначить по первым стихам, хотя с этих стихов они начинаются необязательно:

1. От своих чистых сердец совьем Платову венец.
2. Похвалялся вор-французик Россиюшку взяти.

Песни не имеют четкой композиции, они как бы переплетаются друг с другом, из одной в другую могут переноситься целые фразы и отдельные мотивы. Тем не менее, каждая имеет свое основное ядро. Для первой — описание битвы, прототипом которой, возможно, явилась Бородинская:

Как мы начали палить, дым-от с сажею валит.
Каково есть красно солнышко — не видно во дыму.

Платов изображен здесь смелым и отважным воином, «ясным соколом»: «Граф-от Платов разъезжает... сам на вороном коне» (№ 5).

Он заботливый командир, который печется о том, чтобы его солдаты и казаки ни в чем не нуждались:

Вы пейте-ка без мерушки
Зеленое вино,
Получайте-ка без расчету
Государевой казны (№ 6).

Стих, вынесенный в заглавие этой песни, перекочевал сюда из воинских песен XVIII в. — о полководце Румянцеве:

Граф Румянцев наш отец,
Мы сплетем ему венец
Из своих, братцы, сердец [28].

Песня о Платове во время битвы была распространена по всей России: ее записывали у донских и астраханских казаков, в центральных губерниях: Московской, Новгородской, Орловской, Симбирской, а также на русском Севере — в Карелии, Заонежье, на Пинеге. Всего известно было 30 текстов.

Вторая песня посвящена всей кампании, а не одной битве, — победе русского войска над французами; в ней рассказывается, как не удалось «вору-французику Россиюшку взяти».

Храброму и уверенному в победе Платову противопоставлены «сенатóры» и «генералы», которые, узнав о французских притязаниях, испугались и заплакали. В песне они выполняют роль контрастного эпического фона, которую в более древних произведениях — былинах — выполняли «бояре толстобрюхие». Платов их успокаивает и делает расположения по всей российской армии:

Солдатушки, ребятушки,
Слушайте мово наказу,
А вы ружья заряжайте,
Сабли вынимайте (№ 17).

Угроза вражьего правителя (шведского короля, турецкого мурзы, прусского короля) русскому царю (чаще — царице) — общее место в песнях XVIII в. Там естественна и женская реакция императрицы.

Ой да милосердная наша государынька
Убоялась она того.
Ой да ее скорые резвые ноженьки
Подломились стоючись.
Ой да белотельные царские рученьки
Опустились они о бока (ИП XVIII, № 410).

Или:

Тут-то наша государыня
Призадумалась,
Призадумалась государыня,
Расплакалась (ИП XVIII, № 422).

Ее утешают Румянцев, или Потемкин, или Суворов, или кто-нибудь другой из той же плеяды. К моменту появления в песне о Платове этот эпизод имел уже многолетнюю традицию. Но одно дело — плачущая женщина, другое дело — плачущие генералы и сенаторы — государственные мужи. Здесь сработала еще более древняя традиция противопоставления в эпической песне героя окружающей его среде, когда «большой хоронится за среднего, средний — за меньшего, а от меньшего ответа нет». Таким образом, в этой песне проявился закон былинной композиции, названный А.П. Скафтымовым «предварительной недооценкой героя», проявился в измененном виде, когда «недооценивается» не герой, а государство. Герой выступает единственным, кто в надежде на Бога верит в могущество России и ее армии. В песне противо-

стоят не два обобщенных образа, персонифицирующих некие антагонистические силы, а сами силы.

Историческая песня не стала былиной, хотя и вобрала в себя некоторые черты былевой традиции. Она известна в ограниченном количестве записей (не более пятнадцати) — но из различных уголков России: у донских, оренбургских и астраханских казаков, а также в Орловской, Тамбовской, Симбирской, Пензенской губерниях. Самая ранняя из дошедших до нас записей, вероятно, та, которая принадлежала архиву П. Киреевского в записи В.И. Даля (см. текст № 9).

Приведенные песни о Платове показывают, как его образ постепенно вытеснил в фольклоре образы других полководцев и командиров Отечественной войны 1812 г. На это обратили внимание давно [29, 30]. Вероятно, это произошло потому, что донской атаман в народном сознании оказался наиболее близким человеком не только в национальном плане, но и в социальном.

«Святорусская земля много горя приняла...»

Генетические корни сюжета

Подлинно эпического былевого звучания этот образ достигает в песне «Платов в гостях у французов». Она известна повсеместно, записывалась не менее 125 раз в различных регионах по всей России. Самые ранние из дошедших до нас списков относятся, вероятно, к 1830-м годам, самые поздние записи — к концу XX века. Естественно, что за полтора века произошел ряд наслоений, и песня иногда вбирала в себя отражение последних событий, в первую очередь, связанных с польскими восстаниями XIX в. и Крымской войной. Отсюда замена в некоторых текстах «Русской» земли на «Польскую», упоминание Варшавы и некоторые другие анахронизмы. Тем не менее, более чем за 150 лет песня варьируется лишь в отдельных незначительных деталях. Содержание ее сводится к следующему: переодетый герой проникает неузнанным в стан врага. Не следует искать прямых конкретных реалий. Связь сюжета с действительностью заключается в том, что казаки во время войны 1812 г. много действовали в расположении неприятельских войск: вели разведку и победоносные бои местного значения, нападали на вражеские обозы, нарушали коммуникации сил противника, постоянно проявляя мужество, военную хитрость и «смекалку». В этом и есть историческая правда произведения.

Но, следуя законам эпического жанра, эта правда заключена в традиционные формы. Многие черты песни приближают ее к поэтике бы-

левого творчества. Это проявляется, прежде всего, в характере обобщения. Для былины характерно столкновение двух антагонистических сил представлять как конфликт двух персонажей. Так, борьба христианской Руси с язычеством была изображена, как бой Добрыни Никитича со Змеем, борьба со степью и татаро-монгольским игом, как бой Ильи Муромца с Соловьем-Разбойником, его же — с Идолищем Поганым, как бой Алеши Поповича с Тугариным и т.д. В разбираемой нами песне война России с «двунадесять языками» изображена как столкновение Платова с «французиком».

Эта песня близка русскому эпосу и своей идейной направленностью. Для былин свойственна генеральная установка, выразившаяся словами Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде». Специфической чертой подавляющего большинства героических былин является почти всегда одна и та же композиционная модель: противник представляет нападающую сторону; богатырь обязательно обороняется, защищается, освобождает, спасает; его победа — акт торжества справедливости. Так, былина «Илья Муромец и Идолище Поганое», во многих деталях сходная с песней о Платове, начинается с того, что герой узнает о случившейся беде, когда все «не по-старому» и не «по-прежнему»:

Приезжал Одолище Поганое в стольно-Киев-град
Со грозою со страхом со великием (Рыбн., № 6).

Или:

Наехал есть поганое Идолищо,
Святые образы были поколоты..,
Да во Божьих церквах там коней кормят (Гильф., № 48).

Или:

Было у нас во Царе-гради
Наехало проклятое чудишшо...
У царя Константина Атаульевича
Сковали у его да ноги резвые
Теми же железами немецкими...
Княгиню Опраксею в полон взяли.

В песне о Платове отсутствует мотив получения известия о беде, но справедливость действий главного персонажа раскрывается вступлением:

Святорусская земля
Много горя приняла (№ 27).

Мать российская земля
Много горя приняла
Да много крови пролила (№ 48).

Уже ты, матушка моя Россия,
Много нужды приняла,
Много нужды, много страсти
Невозможно вспомянуть (№ 40).

Таким образом, «про Платова-казака далеко слава прошла» прежде всего в связи с тем, что он выступил на защиту Родины, оказавшейся в горе и нужде. Песня о Платове продолжает многовековую идейную песенную эпическую традицию, когда воспеваемый подвиг обязательно связан с борьбой за справедливость.

Сохраняется в песне и характерный для былин композиционный стержень — уже упомянутый нами мотив «предварительной недооценки героя», однотипная реализация которого роднит наше произведение с былиной «Илья Муромец и Идолище Поганое». Герои песни и былины прежде, чем встретиться со своим антагонистом, изменяют свою внешность.

Получив известие о том, что Киев (Царьград) захвачен врагом, богатырь снимает с себя платье богатырское и надевает платье каличье, т.е. платье, принадлежавшее калике перехожему, путешествующему по святым местам.

Отправляясь «“в гости” к “французику”», Платов бреет бороду, коротко стрижет волосы и переодевается в купчика. Бритье и переодевание — обязательны. Только очень разрушенный текст может пройти мимо детали бритья бороды. На ней нам впоследствии еще придется останавливаться. На неузнаваемости персонажей строятся конфликты обоих произведений, что дает основание увидеть в старой былине один из древних источников песни XIX в. Но их генетическая связь не только в этом; она прослеживается и в последующем развитии повествования.

Описание врага в былине подчеркивает его неимоверные размеры:

Да сам ведь как он семи аршин,
Голова у его да как пивной котел,
А ножжища как быть лыжища,
Да ручища да как быть граблища,
Да глазища да как быть чашища.

Песня, сложенная в XIX в., подчеркивает уже не физическую силу персонажа, а его высокое социальное положение, его властное могущество. В некоторых текстах он назван французским королем, Наполеоном, Бонапартом. Но и там, где этого не говорится, подчеркивается его знакомство с большинством русских «сенаторов» и генералов. Это не простой француз, а знатный человек, сильный предоставленной ему властью.

Между персонажами-противниками и в былине, и в песне происходят идентичные диалоги. Идолище спрашивает про Илью Муромца и хвастает своим физическим превосходством. Французик тоже интересуется Платовым, грозит расправой с ним и хвастает, что возьмет его в плен и снимет «с живого кожу» [31].

Хвастовству и бахвальству врага противопоставляются простота и скромность героя.

Илья Муромец:

Илья-то ведь да Муромец
А волосом да возрастом ровным с меня...
А хлеба ест как по три-то калачика крупивчатых,
А пьет-то зелена вина на три пятачка на медныих (Гильф., № 48).

Платов:

Платов ростом не великий,
Словно братец родной мой.
Его личико, румянец
Будто брата моего (№ 73).

Оба произведения заканчиваются моральной победой главного героя.

Илья Муромец иронизирует над размером и обжорством Идолища, которое, по мнению Поганого, свидетельствует о его силе и непобедимости.

Говорит ему Идолище Поганое:

Экой ваш богатырь Илья (мало ест и пьет. — *В. С.*)
Я вот по семи ведер пива пью,
По семи пуд хлеба кушаю.

Говорил ему Илья таковы слова:

«У нашего Ильи Муромца батюшко был крестьянин,
У него была корова едучая:
Она много пила-ела и лопнула» (Рыбн., № 6).

Платов высмеивает недогадливость и глупость неприятеля:

Ты ворона, ли ворона,
Загуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола поймать,
Ясна сокола поймать,
Сизы перышки щипать (№ 53).

Но концовка былины об Илье и Идолище отличается от концовки песни о Платове. В финале былины — физическая расправа богатыря со своим врагом.

У Ильи Муромца разгорелось сердце богатырское,
Схватил с головушки шляпку земли греческой,
И ляпнул он в Идолище поганое,
И рассек он Идолище на полы (Рыбн., № 6).

Песня о Платове чаще всего завершается приведенной выше насмешкой, иногда к ней прибавляется приглашение на бой:

Ну изволь-ка ты, ворона,
Со мной в поле выезжать,
Батарею сочинять.
Что и ту ли батарею,
Что французскую дуэлю (№ 26).

Песня не знает физической расправы с врагом, окончательной «силовой» победы. Это дает некоторую возможность предположить: ее запели еще в ходе кампании 1812 г., до полного изгнания и поражения Наполеона.

Мотив изменения внешности перед встречей со своим антагонистом в русской эпической традиции имеет много примеров без кровавого окончания. Такова былина о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче — русский вариант международного бродячего сюжета «Муж на свадьбе своей жены», известного во многих национальных эпических традициях (например, в «Одиссее»), в частности в славянской [32]. Когда Добрыня по приказу князя борется с многочисленными внешними врагами, Алеша Попович сватается к его жене. Ее вынуждают ответить согласием на домогательства Алеши. Добрыня возвращается в день свадьбы и идет на пир, переодевшись гусляром. Жена узнает мужа, спешит к нему, а он расправляется с обидчиком без «кроволития», но в разных списках по-разному: таскает его за желты кудри» или «учит» «шалыгою подорожною», но при этом обязательно насмехается:

Гой еси, мой названай брат
Алеша Попович млад!
Здравствуй, женивши да не с кем спать! (Кирша Данилов, № 21).

Мы попытались установить генетическую связь песни о Платове с рядом эпических мотивов, восходящих к древности. Мы увидели, что она выросла на старинной былевой основе. Но «ряд мотивов» еще не

сама песня, которая во многом отличается от своих предков и крепко связана со своим временем, когда она возникла и распространялась. Естественно, песня о герое 1812 г. со всеми своими многочисленными историческими реалиями была сложена только в XIX в. На сюжетной основе древней традиции появилось новое произведение, походная казачья и солдатская песня со своим конкретным содержанием и новым музыкальным строем, соответствующим ритму походного движения.

Песенная традиция сюжета в XVIII веке

Но у песни есть более близкие, чем былина, родственники и по времени происхождения, и по деталям сюжета — некоторые исторические песни XVIII в.

Песня о Петре Великом. Существует песня о Петре Великом. Ее единственный список, неоднократно публиковавшийся, относится к 1791 г.; он из г. Починки Нижегородской губернии. Составители сборника «Исторические песни XVIII века», перепечатывая песню, дали ей заглавие: «Петра Первого узнают в шведском городе». По своему поэтическому и мелодическому строю она еще связана с былевой традицией. Анализ, проведенный П. Бессоновым, обнаружил в ней ряд постоянных старинных песенных формул [33]. Вот ее содержание. Государь-царь тайно отправляется на кораблях, и никто не ведает, куда. Петр берет с собой «силушки очень мало»: только Преображенских гренадеров, — и приказывает им не называть его ни царем, ни государем, а только заморским купчиной. Они приплывают к Стекольному государству (т.е. в Стокгольм), «что к тому ли шведскому королевству». Лже-купчинушка расхаживает по улицам, пока его не узнает «гетман земли Шведской», который докладывает королевне, что по городу гуляет не купец, а русский император. Королевна вынесла портреты семи царей, и по ним установили личность Петра. Она приказывает запереть городские ворота: «Вы ловите царя Белого скорее». Смелость самого царя, преданность матросов и солдат спасают положение и дают им возможность возвратиться в Россию.

В этой песне нашли свое отражение в преобразованном поэтическом виде реальные исторические факты: небывалое раньше на Руси заграничное путешествие царя-реформатора под чужим именем, во время которого он посетил и земли, принадлежавшие тогда шведской короне (русско-шведская война началась несколько позднее). В разобранных нами выше былинах богатырь приходил не узнанным своим противником, но приходил или в свой, или в дружественный город (Киев или Царьград) с целью освободить его от захватчика. Или, еще более того, возвращался домой, к любящей жене, чтобы спасти ее от позорных домо-

гательств. С этой песни начинается отсчет произведений, сюжетно более близких песне о Платове: переодетый герой во вражеском стане. Ряд конкретных деталей еще больше сближает песню об императоре с песней о казачьем атамане: оба переодеваются купцами, их узнают по портретам, в их спасении участвуют, в одном случае, матросы и солдаты, в другом — слуги и казаки.

Если в песне о Петре I он разгуливает неузнанным по вражескому городу, то в двух других песнях XVIII в. их герои, подобно Платову, приходят в гости к своему персонифицированному врагу. Так возникает конкретный песенный сюжет: «N в гостях у неприятеля». В XIX в. это сюжет песни о Платове; в XVIII в. этот сюжет связывается с именами Краснощекова и Прозоровского.

Песни о Краснощекове. Эпический цикл песен о Краснощекове вобрал в себя судьбы нескольких представителей такой фамилии. В большинстве произведений, посвященных этому фольклорному персонажу, легко просматриваются исторические реальные лица, за которыми стоят люди разных поколений.

Старший — Иван Матвеевич — атаман донских казаков, дослужившийся до чина бригадира. Он жил в первой половие XVIII века и был убит во время одной из многочисленных войн со шведами в 1742 г. Его имя в документах известно в нескольких написаниях: Краснощехов, Краснощекий, Краснощеченко, — и встречается в описаниях многих казацких походов первой трети XVIII века.

Еще при Петре I, во время войны России с Персией в 1725 г., он во главе рядов донцов и калмыков разгромил утемишского султана Махмуда, разорил его земли, «много порубил неприятелей, взял в плен 350 человек и захватил 11000 рогатого скота, кроме другой добычи» [34]. Он пользовался большим авторитетом среди казаков и неоднократно по просьбе Петербурга выступал посредником между российским правительством и своими соотечественниками. Так, в 1729 г. его и атамана Ивана Матвеевича и Данила Ефремова просили убедить две или три тысячи донских казаков добровольно поселиться около крепости Св. Креста и реки Аграхани (Кавказ). За это ему были обещаны тысяча рублей жалования и назначение войсковым атаманом [35]. Он вел переговоры с некрасовцами (правда, безуспешно) о возвращении их на родину. Слава его перешагнула границу казачьих поселений и распространилась по всей России. С ним связывали свои надежды беглые крестьяне. Они шли к казаку Краснощекому, который, по доходившим до них слухам, всякому пришедшему якобы «дает награждение по 5 рублей да льготы на 5 лет» [36].

Песни, посвященные ему, в основном связаны с его гибелью. В августе 1742 г. шведские силы оказались запертыми русскими войсками на

мысе, где находится г. Хельсинки. Их разведывательный отряд из сотни драгунов случайно столкнулся с отрядом казаков во главе с Краснощековым. Непродолжительная, но жаркая стычка, в которой атаман получил три сабельных раны, вынудила его отступить в болото, где он и погиб от вражеской пули [37]. Не зная о судьбе Краснощекова и думая, что он попал в плен, командующий русской армией генерал П.П. Ласси послал к шведским постам парламентера узнать, что случилось. Когда пришло известие о гибели атамана, Ласси обратился к шведам с просьбой о выдаче тела. Те согласились, и на следующий день к ним явился казачий офицер со своими людьми. Они одели покойника в привезенный парчовый кафтан, отправили панихиду, покрыли специальным большим покровом, который четверо слуг держали за концы, и в таком виде доставили в русский лагерь [38]. Краснощеков был чуть ли не последней жертвой той войны, так как через несколько дней шведская армия капитулировала. Песни о нем появились, очевидно, вскоре после его смерти. Они помещены в «Собрании разных песен» М.Д. Чулкова [39] через тридцать лет после события. В них отразились конкретные детали реальных событий. Предположение, что атаман попал в плен, дало толчок к возникновению песен «Краснощеков в неволе», «Краснощеков на допросе». В них указывается место гибели героя — черные грязи, т.е. болото, сохраняются подлинные имена командующего неприятельских войск Левенгаупта [40] и главнокомандующего русских войск П.П. Ласси, названного в одном тексте Петром Петровым Лессеном и изображенного, вопреки исторической правде, изменником; хотя, на самом деле, по словам его биографа, он оставил «после себя добрую память, особенно среди солдат» [41]. В одном тексте из рукописного сборника XVIII в. [42] указывается на пышные похороны — реальную деталь, на которую обратили внимание и современники-иностранцы (см. выше).

Произведения, где прототипом был Иван Матвеевич, сложены в стиле протяжных песен в соответствии с традиционной поэтикой фольклора. Композиция их строится на основе психологического параллелизма, дающего, например, волнующую картину окруженного врагами героя.

Что на камешке сидит млад ясён сокол.
Подпалил он свои быстрые крылышки,
Обжег он свои скорые ноженьки.
Прилетели к соколу стадо воронов,
Что садились черны вороны вокруг его
И в глаза ясному соколу насмехалися.
Называли они сокола вороною:
«Ты ворона, ты ворона подгуменная!» [43]

Образная система полна народной символики и постоянных эпитетов. Оппозиция «ясен сокол» — «ворона подгуменная» впоследствии встретится в песне об атамане Платове.

В Семилетнюю войну (1756—1763) в войске донском среди командиров встречаются два Краснощековых: бригадир Федор Иванович (несомненный сын Ивана Матвеевича) и полковник Андрей (отчество не установлено). В распоряжении бригадира находилось два казачьих полка, в распоряжении полковника — один. Оба отличались своей «храбростью и неустрашимостью» [44] и «свою должность с отличною храбростью похвально исполнили» [45], как отмечало в рапортах их высшее начальство. Про Федора Ивановича рассказывали, что он копьем или стрелою попадает в цель на пушечный выстрел и что, по его словам, «ни от кого пардона не примет» [46].

Он участвовал в осаде Кольберга, взятии Мемеля и Берлина; Андрей — в сражениях при Пасс-Круге и под Фридбергом, во взятии крепости Дризен.

Казачьи полки уже тогда относились к разряду «легких» войск. Особо следует обратить внимание на выполнение «обманных» действий, нередко совершаемых обоими Краснощековыми. В их задачу входило показаться неприятелю малой силой и выманить его из стен города. Одна из таких операций описывается в документах. Увидев незначительную партию противника, пруссаки «с поспешностью» выступили; тогда «бригадир (Краснощеков Ф. — *В.С.*) со своею командою по сделанному от той партии уведомлению туда приступил и, призвав всесильного Бога в помощь, <...> с жестоким устремлением оного неприятеля атаковал, которой по маловременном сопротивлении приведен был в такое замешание и бессилие, что <...> в крайнем смятении и ужасе в бегство обратился и до самого города победительно гнан был» [47].

Приказы на подобные «обманные» действия получал и Андрей Краснощеков: занять пост у Ловинского монастыря, укрепиться и «для приведения неприятеля в конфузию утреннюю и вечернюю зарю стрелять» [48].

Как и в 1812 г., казачьи войска обязаны были причинять противнику «всякой возможной вред» [49]: «беспокоить» его, затевать перестрелку, отбивать обозы, отнимать съестные припасы и обмундирование. И действительно, многие их победы сопровождались реляциями о захвате большого количества пленных и трофеев. Так, около местечка Резенбург казаки бригадира встретили неприятельскую гусарскую партию и, «храбро оную партию атаковав, разбили, и живых один корнет и тридцать один рядовых в полон взяты.., а убитых с неприятельской стороны сочтено двадцать восемь» [50]. В другой раз казаки Ф.И. Краснощекова переплыли р. Одер, встретили небольшой прусский пост гусар и взяли из них в плен трех человек «да одного пастора и двух шульцов из тамош-

них деревень с собою привезли, лошадей сто пятьдесят и рогатого скота триста тридцать, також плывущие от Штетина два судна остановив, к здешнему берегу пригнали, в коих муки сорок четыре бочки найдено» [51]. В реляции, из которой выписан этот эпизод, далее сообщается, что командующий «для ободрения и поощрения казаков к таким партиям за каждого гусара тем, кои именно оных поймали, по двадцати по пяти рублев выдать приказал» [52].

В рапортах высшего начальства постоянно фигурируют данные, полученные от казаков Ф. Краснощекова [53]. Он неоднократно получает приказы с требованием о добыче языка, сведений о расположении неприятельских войск, о наблюдении за неприятелем и т.д. [54]. Такие же приказы, видимо, получал и полковник, но в рапортах высшего начальства, естественно, согласно его более низкому чину, имя Андрея встречается гораздо реже, чем Федора.

Особая военная смекалка, ловкость и хитрость, необходимые в действиях «легких» казачьих войск, подчеркиваются в песнях о Краснощекове — участнике Семилетней войны.

Не велика это страсть
Караулы его (врага. — *В.С.*) красть [55], —

заявляют донские казаки своему предводителю.

Сам герой изображен в песне «Краснощеков в гостях у прусского короля». Нам известно немногим более десятка записей этой песни. Подавляющее их большинство найдено у казаков: донских [56], оренбургских [57], терских [58]; астраханских [59] и только один текст, приведенный у Киреевского, записан в г. Шенкурске Архангельской губ. [60]; этот последний — довольно дефектный, контаминированный с другой песней, в нем Краснощеков назван королем, а героем песни выступает безымянный капитан.

Таким образом, центром бытования песни были, несомненно, земли казачества, среди потомков участников Семилетней войны. Вероятно, и возникла она у казаков в то время, когда эта война еще была злобой дня, либо в ходе ее, либо вскоре после ее окончания. На это указывают имеющиеся в текстах исторические реалии: противником героя обязательно выступает прусский король (только в архангельском тексте прусс заменен шведом), сохраняя память именно о Семилетней войне. Инициатором переодевания казака в купца в песне всегда является царица; правда, имя ее время запамятовало, в большинстве случаев она безымянная: матушка, матушка Россия, государыня, сударыня. Только один текст называет ее имя и то — неправильно: Катерина, вместо правившей тогда Елизаветы Петровны [61].

Большинство текстов песни о Краснощекове начинается так же, как и песня о Платове:

Ты Россия ли, Россия,
Мать Российская земля (Приложение, № 7).

Цель, с которой отправляется в Пруссию Краснощеков, не называется, но, вероятно, подразумевается: он не должен быть узнан, как всякий лазутчик, разведчик. Проникнуть с такой целью в стан врага — занятие привычное для казака. Прусс, прусский король, приняв его за русского купца, пытается подкупить и получить от него важные сведения:

Он просил гостя драгого
Правду-истину сказать:
Сколько в армии есть войска,
Краснощекова показать (Приложение, № 7).

За это он обещает: «Много-много бы казны дал» (Приложение, № 8). Гость иронизирует:

На что казны давать?
Можно так его признать (Приложение, № 4).

По его описанию, Краснощеков похож на отца и брата «купчика». Изобразив собственный портрет, атаман выходит на крыльцо, зовет своих слуг, требует коня и, вскочив на него, уже верхом, смеется над противником:

Ты ворона, ты ворона, загуменная карга!
Не умела ты, ворона, ясна сокола ловить,
В руках его держать, сизы перышки щипать (Приложение, № 6).

Подобными словами оканчиваются все тексты песни о Краснощекове, знаменуя собой победу над врагом: герой превзошел его в ловкости, сообразительности и смелости.

Возможно, походная песня с сюжетом «N в гостях у неприятеля» возникла именно в Семилетнюю войну. Во второй половине XVIII века она бытовала уже не обязательно с Краснощековым. На место казачьего атамана можно было подставить любого другого командира, собственного начальника, злободневного героя очередной военной кампании. До нас дошли подобные песни о Прозоровском.

Песня о Прозоровском. Александр Александрович Прозоровский (1732—1809) — потомок древнего княжеского рода, Рюрикович. В XVII в. его предки участвовали в жестокой войне с разинскими казаками. В середи-

не XVIII века в его войсках казаки играли видную роль. Он воевал, и успешно, в Семилетней войне, но его «звездный час» пришелся на русско-турецкую войну 1769—1774 гг., в которой главнокомандующим был фельдмаршал граф П.А. Румянцев-Задунайский. Закончил он свою карьеру в XIX в. в звании генерал-фельдмаршала.

С 1767 г. он находился в Польше, которая в то время граничила с турецкой Оттоманской империей. Он один из первых донес начальству о «явном уже во многих местах собрании турецких... войск [62] вблизи российских рубежей. В войне 1768—1774 гг. в чине генерал-майора Прозоровский командовал авангардом одной из русских армий, укомплектованной в основном «легкими» войсками, в составе которых находилось семь казачьих донских полков и, в частности, полк некоего Даниила Краснощекова. Смелыми и решительными действиями Прозоровский добился немалых успехов, участвовал во многих сражениях. В Очаковском бою «выказал замечательную распорядительность и умение и не потерял присутствие духа в критических обстоятельствах» [63]. Некоторое время в 1771—1772 гг. командовал резервным корпусом, расположенным на Дону и в крепости Св. Дмитрия Ростовского, превратившейся позднее в нынешний Ростов-на-Дону. Кампанию 1768—1774 гг. закончил с многочисленными наградами, кавалером орденов Александра Невского и Георгия, в звании генерал-поручика. Его имя и слава были тесно связаны с казаками, и поэтому, весьма возможно, что в их среде появилась песня «Генерал Прозоровский в гостях у турецкого визиря». Она дошла до нас в единственном тексте рукописного сборника конца XVIII — начала XIX в. [64]. Вероятно, песня бытовала среди воинов, служивших под его началом. Во всяком случае, она имеет некоторые исторические реалии, связанные с его деятельностью. Зачин ее: «Ох мы польскую земельку наблюдаем завсегда», — рисует обстановку 1767 г., когда Прозоровский командовал отрядом, находившимся в Польше, и вел разведывательные операции, в результате которых обнаружил скопление турецких сил. Не случайно в песне упомянута турецкая крепость Хотин. В ее осаде и штурме в августе-сентябре 1769 г. отряды Прозоровского принимали самое активное участие. Конец песни, где Прозоровский приглашает визиря «на батальицу», дает основание предполагать, что она возникла еще до взятия Хотина (7—9 сентября 1769 г.): о победе еще неизвестно. Во всяком случае время ее бытования относится к самому концу 60-х — 70-м годам XVIII в. Песня дошла до нас без разбивки на стихи, но в ней нетрудно обнаружить ритм, характерный для солдатских и казачьих походных песен, подобных поздним песням о Краснощекове.

Платов в гостях у француза. Песня о Платове в гостях у француза является переделкой песни, возникшей, вероятнее всего, в XVIII в.,

связанной с повторением некоторых обстоятельств реальной действительности в различных исторических условиях, с тем, что традиционная тактика казачьих «легких» войск в 1812 г. вобрала в себя опыт казачьих военных тактических операций. И в XVIII столетии, и в Отечественную войну казаки неизменно «наведывались в гости к неприятелю». Использование готовых сюжетов, старых композиционных схем, поэтических приемов, постоянных формул лежит в природе фольклорных произведений, отражая диалектическое единство коллективного и индивидуального начала в народном традиционном творчестве. Но это же единство требует, чтобы каждое произведение отражало не только традицию, но и злобу дня, чтобы каждое произведение несло в себе нечто новое, связанное с конкретностью и неповторимостью каждой эпохи. Чтобы выявить это, следует детально проанализировать данную песню.

Песня начинается с обращения к России:

Ты Россия, ты Россия,
Мать российская земля.

Среди исторических песен XVIII и XIX вв. такой зачин встречается только в песнях о Краснощекове и Платове и только в сюжете об их пребывании в гостях у неприятеля. В большинстве песен о Краснощекове продолжением этого обращения является мысль о том, что российская земля «много нужды приняла» (Приложение № 4), «много крови пролито» (Приложение, № 8); «много нужды приняла... много крови... пролила» (Приложение, № 10). В песне о Платове наряду со словами о нужде, крови, горе и слезах часто говорится и о другом:

Про тебя ли, мать Россия,
Хороша слава прошла (№ 44).

Иногда эти не противоречащие друг другу утверждения соединяются в одно, наиболее правдивое:

Много славы, много чести,
Много горя ты снесла.

Вероятнее всего, подобный зачин начал складываться еще в песне о Краснощекове и на протяжении XVIII и XIX вв. развивался, «шлифовался» и приобрел в конце концов эту всеобъемлющую формулу о славе, чести и одновременно горе, крови, слезах. Такой зачин придает дальнейшему рассказу о подвиге Платова особую значительность и глубину. Слава России переплетается со славой казака:

Не про тя ли, мать Россия,
Широка слава прошла,
Широка слава прошла
Да про Платова-казака? (№ 49).

Повествование о Платове, как правило, начинается с описания его волос и бороды, редкий текст не упомянет об этом.

У Платова-казака
Да небритая борода
Да не стрижены волоса.
Во Париж-город вступил,
Себе бороду обрил
И русы волосы остриг.

Само по себе изменение внешности перед встречей с врагом — мотив, нередко встречающийся в эпосе разных народов. Так поступали и Добрыня, и Илья, и Одиссей. Но богатырям, чтобы их не узнали, следовало только переодеться, поменять платье богатырское на каличье или скоморошье. Стрижка волос и бороды — деталь, отсутствующая в текстах о Краснощекове и Прозоровском, не такая маловажная, как может показаться на первый взгляд. Издревле, с языческих времен, у славянских народов существовало особое уважение к ношению бороды.

Христианство укрепило традицию. В «Русской правде» за насильственное лишение этого мужского украшения с обидчика взималась пеня в 12 гривен, в то время как за увечье — всего только 3 гривны.

В допетровской Руси бритье бороды и пострижение усов воспринималось как нечто аморальное и даже греховное: «се бо женам лепо, мужем же не подобно» [65]. Старообрядцы стали называть брадобритие «законопреступным» [66]. Власти церковные и светские неоднократно писали обличения и принимали различные меры против брадобритцев.

Петр I запретил городскому населению носить на лице растительность еще решительнее, чем его предшественники оберегали ее. На бороды и усы он ввел специальную пошлину, которую обязаны были платить все, кроме священников, в зависимости от своего общественного положения и достатка, от 30 до 100 рублей. Уплатившим выдавался специальный «бородовый знак». Крестьянам надо было приобретать его только тогда, когда они приезжали в город, — за две деньги. В деревнях по этому поводу их никто не беспокоил. На долгие годы, до середины XIX в., название «бородач» стало синонимом слову «мужик», «крестьянин». Казаки в этом отношении оказывались близкими к простому люду. В отличие от солдат регулярных войск, их не заставляли бриться. По этому признаку их нетрудно узнать на лубочных картинках, посвящен-

ных Отечественной войне. Борода сближала облик казака и крестьянина, делала их «своими».

Платов был, может быть, первым казачьим атаманом, изображение которого выгравировано и очень широко распространено в народных картинках. По словам Д.А. Ровинского, его портреты, наряду с портретами Кутузова и поэта-партизана Дениса Давыдова, пользовались «особенной популярностью» [67]. Этот историк искусства в своем «Подробном словаре русских гравированных портретов» [68] указал 88 различных номеров его изображения. И всюду он был представлен бритым, безбородым. (А Денис Давыдов в своем партизанском обличии — с бородой.) Отсутствие бороды у Платова, вероятно, для многих современников тем более было странно, что существовала легенда о его старообрядчестве, легенда, проникшая даже в упомянутый выше «Подробный словарь русских гравированных портретов»: «Платов представляет единственный пример старообрядца, достигнувшего высоких чинов и графского титула» [69]. Эта легенда опровергается документами. Будучи на административной должности войскового атамана Войска донского, он писал воронежскому Преосвященному о своем негативном отношении к устроению в г. Черкасске единоверческой церкви: «Состояние раскольника в военном народе терпимо совсем быть не может: оно ослабит военную дисциплину, расстроит правила ее и казака доведет до негодности быть прямым казаком» [70]. Платов не был старообрядцем. Но, повторяем, легенда такая существовала и даже отразилась в песне. В некоторых текстах бритье бороды связывается с тем, что он «через закон преступил, «закон пременил» (№ 37), но необходимость проникнуть в тыл неприятеля требовала изменения внешности.

Казак смелость поимел,
Свою бороду обрел,
Волоса свои остриг
Да у француза в гостях был (№ 52).

Усы-бороду обрывал,
Чтоб хранцуз его не взнал (№ 45).

Иногда эта необходимость усугубляется тем, что инициатором того преображения является сам император:

Государь его любил,
К себе в гости попросил,
Ему бороду обрил,
Позументы с груди снял,
Купцом его наряжал,
Ко французу посылал (№ 27).

Бритье бороды «оправдало» себя. Француз принял Платова за купца. Он угощает его водкой и расспрашивает о Платове, называя его «вором», «грубияном», «плутом».

Выпей рюмку, выпей две,
Всю ты правду скажи мне.
Уж я всех же в Москве знаю
Генералов и господ,
Одно только не знаю
Я Платова-казака (№ 37).

Особая ненависть к атаману понятна:

Он в раззор нас разорил (№ 53).

Поэтому он нужен французу, чтобы «с живого шкуру снять». Для этого он не пожалеет денег.

Кто б про Платова сказал,
Тому б злата много дал (№ 38).

Француз хочет подкупить своего гостя, соблазняя его «казной». Жестокому, но простоватому врагу Платов загадывает загадку (нередкий случай в эпических диалогах). «Купец» на предложение хозяина отвечает, что Платова нетрудно отыскать:

На что золота терять?
Его так можно узнать:
Он одно лицо со мной
Ровно брат мене родной (№ 53).

Разгадка ясна: перед тобой сам разыскиваемый. Но француз не понимает этого. Отчаянно храбрый Платов играет с огнем, и это особенно нравится в герое и исполнителю, и слушателю. В сюжете появляется новое лицо.

Дочь француза догадалась,
Портрет начала смотреть (№ 53).

Имя ее в текстах почти не варьируется — Ирина, чаще Арина или Орина, редко — Алина. Чем это вызвано — нам остается неизвестным.

Эпизод с дочерью находится в текстах из различных регионов России — у оренбургских и терских казаков, в Карелии, на Пинеге и Печоре, в Рязанской, Вологодской, Архангельской, Пермской, Симбирской губерниях, на Алтае и Нижнем Поволжье, на Енисее и средней

Колыме. Он уже имеется в самых старых записях, относящихся к 30—40-м годам XIX столетия. Следует предположить, что он появился в песне о Платове одновременно с ее возникновением.

Мудрая дева, помогающая отцу решить сложную задачу, — традиционный мотив международного фольклора. Здесь его особенность заключается в том, что решение ее связано с портретом. Такое узнавание мы уже встречали в песне о Петре I. Там шведская королевна «по портрету царя белого узнавала». Гравюры с первым российским императором расходились в большом количестве в России и за ее пределами. Выше было сказано о популярности изображения Платова. Мотив узнавания по портрету отсутствует в песне о Прозоровском и очень редко встречается в песне о Краснощекове в поздних текстах (конец XIX — начало XX в.), что легко объясняется влиянием на нее песни о Платове. Этот мотив представляется нам не столько связанным с традицией, сколько непосредственным отражением действительности, вносящим в поэтический образ героя Отечественной войны 1812 г. конкретную деталь.

Песня приближается к своему финалу. Платов понимает, что его узнали. Тогда он выбегает на крыльцо, зовет своих слуг и казаков, которые подают ему коня, и уже верхом обращается к неприятелю с речью, демонстрирующей его превосходство над врагом.

Ты ворона ли, ворона,
Загуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола пымать,
Ясна сокола пымать,
Сизы перышки щипать (№ 43).

Иногда вслед за этой издевкой идет вызов на бой:

Прилетай-ка к нам, ворона,
В чисто поле погулять.
Про тебя у нас, ворона,
Пироги напечены
Да сухари насушены.
Пирогам будем кормить,
А сухарям по крыльям бить.
Крылья-перья обобьем,
Во шкатулку окладем
Да во Париж-город пошлем (№ 49).

Так возникает традиционный образ врага «непрошеного гостя», известный в русской словесности еще со «Слова о полку Игореве».

В аристократических кругах, где Платов вращался по долгу звания и благодаря графскому титулу, он оставался чужаком «по недостатку благородства характера» [71]. Биограф Платова писал, что вокруг него всегда было много «завистников», «тайных врагов», «недоброхотов» [72]. Но народ в его лице видел собственного представителя, у которого «не стрижены волоса... и небритая борода» и который расстался с мужской «лепотой» только в результате крайней военной необходимости. Героем народной войны 1812 г. и должен был стать именно такой человек, как Платов.

Мы попытались проанализировать соотношение исторической реальности и песенной традиции в создании конкретного произведения, проследить, как подвиг, известность и славу народ превращает в песню.

Примечания

1. Год рождения Платова указан в соответствии с последним исследованием А.И. Сапожникова: Граф М.И. Платов. Опыт научной биографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 12.
2. Подробнее — Сапожников, канд. дис. С. 21—22.
3. *Суворов А.В.* Документы. М., 1951. Т. 2. С. 552.
4. *Кочергин М.* Платов М.И. // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 14. С. 23.
5. Смирной, I. С. 66.
6. *Бенигсен Л.Л.* О войне с Наполеоном в 1807 г. // Русская старина. 1899. № 12. Т. 100. С. 703.
7. И. п. XIX. С. 220.
8. Донские казаки в 1812 году // Сб. документов. Ростов-на-Дону, 1954. С. 29.
9. Там же.
10. *Кочергин М.* Платов М.И. // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 14. С. 27.
11. Донские казаки в 1812 г. С. 95.
12. Там же.
13. Московские ведомости. 1812. № 51. Прибавления. Известия о военных действиях из Главной квартиры от 17 июня.
14. Ростопчинские афиши 1812 года. СПб., 1889. С. 40. № X.
15. Точнее, вероятно, «предсказателем» (франц.).
16. *Попов А.Н.* Москва в 1812 г. М., 1873. С. 166—167.
17. Анекдоты, или Достопамятные сказания о Его светлости генерал-фельдмаршале М.Л. Голенищеве-Кутузове-Смоленском. СПб., 1814. Ч. 2. С. 110.
18. Там же.
19. Московские ведомости. 1812. № 71.
20. Витгенштейн стал главнокомандующим с 1813 г. после смерти Кутузова.
21. ИП XVIII, № 410—436.
22. ИП XVIII, № 284.
23. ИП XVIII № 441—443.
24. ИП XIX, № 36—41, а также Железнов. С. 45.
25. ИП XVIII, № 35 и 70—80.
26. ИП XIX, № 46.
27. ИП XIX, № 47.

28. *Киреевский П.В.* Песни, собранные Киреевским / Под ред. и с доп. П. Бессонова. М., 1874 г. Вып. 9. С. 288—289.
29. Киреевский, 10. С. 7.
30. Там же. С. 33.
31. См.: № 37, 43, 49, 67—70.
32. *Смирнов Ю.И.* Славянские эпические традиции. М., 1974. С. 132.
33. Киреевский, 8. С. 164—166.
34. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1993 (далее Соловьев. Соч.). Т. IX. С. 370.
35. *Соловьев.* Соч. Т. X. С. 164—165.
36. *Соловьев.* Соч. Т. XI. С. 151.
37. *Майков Л.Н.* Плен гр. Гордта в России // Русский архив. М., 1877. Кн. 2. С. 295.
38. Там же. С. 296.
39. *Чулков М.Д.* Собрание разных песен. СПб., 1770—1773. Ч. III—IV.
40. ИП XVIII. С. 72.
41. Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 10. С. 86.
42. ИП XVIII. С. 77—78.
43. Там же. № 92.
44. Семилетняя война. М., 1948. С. 489.
45. Там же. С. 303.
46. *Соловьев.* Соч. Т. XII. С. 451.
47. Семилетняя война. С. 395.
48. Там же. С. 449.
49. Там же. С. 453.
50. Там же. С. 274.
51. Там же. С. 328—329.
52. Там же.
53. Там же. С. 371, 451 и т.д.
54. Там же. С. 328, 388.
55. И.п. XVIII в. № 395.
56. Холмский. С. 55; Листопадов. I. Ч. 2. С. 226; Громов. С. 114—115; Тумикевич. С. 22.
57. Киреевский, 9. С. 150—152; 161—163; Мякутин. С. 51—53.
58. Путилов. С. 67.
59. Догадин, 2. № 13.
60. Киреевский, 9. С. 148—150.
61. Холмский. С. 55.
62. *Румянцев П.А.* Документы. Т. II (1768—1775). М., 1953. С. 3.
63. *Алексевский Б., Прозоровский А.А.* // Русский биографический словарь. Т. 15, СПб., 1910. С. 7.
64. ИРЛИ. Архив «Русской старины», ф. 265, оп. 3, № 8, л. 29-29 об., опубликовано в ИП XVIII. С. 250.
65. Стоглав. СПб., 1863. С. 125.
66. *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество. Лица, предметы, события, символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 54.
67. *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 5. С. 294 (примечание).
68. *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1888. Т. III, стб. 1783—1794.
69. Там же, стб. 1783.
70. *Лысогорский Н.В.* Единоверие на Дону в XVIII и XIX вв. (по 1883 г.). Сергиев Посад, 1915. С. 577.
71. *Харкевич В.И.* Барклай де-Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904. Приложение. С. 11.
72. Смирной. Т. 1. С. 39.

ПЕСНИ О ПЛАТОВЕ

ПЛАТОВ ВЕДЕТ КАЗАКОВ НА НЕПРИЯТЕЛЯ

№ 1
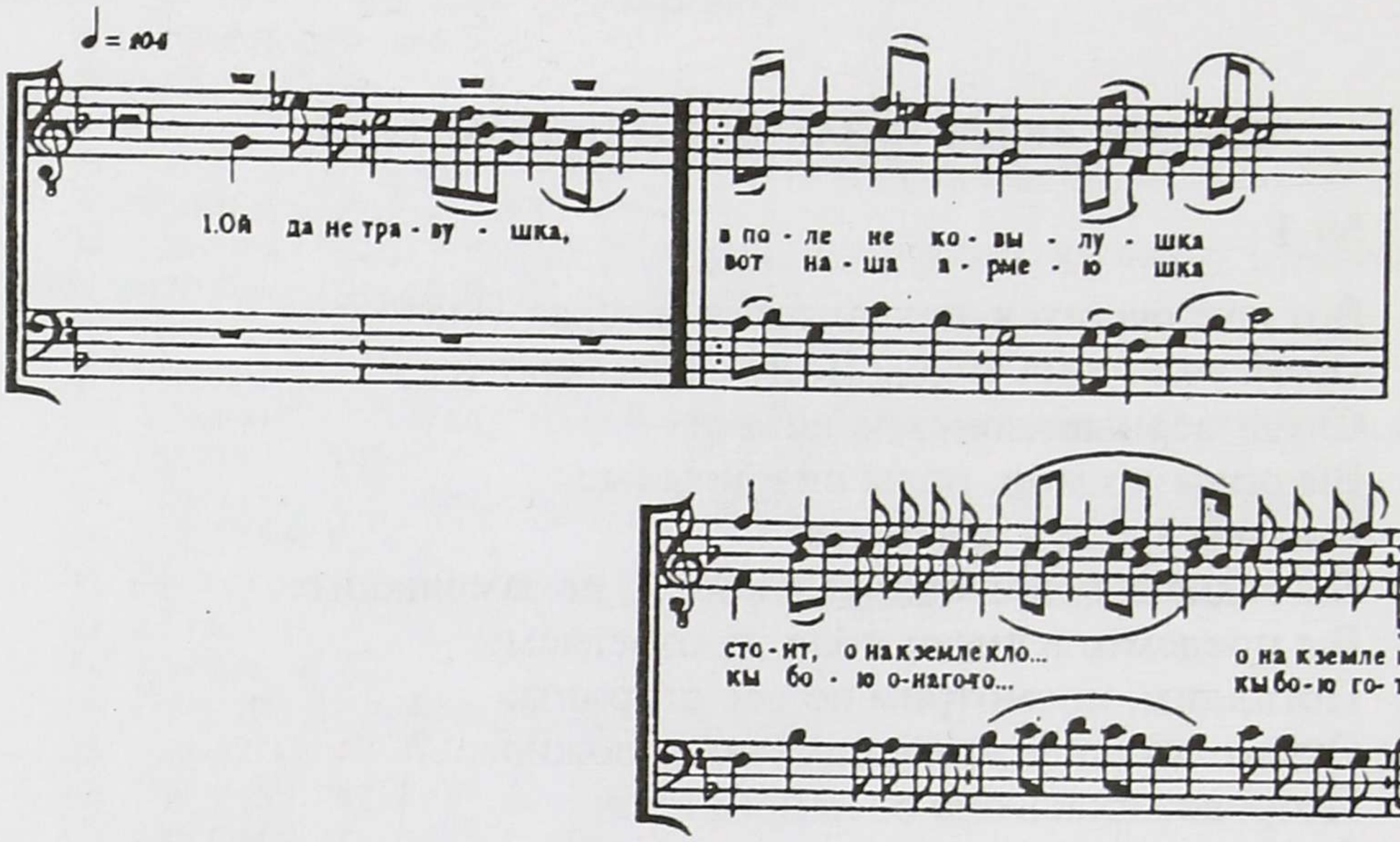
Вот как хвалится-похваляется генерал Платов:
«Есть у меня на тихом Дону слуги верные,
Слуги верные, донские казаки —
Вы орлы-то мои, орлы сизокрылые.
Соколы вы мои залетные!
Вы седлайте своих добрых коней, не замешкайте,
Вы поедемте в чисто поле, поотведаем,
Поглядим, посмотрим во все стороны:
Отчего-то наша армеюшка потревожилась?
Потревожилась она от неприятеля,
От неприятеля, от злых черкес!».

ПЛАТОВ ВСТРЕЧАЕТ КАЗАКОВ ПОСЛЕ БОЯ

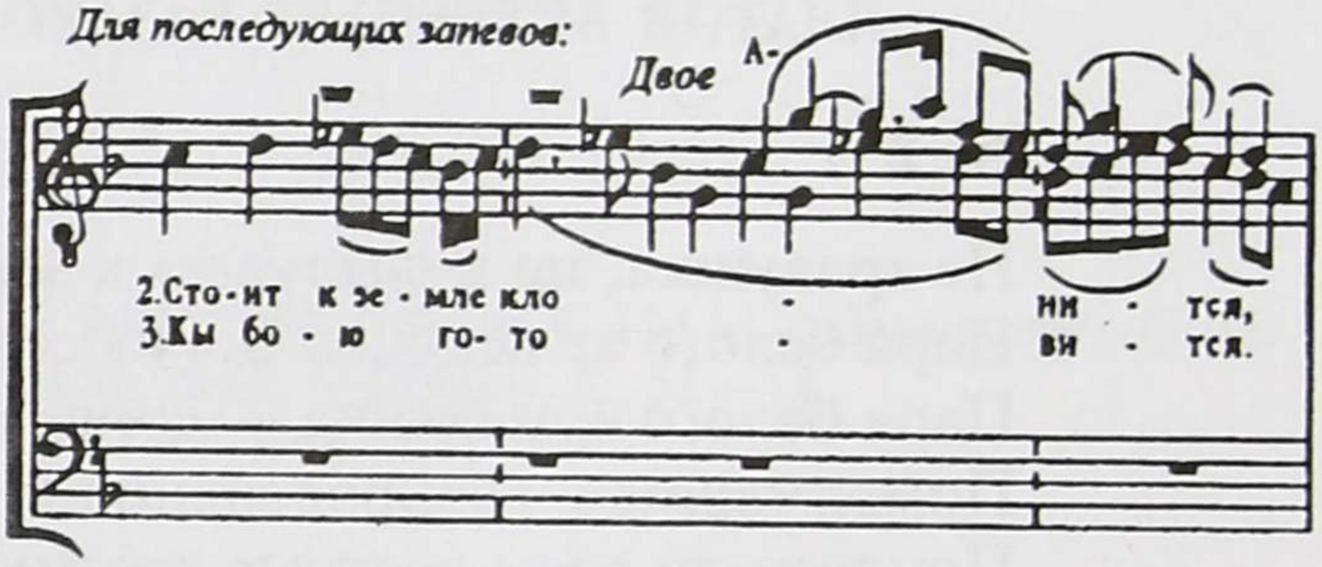
№ 2
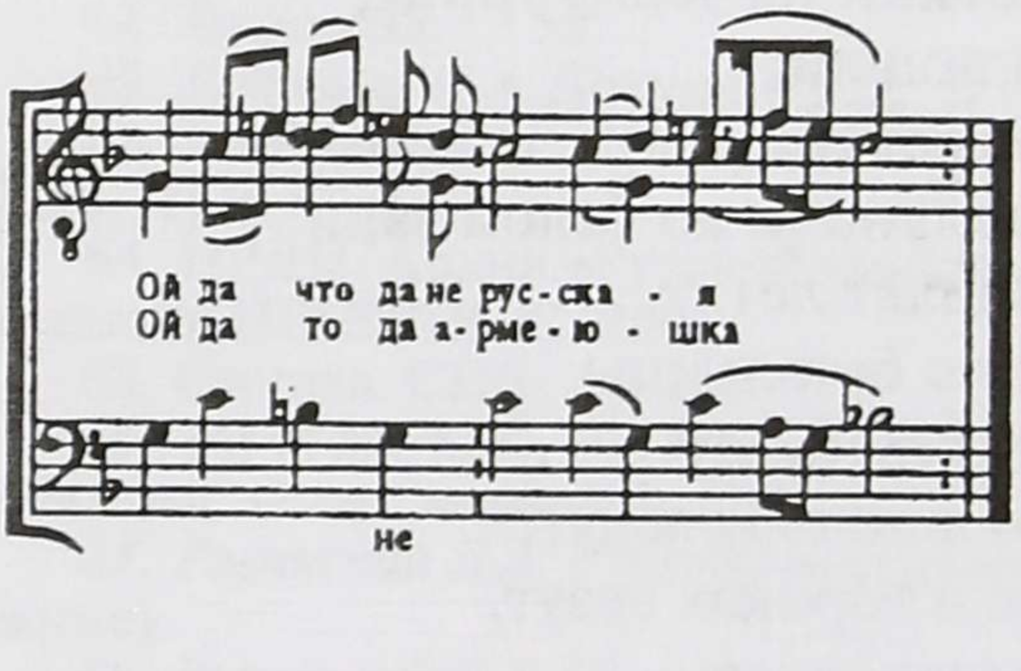
Не травушка, не ковылушка к земле клонится,
Царя белого армеюшка Богу молится.
Царя белого армеюшка — донские казаки:
Помолившись, распростившись, на конь садилися,
Приложили свои вострые дротики на черну гриву,
Закричали-загичали, на удар пошли;
Они билися-рубилися день до вечера,
Со вечера до полуночи, а с полуночи до белой зари!
Не гусюшки и не лебеди напролет летят,
Идут-то, идут донские казаки с батальицы,
Со страшного кровопролития турецкого,
Притомленных добрых коней в поводу ведут,
Кровавое свое платье цветное в тороках везут,
А царское знамечко-то на плечах несут.
Навстречу донским казакам генерал Платов:
«Где были вы, слуги верные, где вас Бог носил?»,
«Мы идем-то, идем сы батальицы,
С того страшного кровопролитьица турецкого!»
Стоит тут генерал Платов, призадумался,
Призадумавшись, он слезно плакать стал!

№ 3

Для последующих запевов:

Ой да не травушка в поле, не ковылушка,
Стоит, она к земле кло... она к земле клонится.

Стоит, к земле клонится,
Ой да что да не русская вот наша армеюшка
Кы бою она гото... кы бою готовится.

Кы бою готовится,
Ой да то да армеюшка она с Дону Тихого —
Донские наши каза... донские казачушки.

Донские казачушки,
Ой да приготовимшись, они распростилися,
На коников посади... на конь посадилися.

На конь посадилися,
Ой да приложили они свои востры дротики,
Приложили на черну, они на черну гриву.

Они на черну гриву,
Ой да закричали они, да и загичали,
Вот бы они на уда... они на удар пошли.

Они на удар пошли,
Ой да тут и билися казаки, рубилися
Они день до ве... они день до вечера.

Они день до вечера,
Ой да а с вечера бились до полуночи,
Бились, братцы, до бело... бились до белой зари.

Бились до белой зари,
Ой да вот не гусюшки, да не гуси-лебеди,
Они будто на проле... они на пролет летят.

Они на пролет летят, —
Ой да, ну, идут-то, идут донские казачушки,
Идут они сы бата... идут сы баталицы.

Идут сы баталицы,
Ой да ну, сы страшного они с кроволития,
Кроволития туре... вот-и, сы турецкого.

Вот-и, сы турецкого,
Ой да притомленных своих добрых коников,
Они коней в поводу, коней в поводу ведут.

Коней в поводу ведут,
Ой да окровавленную свою платью цветную,
Они вот бы в торока... они в тороках везут.

Они в тороках везут,
Ой да они знамечка, вот бы знамя красная
Они на плеча... они на плечах несут.

Они на плечах несут,
Ой да на устречу им, вот нашим казачушкам,
Вот сам, братцы, атама... вот сам атаман Платов.

Вот сам атаман Платов:
«Ой да ну и где ж были вы, мои други верные,
Ну, и где ж вы носи... где ж вы носилися?

Где жа вы носилися?»
«Ой да вот идем жа мы, донские казачушки,
Идем жа мы сы бата... идем сы баталица.

Идем сы баталица,
Ой да сы того-то идем, вот мы сы баталица,
С турецкого кроволи... с того кроволития.

С того кроволития!»
Ой да как и тут-то бы наш, вот наш атаманушка,
Вот он крепко призаду... крепко призадумался.

Крепко призадумался,
Ой да призадумавшись, крепко пригорюнился,
Сам слезно, братцы, запла... сам слезно заплакал.

ПЛАТОВ ДОПРАШИВАЕТ ФРАНЦУЗСКОГО МАЙОРА

№ 4

Как поехал наш граф Платов воевати
Со славным войском, с храбрым войском — с казаками:
С ним донского войска много, войска много,
Войска много, войска много, сорок тысяч.
Эсаулы караулы порубили,
Офицеров и майоров в полон взяли,
Как спросил же граф наш Платов у майора:
«Ты скажи мне, молодой майор, всю правду, —
Много ли у вас войска в Париже?».
«Во Париже у нас, Платов, войска много,
Много войска, много войска, — сметы нету».
«Я угрозов, молодой майор, не боюся:
Вот я завтра же в Париж к вам соберуся».
Заблистали остры сабли над главами,
И вороты нам в Париж отворили,
И знамена нам французы преклонили.

ПЛАТОВ ВО ВРЕМЯ БИТВЫ

№ 5

Мы гуляли во лужках, забавлялись во кружках,
Мы гуляли, цветы рвали, мы веночки совивали,
Совивали, совивали, на головку надевали,
На головку надевали, нову песню запевали,
Как мы в армии живали, ничего горя не знали,
У нас пушек много есть, нам их некуда девать.
Как мы начали палить, дым-ат с сажею валит:
Каково есть красно солнушко — не видно во дыму!
Не ясен сокол летает, граф-ат Платов разъезжает,
Он на кру́той на горе, сам на вороном коне;
Он поехал, засвистал своим донским казакам:
«Гей вы братцы, (вы) ребята, вы товарищи мои!
Вы не пейте, ребята, зеленого вина,
Пожалейте, ребята, государевой казны!».
Уж как в поле пыль пылит, во дуброве лес шумит,
Во дуброве лес шумит — француз с армией валит,
Он поближе подходил, генералам пригрозил,
Генералы испугались, слезно плакали-рыдали,
Платком слезы утирали, три словечушка сказали:
«Не видать вору-французу нашей каменной Москвы,
Золотых наших крестов, белых каменных мостов!».

№ 6
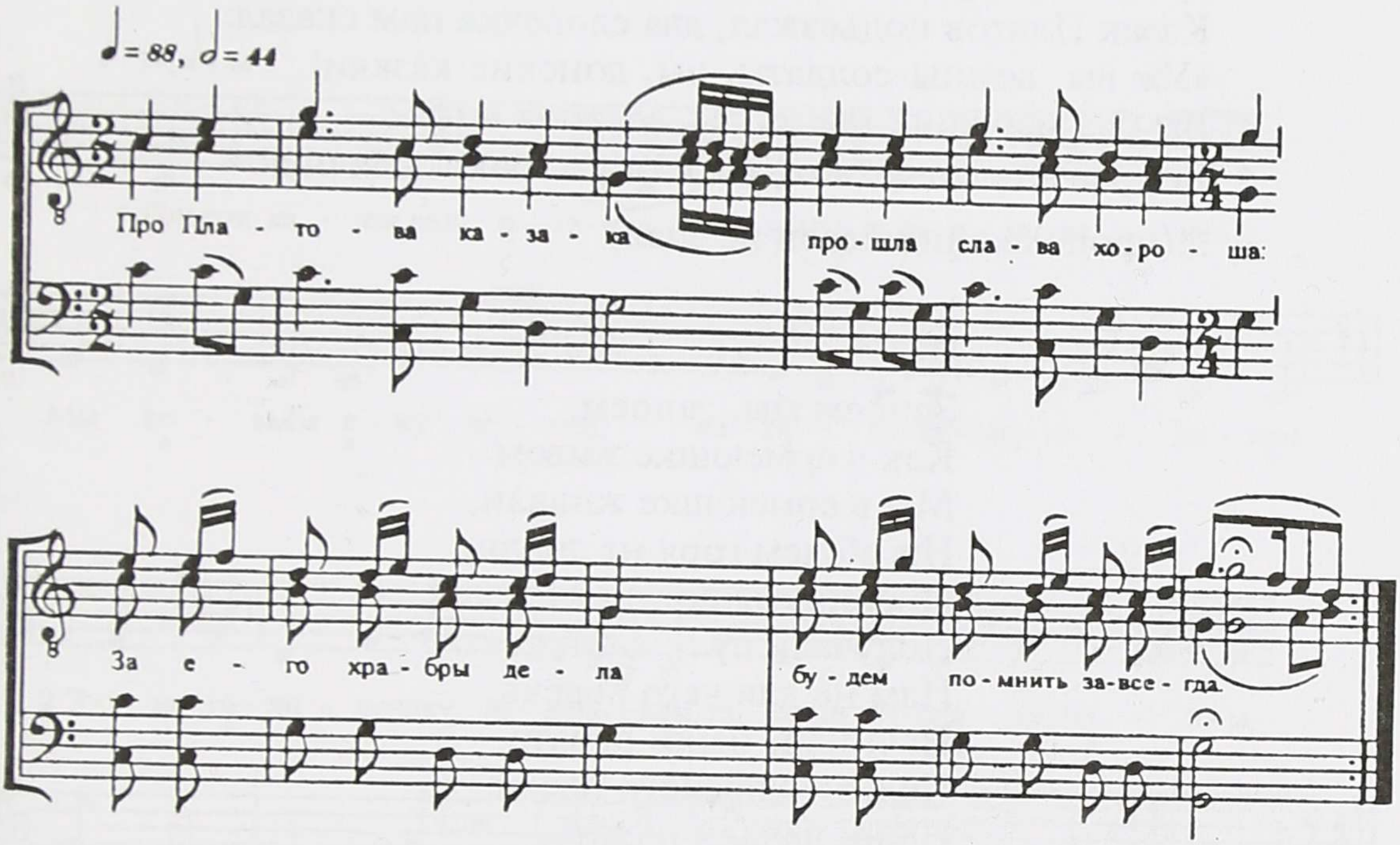
От своих чистых сердец
Совьем Платову венец,
На головушку наденем,
Сами песни запоем,
Сами песню запоем,
Как мы в армии живем.
Мы в армеюшке бывали,
Провиянты получали,
Ни в чем горя не знали,
У нас много пуль-картечь,
Нам некуда беречь.
Наши начали палить —
Только дым столбом валит:
Каково есть красно солнышко,
Не видать во дыму,
Во солдатскиим пылу.

Не ясён сокол летает,
Казак Платов разъезжает,
Он по горке по горе,
Сам на вороном коне.
Он проехал-проскакал,
Три словечушка сказал:
«Ой, еси, воины-казаки,
Разудалы-мододцы!
Вы пейте-ка без мерушки
Зелёное вино,
Получайте-ка без расчету
Государевой казны!».
Как не пыль в поле пылит —
Француз с армией валит,
Генералушкам грозит:
«Уж и я вас, генералы,
Во ногах всех вотопчу,
В каменну Москву взойду,
Стену каменну пробью,
Стену каменну пробью,
Караулы все сменю —
Караулы крепки,
Перемены редки,
Свои новы постановлю!».

№ 7

Совьем Платову венец из своих чистых сердец,
На головушку наденем, нову песню запоем,
Как мы в армии живали, бриллианты получали,
У нас много пушкарцев, ино некуда девать.
И мы начали палить, только дым столбом валит:
Каково есть красно солнушко, не видно во дыму.
Не ясен сокол летает, казак Платов разъезжает,
Он по крутой по горе, сам на вороном коне.
Казак Платов наскакал, три словечушка сказал:
«Ой вы воины-казаки, разудалы молодцы!
Уж вы пейте без меры зеленого вина,
Получайте без расчету государеву казну!».
Что не пыль в поле пылит, не дубровушка шумит,
Не дубровушка шумит — француз с армией валит,
Она валит-таки валит, генералушкам грозит:
«Уж и я вас, генералы, во ногах стопчу,
Во ногах стопчу, стены каменны пробью,
В каменну Москву взойду, караулы все займу».

№ 8

Про Платова-казака прошла слава хороша:
За его храбры дела будем помнить завсегда.

От своих чистых сердец совьем Платову венец,
Головушку обовьем, громко песню запоем.

Громко песню запоем, мы в армеюшке живем;
Никакой нужды не знаем, французика поджидаем.

Как не пыль в поле пылит, лес, дубровушка шумит:
То по горке, по горе Платов скачет на коне.

Он поближе подскакал, речь хорошую сказал:
«Враг сидит уж в западне в нашей матушке Москве!».

№ 9

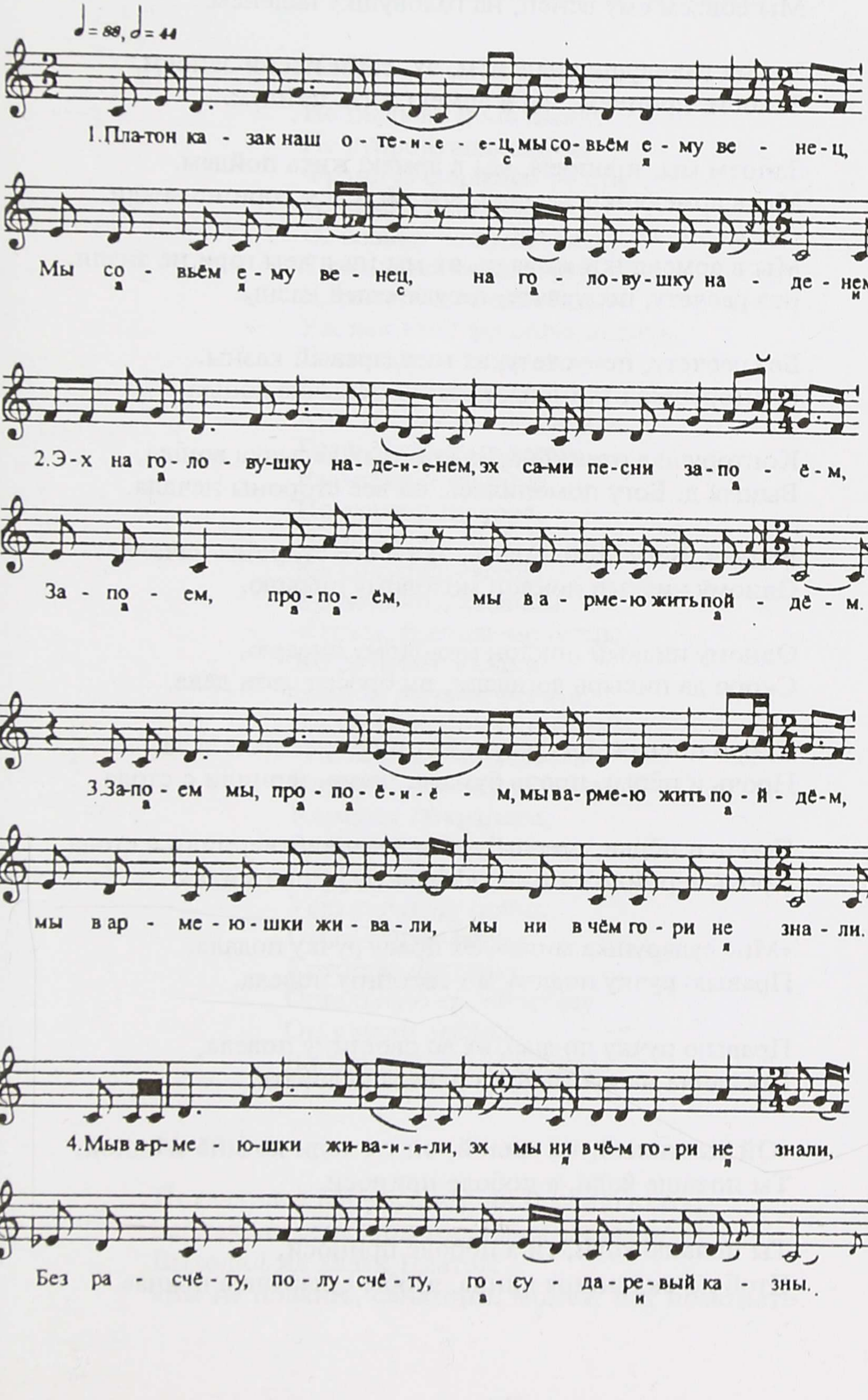
Мы во армии живали, не об чем горечка не знали.
Не об чем горечка не знали, провианту получали,
Много пулей и картечь — нам их некуда беречь.
Наши зачали палить, лишь дым столбом валить.
Во туману, во дыму нам не видно ничего.
Каково и красно солнышко, не видно нам его.
Ездил казак на горе, сам на вороном коне.

Казаченько разъезжал, другой Платов подъезжал.
Казак Платов подъезжал, два словечка нам сказал:
«Уж вы, воины-солдаты, вы, донские казаки!
Вы без мерушки пьете, вы, зеленое вино,
Без расчету получаете, вы казну сорокотысячную».
...(продолжения певец не знал)

№ 10

Запоем мы, запоем,
Как в армеюшке живем.
Мы в армеюшке живали,
Ни об чем горя не знали,
Провиянты получали:
Получали пуль-картечь,
Нам не для чего беречь.
Начинай, наши ребята,
Палить с правого плеча!
Наши начали палить,
Только дым столбом валит.
С жару головы не ломит,
С дыму слезы не текут,
Наши рубят и секут.
Каково есть красно солнышко,
Да не видно во дыму. Да
Только видно по горам:
Не ясён сокол летал —
Казак Платов проезжал,
Он по крутой по горе
Сам на вороном коне.
Шибко громко просвистал,
Только два слова сказал:
«Храбры воины, солдаты,
Одним словом, молодцы,
Нашего полка стрельцы!
Уж вы пейте-ко, ребятушки,
Да без мерушки вина.
Получайте без расцёту
Государеву казну». Да
Широко слава прошла да
До царева кабака,
До царицына сада.

№ 11

♩= 88, 𝅗𝅥= 44
1. Пла-тон ка - зак наш о - те-и-е - е-ц, мы со- вьём е - му ве - не-ц,
Мы со - вьём е - му ве - нец, на го - ло-ву-шку на - де - нем.
2. Э-х на го - ло - ву-шку на- де-и-е-нем, эх са-ми пе-сни за-по - ё - м,
За - по - ем, про - по - ём, мы в а - рме-ю жить пой - дё - м.
3. За-по - ем мы, про - по - ё - и - е - м, мы ва- рме-ю жить по - й - дё-м,
мы в ар - ме - ю - шки жи - ва - ли, мы ни в чём го - ри не зна - ли.
4. Мы в а-р- ме - ю-шки жи-ва-и - я-ли, эх мы ни в чё-м го - ри не знали,
Без ра - счё - ту, по - лу - счё - ту, го - су - да - ре-вый ка - зны.

Платон-казак наш отец, мы совьем ему венец,
Мы совьем ему венец, на головушку наденем.

Эх, на головушку наденем, эх, сами песни запоем,
Запоем, пропоем, мы в армею жить пойдем.

Запоем мы, пропоем, мы в армею жить пойдем.
Мы в армеюшки живали, мы ни в чем гори не знали.

Мы в армеюшки живали, эх мы ни в чем гори не знали,
Без расчету, полусчету, государевый казны.

Без расчету, полусчету, ах государевый казны.
Конторушка отчинёна, красная девычка вошла.

Конторушка отчинёна, эх красныя девычка вошла,
Вышла д, Богу помолилась, на все стороны начала.

Вышла, Богу помолилась, эх на все стороны начала,
Одному низкый поклон молодому писарю.

Одному низкый поклон молодому писарю,
Скоро да писырь догадали, он бросал свои дела.

Скоро писырь догадалси, эх он бросал свои дела,
Прочь и пёрьи, прочь бумаги, прочь чернили с стола.

Прочь и пёрьи, прочь бумаги, эх прочь чернили с стола,
Прочь чернили с стола: «Мне сударушка мила».

«Мне сударушка мила». Эх праву ручку подала,
Правыю ручку подала, во светлицу повела.

Правыю ручку подала, ах во светлицу повела,
Посадила на кровать, да начала целовать:

«Ой ты милый, ты милой, ой ты ходи ко мне к одной,
Ты почаще ходи, а поболе приноси.

Ты почаще ходи, ей а поболе приноси,
Чтоб по скляницы винца, чтобы сударушка пьяна».

РУССКИЕ ВОЙСКА РАЗБИВАЮТ ФРАНЦУЗОВ

№ 12

Не пыль во поле пылит.
Не дубровушка шумит —
Француз с армией валит,
Генералам говорит:
«Я возьму вашу Москву,
Я со ваших со церквей
Кресты-главы пособью!».
Уж как стал француз палить,
Только дым-сажа валит:
Во том ли во чаду
Красна солнца не видать.
Граф Платов-генерал
Разъезжает на коне.
По крутой по горе,
Подъезжает граф Платов
Ко силушке своей,
Ко донским казакам:
«Ох вы, братцы-молодцы,
Вы донские казаки!
Нельзя ли вам, ребята,
Караулы крепки скрасть?»
«Не велика эта страсть —
Караулы крепки скрасть!»
Караулы покрадали,
За Дунай-реку метали,
Граф Платов-генерал
Усю силушку побил,
Он которую побил,
Которую потопил,
Остальную его силушку
Он у плен забрал,
Во Сибирь-город сослал.

№ 13

Похвалился вор-французик Россию взять;
Заплакали сенаторы горькими слезами,
Выходил же казак Платов:
«Вы не плачьте, сенаторы, может, Бог поможет!».

Поздно вечером солдатам приказ отдавали,
Не далеко поход сказан — есть город Аршава.
Тамо речушка Песочна, стоит вор-французик,
Через речушку Веснушку перевозу нету.
Поздно вечером казакам приказ отдавали:
«Вы казаки и солдаты, слушайте приказу,
Пушки, ружья зарядите,
Без моего приказу огня не сдавайте!».
Генерал-ат казак Платов
Со правого планту.

№ 14

Заводилося война
Середи бела(го) дня,
А что начали палить, —
Только дым столбом валит:
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму.
Только видно во дыму,
Не ясен сокол летит (летает)
Добрый молодец гуляет,
Он по кру́той по горе,
Сам на вороном коне,
По казакам проскакал,
Два словечика сказал:
«Вы, казаки, вы, казаки,
(Вы) военные мои
Удалы́е молодцы́?
Без размерушки пейте
Зеленого вина:
Посмелее поступайте
Со французом воевать!»
«Уж мы рады воевать,
Слезны капли проливать».
Не пыль во поле пылит,
Не дубравушка шумит,
Француз с армией валит.
Он валит-таки, валит
Сам подваливает,
Речь выговаривает:
«Еще много генералов
Всех в ногах стопчу;
Всея матушку Россеюшку

В полон себе возьму;
В полон себе возьму,
В камену Москву зайду!»
Генералы испугались,
Платком слезы утирали,
В поворот слово сказали:
«Не бывать тебе, злодею,
В нашей каменной Москве,
Не видать тебе, злодею,
Белокаменных церквей.
Не стрелять тебе, злодею,
Золотых наших крестов».

№ 15

«Господа вы, енералы!
Во ногах я вас стопчу,
Во ногах я вас стопчу,
Во камену Москву войду?»
Енералы испугались,
Они плакали — рыдали,
Платком слезы утирали;
Енералы не смолчали,
На ответ ему сказали:
«Не бывать тебе, злодею,
В каменной нашей Москве.
Не снимать тебе, злодею,
Золотых с церквей крестов».
Наши начали палить —
Только дым-сажа валит:
Каково есть красно солнышко, —
Не видно во дыму.
Не ясен сокол летает,
Казак Платов разезжает:
Он ездил по горе
На своем вороном коне;
Он поближе подскакал,
Три словечушка сказал:
«Уж вы братцы, вы ребята,
Вы донские казаки!
Уж вы пейте-ка без мерушки
Зелена вина,
Без расчета получайте
Государевой казны!»

№ 16

Восхвалялись злы французы
Всю Россеюшку пройти и Москву разорить,
Расплакались-растужились наши сенаторы.
Вы не плачьте, не тужите, нам Платов пособит.
Идет силушка россейска со четыре страны,
А генерал казачей Платов — со правого фланку.
Во левой он ручке держит шелков поводочек,
А во правой он ручке держит подзорную трубу.
Выглядывал Платов, высматривал французскую силу,
Нашей силушки, братцы, довольно — французской-то больше.
Наказывал Платов, приказывал своим канонирам:
«Канониры и славны бомбардеры, слушайте приказу:
Пушки, ружья заряжайте, а огня не вскрывайте».
Запалил же злой французик из пушек картечью,
А генерал казачей Платов — из казачьих ружьев.
И увидал же злой французик огонек российский.
Увидавши франец огонечек, начал утекати,
А генерал казачей Платов начал догоняти.
Бежит речушка наша Береза — перевозу нету,
Солдаты бравы молодые на конечке водою,
Мы на конечке прямо переедем, француза догоним.
Мы французика догнали и знамя отобрали.

№ 17

Обещался наш французик,
Вор-французик,
Рассеюшку взять.
Всю Рассеюшку взять.
В Москве постоять.
Заплакали наши сенаторы
Свои очи ясны,
Енерал наш казак Платов
Не очень печалит:
«Вы не плачьте, сенаторы,
Авось Бог поможет,
Поутру рано вставайте,
Жандариков разбуждайте,
Вы жандаров разбуждайте,
Коней оседлайте.

Коней скоро оседлайте,
В поле выезжайте,
Глядеть, смотреть, выглядывать
Неверную силу».
Вот валит сила рассийска
Со всех сторон, со всех четырех.
Генерал наш казак Платов
Со правого фланту,
Глядит, смотрит, выглядывает
В подзорную трубку:
Еще много ль у собаки
Неверные силы?
«Солдатушки, ребятушки,
Слушайте мово наказу,
А вы ружья заряжайте,
Сабли вынимайте,
А без моего приказу
Огню не открывайте».
И ударил в них
Вор-французик
Из пушки картечью,
Енерал наш казак Платов
Из солдатских ружей.
Покажись наш российской огонь жарок —
Француз утекати,
Енерал наш казак Платов
В погонь за ним гнати.
Тут течет речка Веснувка,
Перевозу на ней нету.
Уральские казачушки,
Ступай мостовою,
Солдатушки-ребятушки,
Давай скоро лодки.
Мы в лодках переедем
Злодея догоним,
Злодея догоним,
В полон его во́зьмем.
Мы злодея догоняли,
В полон его взяли,
И конницу, и пехоту
За собой погнали.

Расплакалась-растужилась
Неверная сила:
«Говорили мы свому злодею:
Полно с Москвой воевати,
Силушки теряти,
Три месяца мы у нее стояли,
А Москвы не видали.
Питербурх город столичный,
Мы его узнали,
Потому его узнали —
Через него нас гнали,
В Сибирь отправляли».

№ 18

Наполеон, наш Наполеон
Вел на Россию, шел он воевать,
Да на Россию шел он воевать,
Ды он хотел жа всем светом владать,
Он хотел жа всем светом владать,
Ды Александре-царю страх задать.
Александра наш, наш не встрашилсы,
Назад ямý письмо отписал.
Господа жа все наши дворяне перьпужалися, перьпужалися,
Яни стоять, яни стоять,
Перьпужались, все врозь разбежали, разбежали —
В Москве нету господ никого.
Ой ды как один из них не встрашилсы,
Один Платов, Платов-генерал.
Ды донской храбрый, храбрый атаман.
Ой да он добра коня своево седлаить,
Он подпругу туго подтягал,
На добра коня своево садилсы,
Ко ярмеюшке быстро бежал,
Ко ярмеюшке быстро бежал,
Да вот «здорово!» нам, донцам, сказал.
«Вы здорово, вот вы, мои дети, здравствуйтя,
Храбрые мои донцы!
Ай ды послужитя вот, мои дети,
Как деды ваши и отцы!».

№ 19

Похвалялся вор-французик
Россиюшку взяти.
Расплакалась-растужилась
Российская сила.
Не плачь, не плачь, Россиюшка,
Не плачь — Бог поможет!
Сбиралися наши казаченьки
В поход с полуночи.
Недалече поход сказан —
Под город Варшавой.
Там у речушки Веснушки
Стоял вор-французик.
Он раным-рано вставает,
Вентель разбужает:
«Вы вставайте, вендерушки,
Оседлывай коней.
Выезжайте, разудалы,
Во чистое во поле!».
Глядел-смотрел вор-французик
Из подзорные вотрубки,
Выглядывал, высматривал
Всю российскую силу.
Едет, валит сила российска
На четыре грани,
Енерал наш казак Платов —
Со правого флангу.
Наказывал, приказывал
Своим бомбандерам:
«Бомбандеры, слуги верны,
Слушайте приказу!
Пушки, ружья заряжайте,
Сабли вынимайте!
Без моёго приказу
Огня не давайте!».
Палит, жарит вор-французик
Из пушек картечью.
Енерал наш казак Платов —
Из казачьих ружей.
Он частым-часто стреляет,
Француз затихает.

Растужилась-расплакалась
Французская сила:
«Говорили мы ему, собаке:
Полно воевати,
Полно воевати, силушку теряти,
Московское войско храбро,
Сильно и могучё.
Мы в Москве-то побывали,
Париж прозевали.
Париж прозевали, Сибирь опознали!».
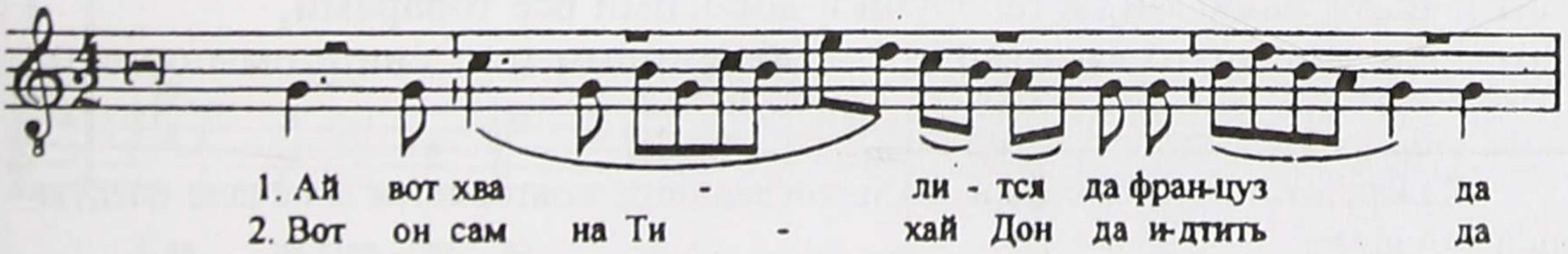
№ 20
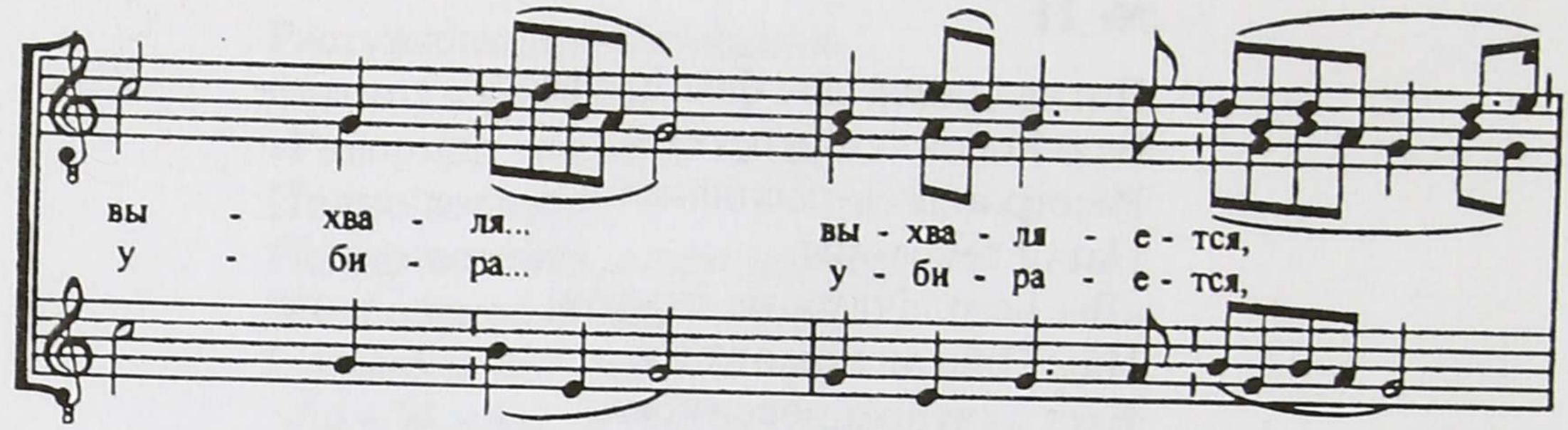
Восхвалился вор-французик
Россиюшку взяти, Москву разорити.
Расплакались, растужились наши сенаторы.
Вы не плачьте, не тужите, наши сенаторы:
Может, может Бог-от нам поможет,
А Платов пособит.
Идет силушка наша россейска,
Идет со всех сторон, со всех четырех,
Генерал казачий Платов —
Со правого флангу
Во левой руке он держит
Шелковы поводья
Во правой руке он держит
Подзорную трубку:
Выглядывал, высматривал
Французскую силу;
Много силушки россейской,
Но французской больше.
Генерал наш казачий Платов
По полкам гуляет,
Приказ отдавает:
«Канониры, славны бомбардиры,
Слушайте приказу:
Пушки, ружья заряжайте,
Огня не вскрывайте».
Воспалит же вор-французик
Из пушек картечью,
Казаченьки молоденьки —
Из своих из ружей.
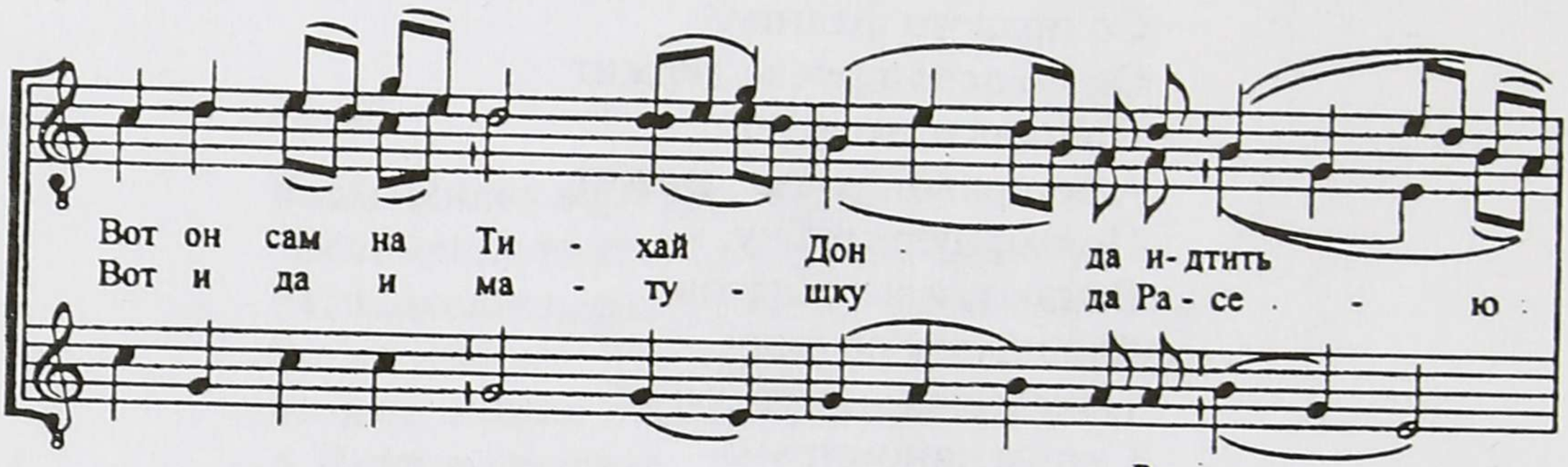
№ 21
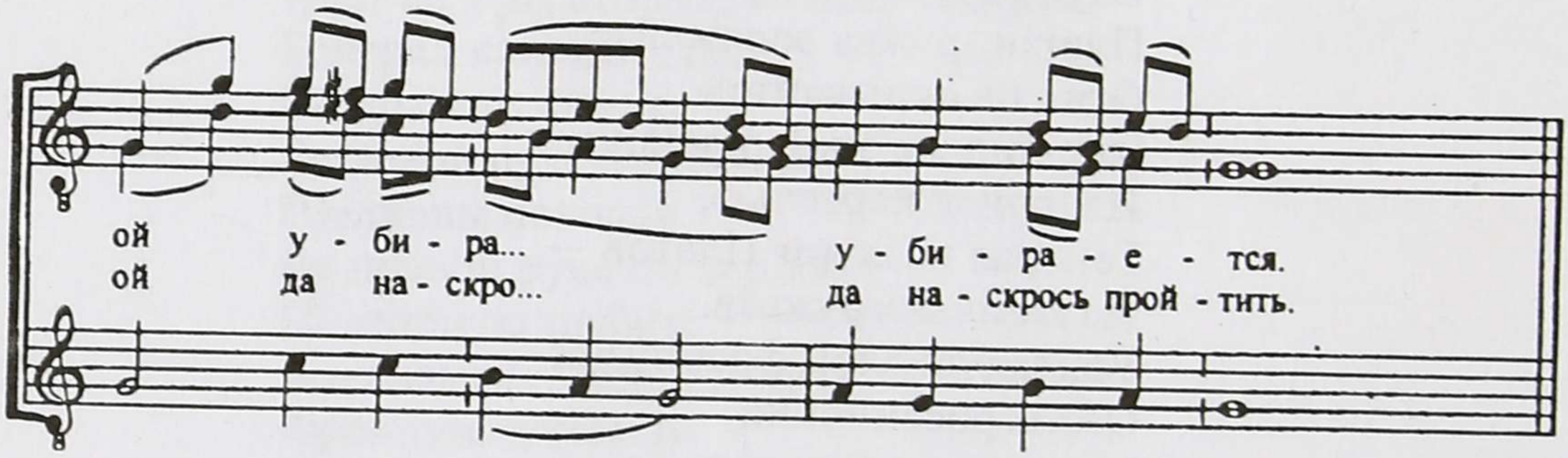
Похвалялись злы французы
Всю Россиюшку пройти.
Расстроились-расплакались
Наши сенаторы.
«Вы не плачьте, не тужите,
Нам Платов поможет!».
Едет силушка российска
Со четыре страны,
Генерал казачий Платов
Со правого флангу.
Он во левой ручке держит
Шёлков поводочек,
А во правой ручке держит
Подзорную трубку.
Высматривал Платов
Французскую силу.
Наказывал, приказывал
Своим канонирам:
«Канониры, бомбардеры,
Слушайте приказу?
Пушки, ружья заряжайте,
Огня не скрывайте!».
Запалил же злой французик
Из пушек картечью,
Генерал казачий Платов —
Из казачьих ружьев.
Увидал-то злой французик
Огонь российский,
Увидавши огонечек,
Начал убегати.
Мы французика догнали,
Знамя отобрали.

№ 22
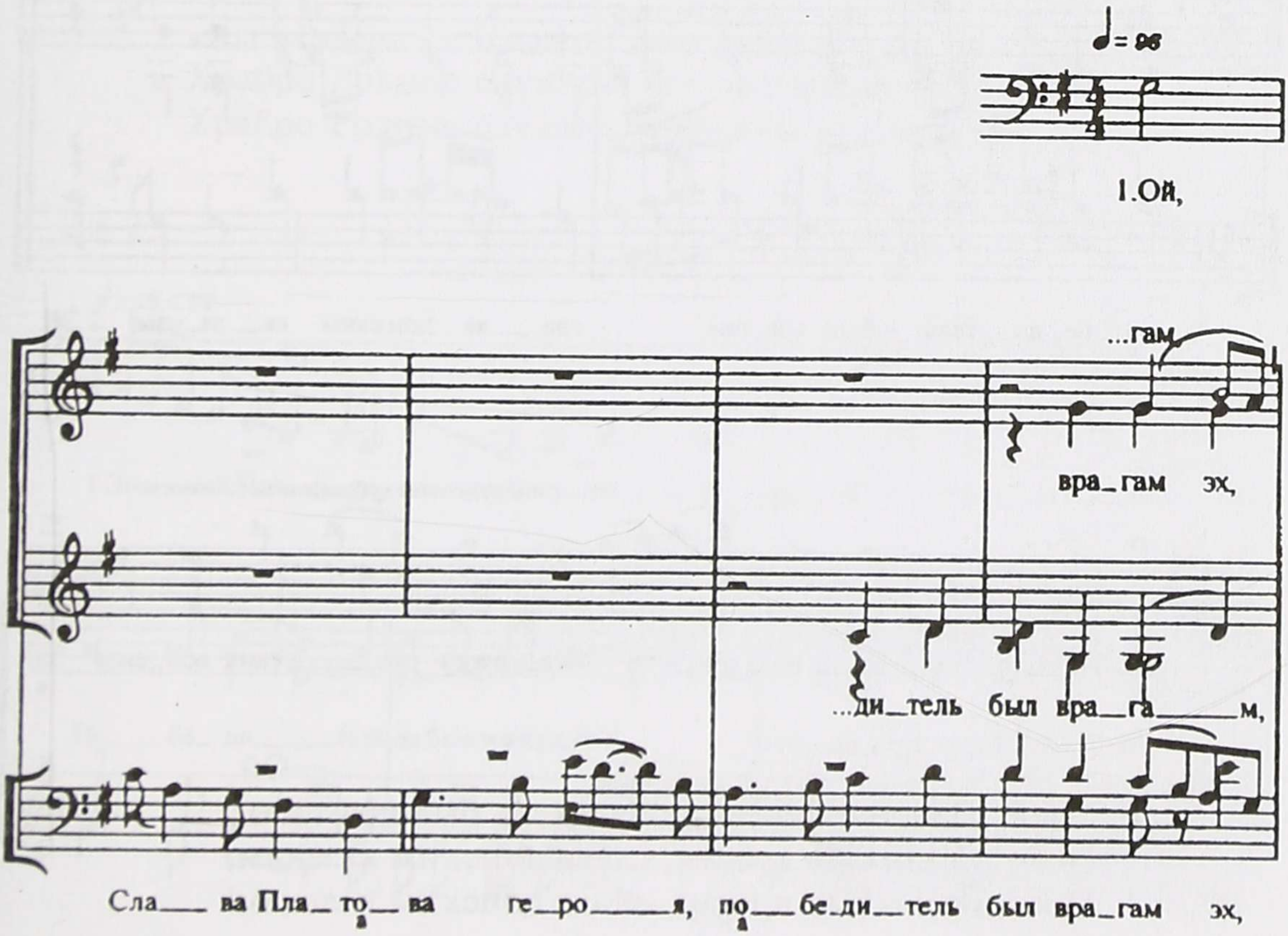

Ай вот хвалится да француз да выхваля... выхваляется,
Вот он сам на Тихай Дон да идтить ой убира... убирается.
Вот он сам на Тихай Дон да идтить ой убира... убирается,
Вот и да и матушку да Расею ой да наскро... да наскрось пройтить[1].
Вот он, собирал себе да й-армеюшку да по разным по земелюшкам,
Вот и нагружал свои да галерушки дорогими все товарами,
Вот и как и теми-то да товарами — ой свинцом-по... свинцом-порохом.
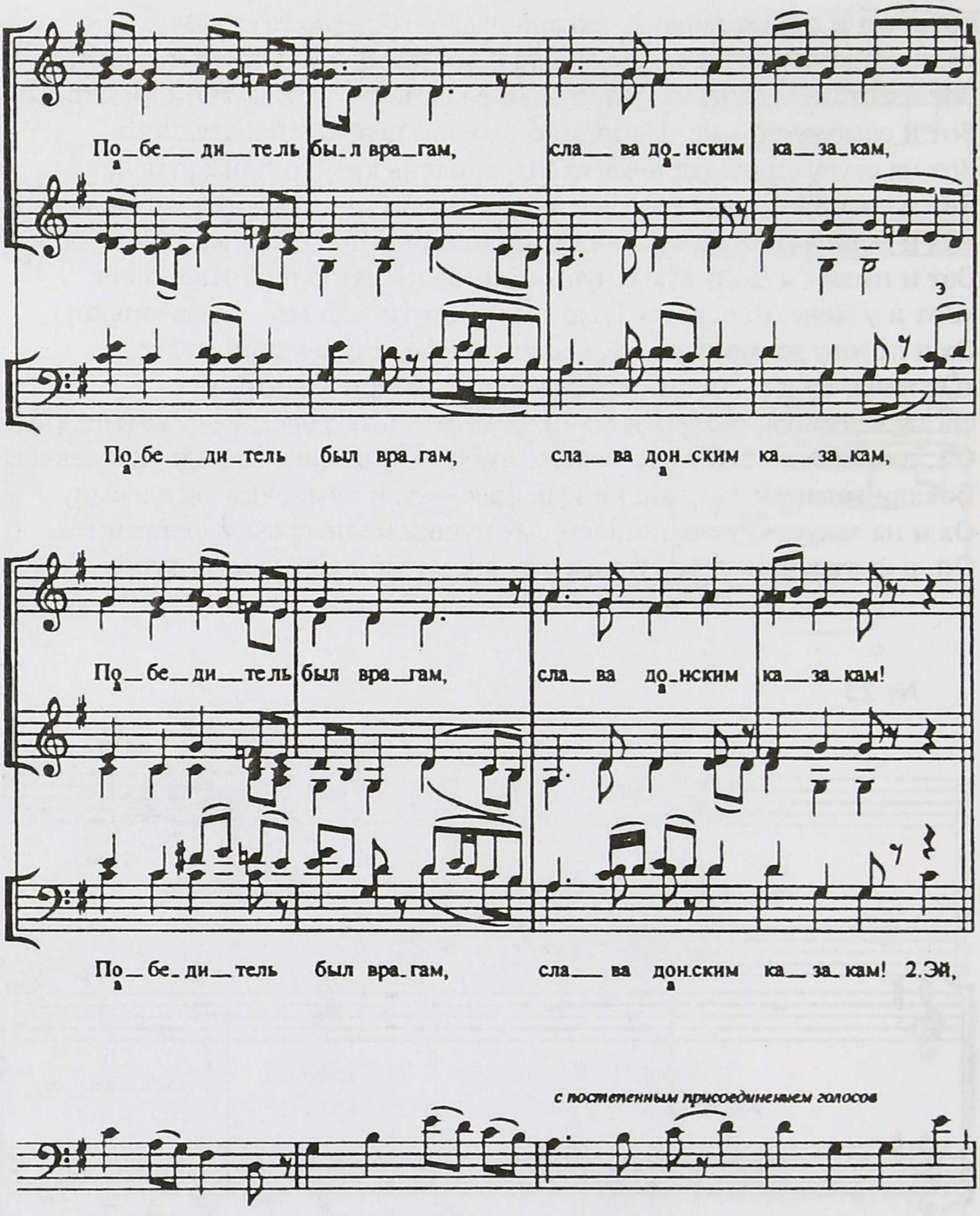
---

[1] Каждый стих, кроме первого и последнего, повторяется в начале следующей строфы.

Вот и он и пишет царю Александру да и грозную газетушку:
«Вот я прошу жа тебе, Александра, вот прошу я не прогневаться, —
Вот изготовь ты мне да фатерушки во самой-то кременной Москве,
Вот и самому-то мне, Наполийону, свои царские палатушки!»
Вот на стулу сидит царь Александра, очень крепко призадумался.
Вот и созывал он своих сенаторушков да и стал жа, стал им жалиться:
«Ох и перпугался жа я, сенаторушки, ой не знаю, как жа теперь быть!»
Вот и пишет с Дону атаманушка Матвей Платов наш Иванович:
«Вот и у мене-то есть на Тихом Дону други верные — казаченьки;
Ох и позову жа моих казаков лихих на француза неприятеля;
«Ох и вы, орлы мои сизокрылые, соколы мои залетные!
Ой ну седлайтя, седлайтя донских коней, вы седлайтя, не замешкайтя.
Ой, да мы стреним врага середи путя, да и вдарим жа, вдарим лавою:
Вот приготовим ему сладки кушанья — да и бомбочки сы ядрами,
Ох и на закусочку мы пошлем ему пушки медные сы лафетами,
Ой, а фатерушки приготовим ему в чистом поле, середи путя!»

№ 23

Ой,
Слава Платова-героя, победитель был врагам эх,
Победитель был врагам, слава донским казакам,
Победитель был врагам, слава донским казакам!

Эй,
Вы Платова поищите между русских войсков эх,
Знаем, знаем, где Платова, знаем, где его сыскать,
Знаем, знаем, где Платова, знаем, где его сыскать.

Эх,
Знаем, Дон течет откуда, знаем, Дон чем украшён эх,
Украшён Дон славой русской, славой донских казаков,
Украшён Дон славой русской, славой донских казаков.

№ 24
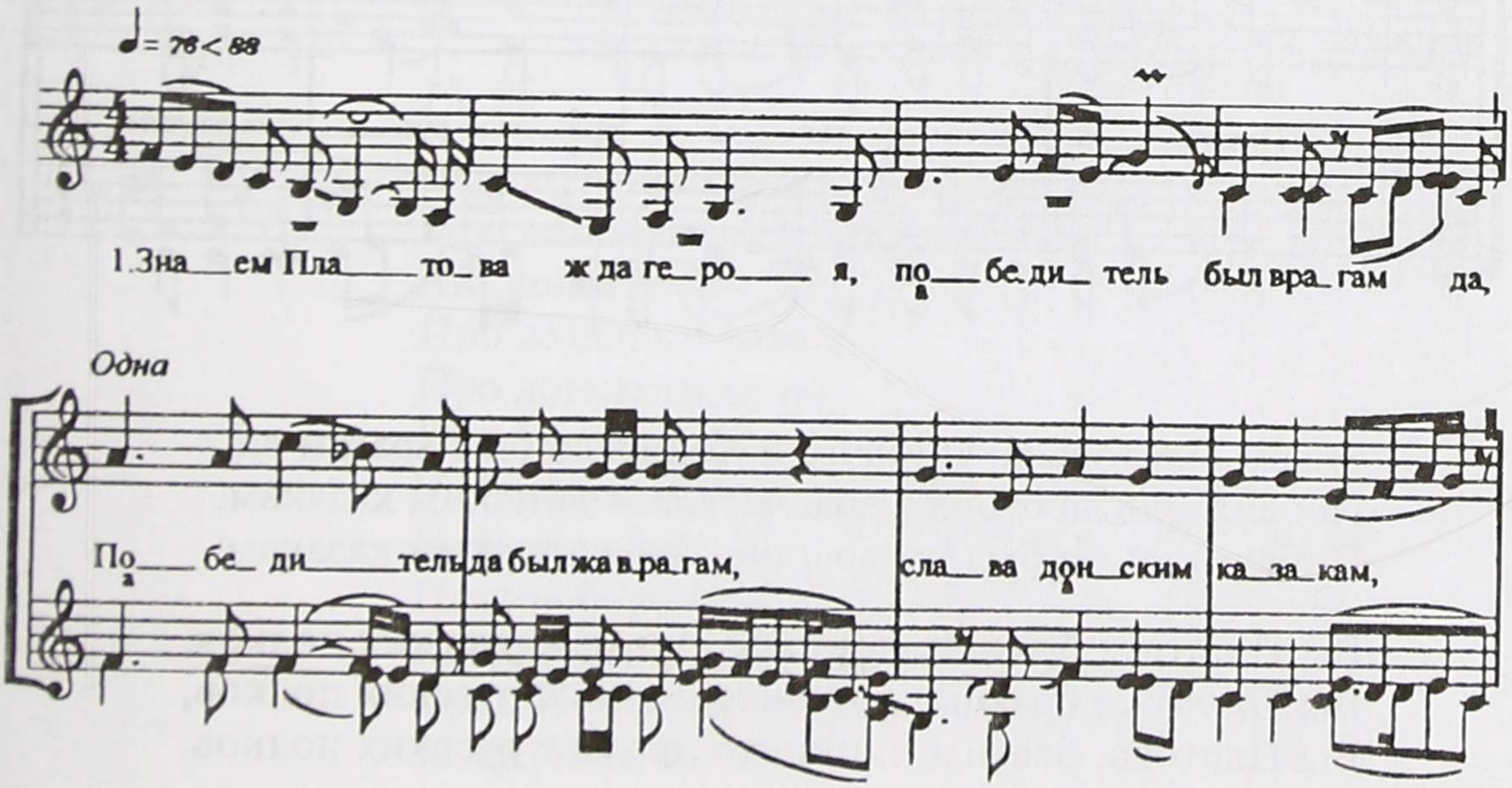
Слава Платову-герою, победитель был врагам,
Победитель был врагам, слава донским казакам,
Победитель был врагам, слава донским казакам!
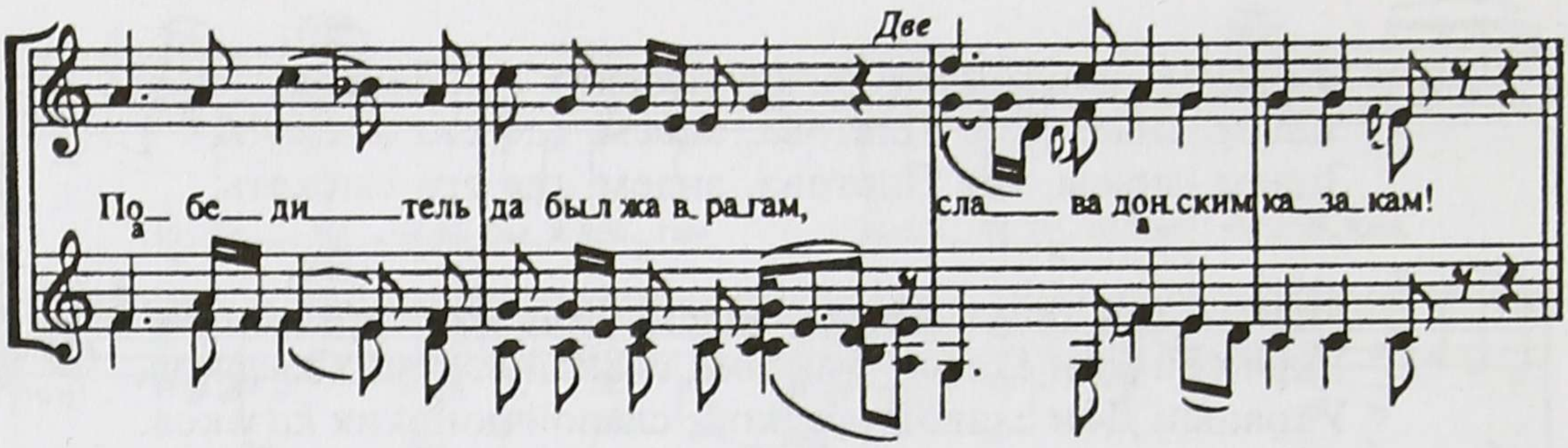
Вы Платова поищите между русских полков,
Между русских полков, между донских казаков,
Между русских полков, между донских казаков.
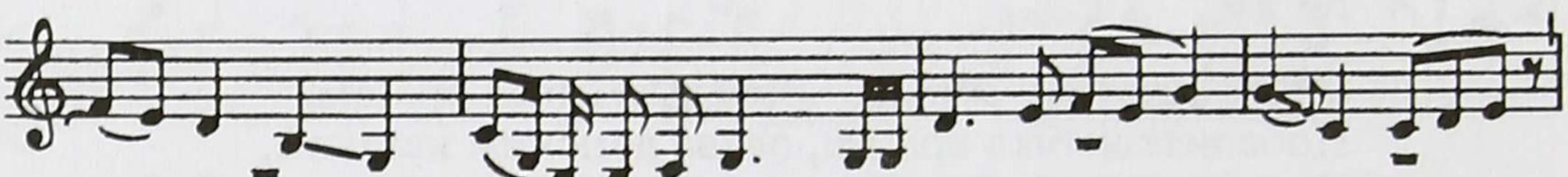
Знаем, знаем, где наш Платов, знаем, где ж его искать,
Знаем, Дон течет откуда, знаем, где Дону конец,
Знаем, Дон течет откуда, знаем, где Дону конец.
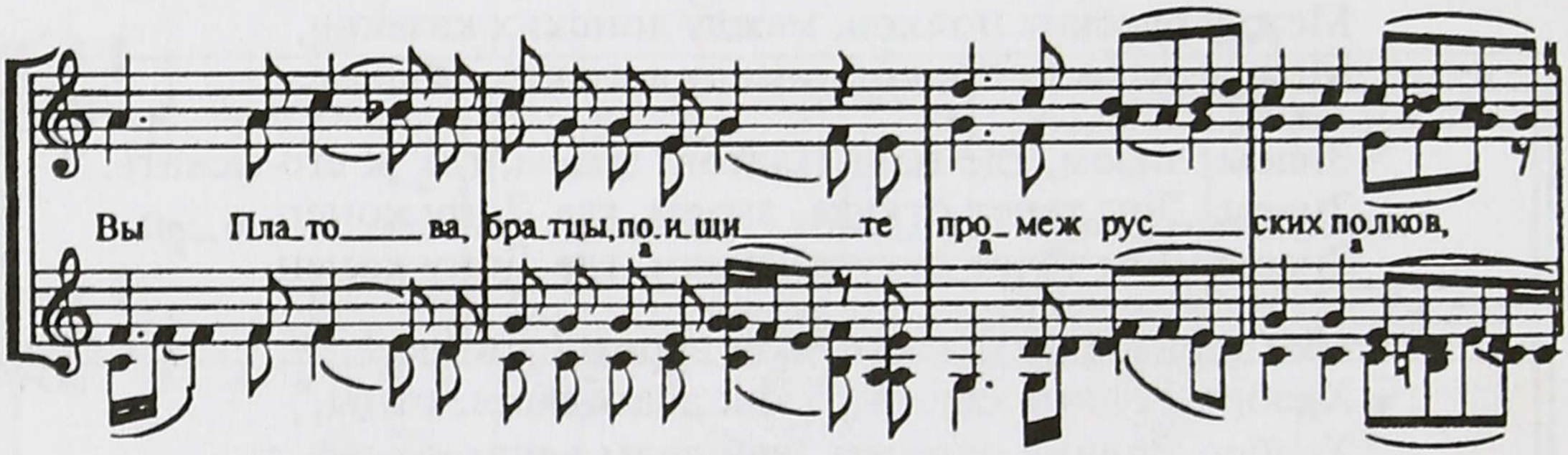
«Вы злодеев не щадите, мои верные донцы,
Храбро Родине служите, как деды ваши, отцы,
Храбро Родине служите, как деды ваши, отцы».
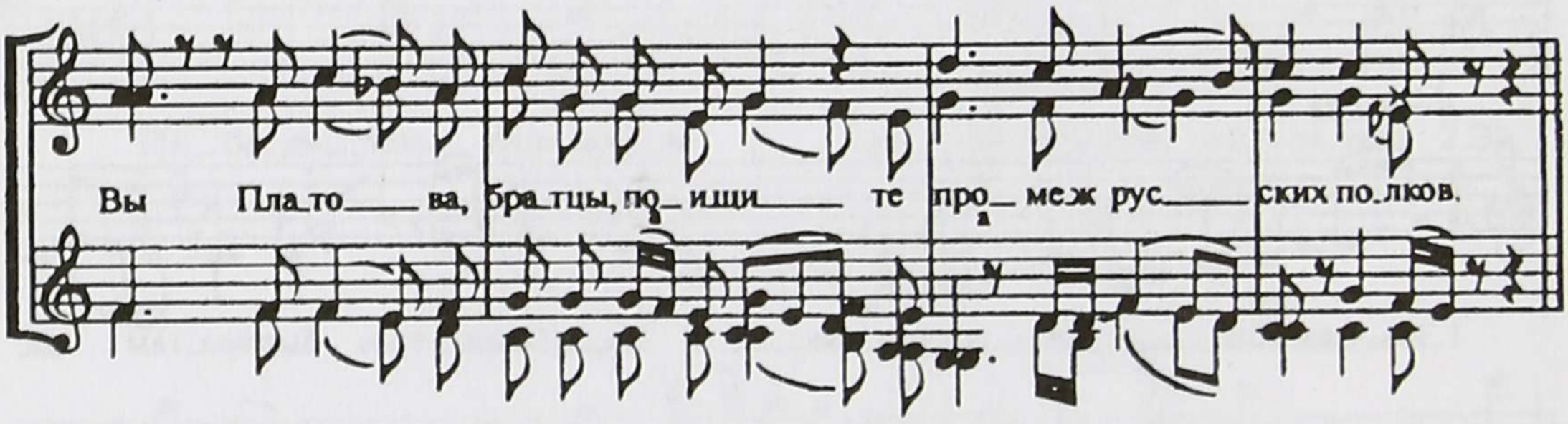
№ 25

Знаем Платова ж да героя, победитель был врагам да,
Победитель да был жа врагам, слава донским казакам,
Победитель да был жа врагам, слава донским казакам!

Вы Платова, братцы, поищите промеж русских полков,
Вы Платова, братцы, поищите промеж русских полков,
Вы Платова, братцы, поищите промеж русских полков.

Знаем, знаем Платова-героя, знаем, где его сыскать,
Знаем, знаем Платова-героя, знаем, где его сыскать,
Знаем, знаем Платова-героя, знаем, где его сыскать.

Знаем, знаем, Дон течет откуда, знаем, где его приток,
Знаем, знаем, Дон течет откуда, знаем, где его приток,
Знаем, знаем, Дон течет откуда, знаем, где его приток.

Украшён Дон да русскою славой, сам собою доказал,
Украшён Дон да русскою славой, сам собою доказал,
Украшён Дон да русскою славой, сам собою доказал.

«Вы злодеев, братцы, не щадите, да мои же милые донцы,
Вы злодеев, братцы, не щадите, да мои ж милые донцы,
Вы злодеев, братцы, не щадите, мои ж милые донцы.

Шашкой голову врагу рубите, как деды наши, отцы,
Шашкой голову врагу рубите, как деды наши, отцы,
Шашкой голову врагу рубите, как деды наши, отцы».

На коня казак быстро взлетает, храбрый воин впереди,
На коня казак быстро взлетает, храбрый воин впереди,
На коня казак быстро взлетает, храбрый воин впереди.

Знаем, знаем Платова-героя, победитель был врагам,
Победитель да был жа врагам, слава донским казакам!

ПЛАТОВ В ГОСТЯХ У ФРАНЦУЗА

№ 26

Далеко слава прошла
Про донского казака,
Ай люли, люли, люли,
Про донского казака.
Про донского казака
Про Платова-молодца.
У Платова-молодца
Небритая борода.
Платов бороду обрил,
Ко французу в гости был.
Француз его не узнал,
За купчика почитал,

За купчика почитал,
За белы руки принимал,
За белы руки принимал,
За дубовый стол сажал,
За дубовый стол сажал,
Чару водки наливал,
На подносе подносил,
Его милости просил,
Его милости просил,
Таки речи говорил:
«Ты купчина, ты купчина,
Ты купеческой сынок!
Я у вас в Москве бывал,
Генералов много знал,
Генералов и судей
И всех протчих людей.
Одного только не знал
Я донского казака,
Что донского казака,
Что Платова-молодца.
Я бы много казны дал,
Если б Платова узнал».
«Ах на что ж казну терять —
Его так можно узнать:
Что Платов-то молодец
На одно лицо со мной,
На одно лицо со мной,
Точно братец мой родной,
Точно братец мой родной,
Только мати не одной».
Догадался наш Платов
Из палат вон выходил,
Он воскрикнул, он воскрикнул
Громким голосом своим:
«Ах вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои!
Вы донские казаки!
Подведите ко мне, слуги,
Коня вороного,
Коня вороного,
Все оседланного».

Как садится наш Платов
На добра своего коня,
Как съезжал наш Платов
Со широкого двора.
Он воскрикнул, он воскрикнул
Громким голосом своим:
«Ты ворона, ты ворона,
Ты французский король!
Не умела ты, ворона,
Сокола в руках держать,
Что того ли сокола,
Что Платова-молодца.
Ну изволь-ка ты, ворона,
Со мной в поле выезжать,
Батарею сочинять.
Что и ту ли батарею,
Что французскую дуелю».

№ 27

Святорусская земля
Много горя приняла,
Прошла слава про тебя!
Прошла слава про тебя,
Про Платова-казака,
Про Платова-казака.
Государь его любил,
К себе в гости попросил,
Ему бороду обрил,
Позументы с груди снял,
Купцом его наряжал,
Ко французу посылал,
Подорожну написал,
Подъезжал же казак Платов
Ко французову дворцу.
У француза дочь Арина
Купцу речи говорит:
«Ох ты купчик мой, купец!
Поди ко мне на крылец».
За правý руку взяла,
Во палаты повела,
Вина рюмку налила:

«Выпей рюмку, хочешь — две,
Скажи правду всеё мне
Про Платова-казака».
«Можно так его узнать:
Алы ленты на плечах,
Позументы на груди».
«Ох ты купчик мой, купец!
Покажи-ка мне потрет!».
Он потрет-ат вынимал,
Из палаты побежал,
Громким голосом кричал:
«Ох вы, воины казаки,
Удалые молодцы,
Подавайте мне коня
Ко высокому крыльцу!».
Он садился на коня,
Ровно пташечка влетел;
Соезжал он со дворца,
Ровно птичка пролетел;
Подъезжал Платов-казак
Ко французскому окну:
«Ты ворона, вор-француз,
Загуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Ловить ясна сокола,
Платова-казака!»

№ 28

Мать Россея, мать Россея,
Мать российская земля.
Про тебя, мати Россея,
Далеко слава прошла.
Далеко и широко
Про Платова-казака.
Донской Пдатов-казацёк
Он по Франции гулял,
Много горя принимал.
Много горя, много нужы,
Со француюзом воевал.
К нему в гостя заезжал,
Без допросу, без докладу
Во палатушки зашел,
Пуховую шляпу снял,
Честь французу отдавал.

Его француз не узнал,
За купчика поцитал,
За белые руки брал,
За дубовый стол сажал,
Рюмку водки наливал:
«Выпей рюмку, выпей две,
Скажи правду всю мине
Про Платова-казака;
Уж я всех знаю купцов,
Уж я всех знаю бояр,
Одного тольки не знаю
Плута тольки казака:
Кто бы его указал,
Тому (б) много казны дал».
«На что золото терять,
Можно так его узнать.
Он точнешенько такой,
Ровно братец мне родной,
Тольки волос не такой».
У француза дочь Орина
С купцом речи говорила:
«Ты купчина, ты купчина.
Ты купеческой сынок,
Укажи-ко свой патрет!».
Скоро Платов догадался,
Из палатушек пошел,
На калинов мост дошел,
Переводы гнулися:
Он по лисенке пошел,
Всю лисенку раскатил,
На широкий двор зашел,
На добра коня садился,
Как соколик улетел,
Он путем-дорогой ехал,
Он все письмиця писал,
За ся письмиця бросал:
«Ты ворона, ты ворона,
Ты французский же король,
Не умела ты, ворона,
Сокола в когтях держать,
Не умела ты, ворона,
Сизо перье ошшипать».
Скоро француз догадался,
На се волосьё рвал.

№ 29

Милой не жив, не здоров,
Совсем без вести пропал,
В легку лодочку запал,
Тонкий парус раскатал,
На деревцо подымал,
Во сине море бежал,
Часты неводы метал,
Белу рыбицу поймал,
Сине море сколыхал,
Середь моря потонул,
Тяжелехонько вздохнул,
Всю Россию вспомянул:
«Ты мать наша, Россия,
Святорусская земля,
Свет уральска сторона,
Со Платовым-казаком!»
У Платова-казака
Не обрита борода:
Чрез закон Платов ступил,
Себе бороду обрил,
Он за то ее обрил:
Государь его любил,
В одежду свою обрядил,
Ко французу в гости проводил,
Француз Платова не узнал,
За купца его считал,
Во палаты в гости брал,
За дубовый стол сажал,
Напиточки выдавал.
Выпил рюмку, выпил две:
«Скажи правду всеё мне
Про Платова-казака».
«У Платова-казака
Много силы, смету нет».
Французская дочь
Стала речи говорить:
«Ты купец ли, мой купец,
Покажи свой билет».
Платов-унтер догадался,
Выходил вон на крылец,

Закричал своим громким голосóм
«Вы слуги ли мои верны,
Подавай скоро коня!»
Слуги верны услыхали,
Скоро коня подавали,
Садился Платов-унтер
На свово коня,
Соезжает Платов-унтер
Со французского двора,
Подъезжает Платов-унтер
Ко французскому двору,
Закричал же Платов-унтер
Своим громким голосом:
«Ты карга ли, ты ворона,
Загуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола поймать,
Ему крылышки ощипать!»

№ 30

Польская земля
Много силы побрала;
А френцюзская земля
Таку славу пронесла
Про Платова-казака:
Чрез закон Платов ступил —
Свою бороду обрил,
Волоса свои остриг.
К френцюз в гости заеждял.
Его френцюз не узнал,
На крылечко выбегал,
За белые руки брал,
За дубов стол посадил.
Рюмку водки наливал,
Купцынушкой называл:
«Ух ты здравствуешь, купець,
Ты московский молодець!
Вишь, я сам в Москве бывал,
Многих там людей знал,
Уж-то всеких-то людей,
Генералов и судей.

Одного вора не узнал —
Що Платова-казака:
Кто бы мне-ка указал,
Тому много б казны дал!».
А спроговорит Платов:
«Те на що казна терять?
Можно так ёго узнать:
Що ведь Платов-от такой,
Мне как брателко родной,
Только матери другой».
А французова дочь Ирина
Из шомышки выходила,
С купцом рици говорила:
«Уж ты здравствуешь, купець,
Ты московский молодець!
Покажи-ко свой потрет!».
Он потретик вынимал,
На крылецько выбегал,
Громким голосом скрыцал:
«Аж вы служки, вы слуги,
Аж донские казаки?
Приведитё-ко коня
Под Платова-казака!».
А Платов-казак садилсе,
Що ясен сокол взлетел:
«Ворона ты, ворона,
Французская ворона!
У тебя-то, у вороны,
Во вострых когтях я был:
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола (ло)вить!».
А що Платов-от казак
В чисто поле выезждял,
Востру саблю забирал;
А французской-от король
У себя волосьё рвал,
На сыру землю метал.
Много силы накликал,
В цисто поле отряжал.
А как Платов-от казак
Тотцяс пушки заряжал
Да француза прогонял.

№ 31

Платов-генерал
По долинам разъезжал,
Всем указы развозил,
Ко хранцузам в гости заезжал.
Хранцуз его не узнал,
Купчиной называл:
«Ты купчина, купчина,
Купеческий сын!
Я Россию вашу знаю,
Генералов всех спознал;
Одного только не знаю —
Платова-казака:
Кто бы мне его указал,
Много б из казны денег дал!».
«На что казну терять?
Можно так его узнать.
Ты взгляни-ка на меня:
Он точно, как и я».
Хранцуз догадался,
Платов скоро подымался,
По ступенечкам бежал,
Записочки бросал,
На крылечко выбегал,
Громким голосом вскричал:
«Вы казáки — казакú, товарищи мои!
Подите-приведите мого доброго коня!».
На коня Платов садился,
Громче того закричал:
«Ты ворона, ты ворона,
Французский Бонапарт!
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола ловить,
(Что) ясного сокола —
Платова-казака!».
Хранцуз на коня садился,
В погонь за ним бежал:
Платов назад оглянулся,
Он насмешечки давал:
«Ты ворона, ты ворона!
Не умела ты, ворона,
Ясного сокола в клетку заковать!».

№ 32

Как французская земля
Много горя приняла
От Платова-казака.
Платов-казак к французу в гости,
В гости заезжал.
Он без спросу, без докладу
Во палатушку взошел.
Платов Богу помолился на все стороны,
Челом французу — низенькой поклон.
Еще француз не узнал,
На резвы ноги вставал,
За купчика почитал,
За дубовой стол сажал,
Рюмку водки наливал,
Он Платову подносил:
«Выпей, купчик, выпей, любчик,
Ты купеческой сынок!
По Россеи я гулял,
Много русских людей знал;
Одного я не знал, Платова-казака.
Кабы кто мне указал его,
То бы казны-денег много дал».
«На что казну-деньги терять,
Его можно так видать,
Погляди-ка на меня,
Я похож на Платова-казака,
Ровно брат он мне родной,
Как от матери одной».
Прочь французик отвернулся,
Платов над ним усмехнулся.
Вишь Платов, Платов, вот он пошел!
По край крылец взошел,
Громким голосом вскричал:
«Кабы были мои верные слуги,
Подвели бы мне коня,
Я бы сел, полетел,
Сам бы песенку запел:
«Уж ты разиня, ворона,
Загуменная карга!
Не сумела ты, ворона,
Ясного сокола держать,
Выезжай-ка, ты ворона,
Во чисто поле гулять,
Со мной силушки пытать!».

№ 33

Уж не пыль во поли пылит,
Не дубравушка шумит —
Сам Платов-казак катит
Ко французскому дворцу,
Ко парадному крыльцу.
Француз его увидал,
За купчика почитал,
За белы руки принимал,
За дубовый стол сажал.
Рюмку водки наливал:
«Выпей рюмку, выпей две,
Скажи правду всю мне,
Я и сам в Москве бывал,
Много людей тама знал:
Много господ и судей
Еще протчиих людей.
Только, только я не знал
Платова-казака.
Кто б его указал,
Много б злата ему дал».
«На что злата терять,
Можно так его узнать,
У Платова-казака
Небритая борода,
Не стрижена голова.
Он и личиком беленек,
Словно братец мой родной».
Платов-казак спохватился
Из палат вон торопился,
Он по лесенке бежал,
Сам афишечки кидал,
Он седлал своево коня
Средь широкого двора.
Оседлавши коня, сел,
Точно сокол полетел,
Француз его провожал,
Сам афишки поднимал,
Распечатал, дочитал:
«Не умела ты, ворона,
Ловить ясна сокола
Да Платова-казака».

№ 34

Что не пыль в поле пылит,
Не дубровушка шумит —
Француз с армией валит.
Француз близко подходил,
Генералам пригрозил:
«Господа вы генералы,
Растопчу я вас ногами?
Я ногами растопчу,
В каменну Москву взойду,
Золоты кресты сниму».
Наши воины не смолчали
И в ответ ему сказали:
«Не бывать тебе, собаке,
В нашей каменной Москве,
Не снимать тебе, злодею,
Золотых с церквей крестов».
Как начал француз палить,
Только дым с сажей валит,
Мы бились-рубились
Одиннадцать часов,
На двенадцатом часу
Стали убитых разбирать,
Силу-армию счислять.
Как нашли наших убитых
Генералов до пяти,
Полковничков до десяти.
Стали души их живить,
Лопухин убит лежит.
Он такую речь гласит:
«Уж вы слуги, мои слуги,
Вы солдатушки мои!
Пейте вы без мерушки зеленое вино,
Вы берите без расчету государеву казну,
Вы подите, украдите
Его крепкий караул!».
«Не велика эта страсть
Караул его скрасть».
Караул его скрали,
За Дунай-реку бросали.
Через реченьку я брел,
Я в постелюшку слег.

Я не чаял своей силушке
Во погибели бывать.
Что побил-порубил
Казак Платов-генерал.
Он по армии гулял,
Ко французу заезжал.
А француз не узнал,
За купца его считал.
«Ты купчина, ты купчина,
Ты купеческий сынок!
Всю Россию вашу знаю,
Генералов всех спознал,
Одного только не знаю
Я Платóва-казака!
Как бы кто мне указал,
Я бы много казны дал».
«Начто казну терять?
Можно так его видать».
По частым ступням Платов ступал,
Все записочки бросал,
На крылечко выбегал,
Громким голосом кричал:
«Ты ворона, ты ворона,
Французский король!
Не умела ты, ворона,
Сокола держать в хоромах!
Теперь уж, сатана,
Не поймать сокола,
Платова-казака!».

№ 35

Вдоль по речке, по реке
Взбушевалася волна —
С крутым берегом равна,
Поднималася война.
Вся хранцузская земля
Вы Москву город шла,
В Москве много шкоды сделала.
Платова-казака
Хранцуз не узнал,
За купца его считал,

За дубовый стол сажал,
Рюмку водки наливал,
Платов выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове.
Вышел из-за стола,
Садится на своего коня:
«Ты воронка, ты воронка,
Загумённая сова,
Где тебе ясного сокола поймать,
Я взовьюсь, я возовьюсь
На своем добром коне,
Не видать век тебе мене́.

№ 36

Князь Гагарин, дворянин,
Про Россию говорил:
«Я Россеюшку узнал
И сенаторов всех познал,
Одного вора Платова не узнал.
А кто бы мне его указал,
Казны и злата много дал».
«Вам на что казны терять!
Платова можно и так узнать:
У Платова-казака
До пояса борода, (2)
Не стрижены волоса,
Позументы на груде,
Ала лента на плече».
Чрез закон Платов ступил,
Себе бороду обрил,
Позумент долой сложил.
Нарядился граф Платов
Да поехал ко французу,
Ко французу во Париж.
Без докладу казак Платов
Во палату к нему всходил.
Француз его увидал,
За купца его считал,
За дубовый стол сажал, (2)
Рюмку водки наливал.
«Ах ты, купчик, наш купец,

Выпей рюмку, выпей две,
А про Платова-казака
Всее правду скажи мне».
«Платов точно, как и я,
Ты взгляни-ка на меня!»
А у француза дочь Арина
С купцом речи говорила:
«Ах ты, купчик, наш купец,
Покажи нам свой портрет!»
Он в карман руки впущал,
Свой портретик вынимал,
На дубовый стол кидал,
Из палатов выходил,
Сам на лесенку ступал, (2)
Сам записочки кидал, (2)
Громким голосом вскричал:
«Ах вы, войны, казаки,
Подайте доброго коня!»
Платов на коня садился,
Ровно сокол возвился.
Съезжает с высокого двора,
Подъезжает к косящему окну,
Закричал-то он, возгаркнул
Громким голосом своим:
«Ах ты, ворона, ты, ворона,
Загуменная карга,
Не умела ты, ворона,
Поймать ясного сокола,
Того ясного сокола,
Что Платова-казака».

№ 37

Святорусская земля,
Много славы про тебя,
Много славы про тебя,
Про Платова-казака.
У Платова-казака
Небритая борода,
Не стрижены волоса.
Платов голову остриг
И бородушку обрил,

У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчину почитал,
На улочку выбегал,
За оградою встречал,
За белые руки брал,
В нову горницу вводил,
За дубовый стол садил,
За дубовый стол садил,
Чаем, кофеем поил.
На серебряном подносе
Сладкой водкой подносил.
«Выпей рюмку, выпей две,
Всю ты правду скажи мне.
Уж я всех же в Москве знаю
Генералов и господ,
Одного только не знаю
Я Платова-казака.
Кто бы, кто бы мне сказал,
Тому б много злата дал,
И в полон бы его взял,
И с живого кожу снял».
Выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове.
«А начто злато терять,
Можно так его узнать:
Он со личика беленек,
Ростом, корпусом с меня,
Русы волосы его,
Как у брата моего».
У француза дочь Орина,
Что догадлива была,
Из палаты выходила,
С купцом речь говорила:
«Ах ты купчик, мой голубчик,
Ты удалый молодец,
Ты подай мне свой портрет».
Портрет Платов вынимал,
На белые руки клал,
Из палаты вон бежал,
Зычным голосом кричал:
«Уж вы гой еси, ребята,
Вы донские казаки,

Вы подайте мне коня,
Как ясного сокола».
На коня Платов садился,
Как соколик ясный взвился.
Под окошки подбегал,
Таковы слова сказал:
«Ты ворона, ты ворона,
Подгуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Сокола в руках держать,
Что ясного сокола,
Платова-казака».

№ 38

Мать российская земля
Много крови пролила
Про Платова-казака.
Платов-казак, генерал,
Со французами гулял,
Француз его не узнал,
За купца его считал,
К себе в гости зазывал,
За дубовый стол сажал,
Рюмку водки подносил,
Купца милости просил:
«Уж ты кушай, ты купец,
Кушай, добрый молодец,
Я и сам в Москве бывал
Всех господ, купцов знавал,
Я не знал лишь одного —
Вот Платова-казака.
Кто б про Платова сказал,
Тому б злата много дал».
«На что злато терять,
Его можно так видать:
Он на личико такой,
Словно братец мой родной,
Его волосы русые —
Настоящие мои».
У француза была дочь Арина,
Своему отцу говорила:
«Уж ты, батюшка родимый,

Допроси его потрет».
Платов потрет вынимает,
На убранный стол бросал,
Из палаты вон бежал,
На парадное крыльцо стал,
Громким голосом вскричал:
«Уж вы слуги, мои слуги,
Слути верные мои,
Вы подайте, оседлайте
Моего ворона коня».
Оседлали коня,
Он уехал со двора,
Громким голосом вскричал,
Француза заругал:
«Экая же ты ворона,
Вся французская порода,
Не умела ты, ворона,
В руках сокола держать,
Как того ли сокола,
Что Платова-казака».

№ 39

Россейская наша земля
Разорёна до конца,
До Платова-казака!
Как Платов-енерал
Ён под армией гулял,
Ко хранцузу заезжал.
Хранцуз его шумовал,
На скоры́ ноги уставал,
За белы́ руки хватал,
У палату уводил,
За дубовый стол сажал,
Рюмку водки наливал,
На подносе подносил,
Его милости просил:
«Что выкушай, купчина,
Ты ласковый молодчина!
Я в Москве и сам бывал,
Много сам людей знавал;
Одного вора не узнал
Что Платова-казака.

Кабы кто мне указал —
Много денег-казны дал!».
«А почто казну терять?
Его так можно признать:
Ён лицом, лицом, собой,
Словно братец твой родной.
Русы кудерьки на нем,
Что на братцу на твоем».
Выходил душа Платов
На широкий двор гулять,
Закричал душа Платов
Своим громким голосом:
«Вы ребята, вы ребята,
Вы донские казаки!
Вы подайте мне коня —
Словно ясна сокола;
А ешто (вы мне) подайте
Чернильницу со пером.
Напишу я письмецо
На хранцузское лицо,
Что пошлю я письмецо
Ко хранцузу-королю:
«Ты ворона, ты сорока,
(Ты) хранцузский королек!
Не сумела ты, ворона,
Ловить сокола в хоромах.
Не сумела ты, сова,
Ловить ясна сокола!».

№ 40

Уж ты матушка моя Россия,
Много нужды приняла,
Много нужды, много страсти,
Невозможно вспомянуть!
Наш Платов-генерал
По всей армии гулял,
Ко французам заезжал,
Француз Платова встречал,
Ворота отворял,
Белы скатерти расстилал,
За дубовый стол сажал,
С ноги на ногу ступал,

Рюмку водки наливал,
На подносе подавал:
«Выпей рюмку, выпей две —
Скажи правду всеё мне!
Всех в России знаю я,
Сенаторов и господ,
Одного-то я не знаю —
Платова-казака:
Много бы я казны дал,
Кто бы Платова указал!».
«Нам на что (француз) казну терять,
Его так можно узнать:
Его личико беленько,
Спохоже на мене;
Русы кудри —
Как на брату на моем».
У француза дочь Арина
Таки речи сговорила:
«Вы казаки, вы казаки,
Вы донские казаки!
Вы подайте, приведите
Его ворона коня:
Он и сядет, и поедеть
Во святую свою Русь!».
«Ужь ты вóрона, ворóна,
Загуменный черный грач!
Не умела ты, ворона,
Во своих когтях держать:
Ты умей, ворона,
Во чистóм поле поймать!».

№ 41

Ты Россия, ты Россия,
Святорусская земля,
Много славы, много чести,
Много горя ты снесла!
Платов-казак, генерал,
По всей армии гулял,
Всем указы, всем приказы,
Всем маршруты отдавал,
Всем приказы раздавал.

К французу в гости заезжал:
Француз его не узнал,
За белы руки примал,
За белы руки примал,
За дубовый стол сажал,
Рюмку водки наливал.
На подносе подавал,
На подносе подавал
И купчишкой называл:
«Ты купчища, ты купчина,
Ты купеческий сынок!
Выпей рюмку, выпей две,
Скажи правду всеё мне
Про Платова-казака!
Кто бы это мне сказал
Казны-денег много б дал!».
«Ну на что казну терять?
Его так можно узнать:
Ты садись против меня,
Ты гляди все на меня:
Платов точно как и я!».
Уж француз прямо догадался,
Платов скоро убирался,
По частым ступеням бежал,
Все записочки бросал;
На крылечко выходил,
Громким голосом кричал:
«Вы казаки, вы казаки,
Вы казаченьки мои!
Вы подите приведите
Моего добра коня,
Вы подите приведите
Со конюшнего двора!».
На коня Платов садился —
Точно сокол возвился:
«Ты ворона, ты ворона,
Загумённая карга!
Не сумела ты, ворона,
Ясна сокола ловить,
Ловить ясна сокола,
Что Платова-казака,
Что Платова-казака,
Платов сам был у тебя!».

№ 42

Уж как Платов-енерал
Он по армии гулял,
Усы-бороду обрил,
Ко хранцюзу в гости загулял,
Как хранцюз-то его не узнал,
За белые руки брал,
Во нову горницу повел,
За дубовый стол садил,
Цаем-кофеем поил:
«Уж ты пей, душа-купец,
Ты московский молодец!
Уж я и сам в Москве бывал,
Много добрых людей знал:
Одного вора не знал,
Я Платова-казака:
Еще кто бы мне его сказал,
Тому бы много денег дал!».
Вот тут Платов распрощался,
Над хранцюзом он смеялся:
«Ах ворона ты, ворона,
Ты хранцюзская корона!
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола ловить,
Добра молодца убить:
Уж я был у тя в гостях,
Во твоих вострых когтях!».

№ 43

Не пыль в полюшке пылит,
Не дубровушка шумит —
Француз с силушкой валит
К нашей матушке Москве.
Ко Москве он подходил,
Енералам пригрозил,
Енералы испугались,
Слезно плакали-рыдали:
«Что не быть тебе, злодею,
В каменной нашей Москве,
Не видать тебе, собаке,
Золотой нашей казны».
Наши начали палить,

Только дым с сажей валит,
Каково то красно солнышко,
Не видать его в дыму,
Не ясен сокол летал —
Казак Платов разъезжал,
Через закон казак ступил,
Себе бороду обрил,
Государь за то любил.
Он и ездил, разъезжал,
Ко французу заезжал,
Француз больно ему рад:
Сам ворота отворят,
Сам ворота отворят,
За белы руки примат,
За белы руки примат,
За дубовый стол сажат,
За дубовый стол сажат,
Стакан водки наливат,
Стакан водки наливат,
Купчиною называт.
«Ты купчина, ты купчина
И купеческий сынок,
Выпей рюмку, выпей две,
Скажи правду всеё мне,
Кто б Платова указал,
Тому б много казны дал;
Кабы я его узнал,
Со живого б шкуру снял!»
«А на что казну терять,
Можно так его узнать —
Он мне брателка родной
Отцом с матерью одной».
У француза дочь Арина
Из чулана выходила,
Из чулана выходила,
По-немецки говорила:
«Ты казак мой, казачок,
Ты подай сюда паспорт!».
Казаченька догадался,
Из палат вон поднимался,
По ступенечкам ступал,
По записочке бросал,
На крылец он выбегал,

Громким голосом кричал:
«А вы братцы-казаки,
Вы не выдайте меня,
Вы не выдайте меня,
Подавай скоро коня!».
На коня-то он садился
И больне того кричал:
«Ты ворона, ты ворона,
Загуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола пымать,
Ясна сокола пымать,
Сизы перушки щипать!».

№ 44

Мать Россия, ты Россия,
Мать российская земля!
Ай люли, ой люли,
Мать российская земля.
Про тебя ли, мать Россия,
Хороша слава прошла,
Хороша слава прошла,
Как про белого царя,
Как про белого царя,
Про Платова-казака.
У Платова-казака
Небретая борода,
Небретая борода,
Не стрижены волоса.
Платов закон переменил,
Себе бороду обрил,
Себе бороду обрил,
Волоса себе остриг,
Волоса себе остриг,
Во Париж-город вступил,
Во Париж-город вступил,
У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купца его встречал,
За купца его встречал,
За белые руки брал,
За белые руки брал,

Во палаты заводил,
Во палаты заводил,
На кленовый стул садил,
На кленовый стул садил,
Его милости просил,
За убраный стол сажал,
Рюмку рому наливал.
На подносе подносил,
Его милости просил:
«Купец ты, мой купец,
Сын, купеческий сынок!
Выпей рюмку, выпей две,
Расскажи всю правду мне,
Расскажи всю правду мне,
Кто начальником в Москве?
Во Москве-то я бывал,
Генералов всех знавал,
Генералов и господ,
Всех почтеннейших купцов,
Одного только не знаю,
Как Платова-казака.
Я несчетну казну дал,
Кто Платова показал».
Платов-то отвечает:
«Начто казну терять,
Начто казну терять,
Можно так его видать.
Ты гляди-ка на меня,
Он похож ведь на меня,
Личико сблекло,
Как у братца моего.
Русы кудри-то мои.
Будто брателки родны.
Походочка его
Будто брата моего.
А разговоры-то одны,
Будто матери родны».
Тут француз-то сдогадался,
За портреты-то хватался.
Платов из палат выхожал,
На добра коня сажал,
На добра коня садится,
Сам ругается:

«Ох ворона, ты ворона,
Французский ты король!
Не умел ты, ворона,
Ясна сокола имать,
Ясна сокола имать,
Во белые руки брать,
Во белые руки брать,
Ясна сокола щипать,
Ясна сокола щипать,
Платова-вора поимать».
Черну шляпу скидывал,
Поклон низкий отдавал,
Поклон низкий отдавал,
Сам на дело уезжал.

№ 45

Ты Россия, ты Россия,
Ты Россиюшка моя,
Много горя прыняла
От хранцуза-короля
Без Платового-казака.
Платов-казак розъезжал:
Вын по вармии гулял,
Усы-бороду обрывал,
Чтоб хранцуз ёго не взнал,
За купчика посчитал,
К соби в гости зазывал,
За тесовый стол сажал,
Графин водки вынимал,
Стакан мыду наливал:
«Ох ты выкушай, купэц,
Ты российский молодец.
Я сам в Москве бывал,
Распрымного людэй знал;
Только ёдного не взнал —
Платового-казака.
Як бы кто (мне) вказал,
Распрымного денег дал».
«На что ж денежки тырять?
Его можно так узнать:
Вон и голосом такой,
Ровно-словно изо мной,
Он и лыченьком такой,

Ровно братец мой родной».
На крылечко выходыл,
Своим слугам говорил:
«Вы подайте мне коня,
Коня тысячного!».
Он на коныка садытся,
Под ным коныk веселится,
Под окошко подбежал,
Громким голосом крычал:
«Ты ворона, ты ворона,
Заблужоная сова!
Выпускала сокола
С-под правого рукава!
Коли вгодно со мной
В чисто поле погулять,
Из пушечек пострылять».

№ 46

Мы споемте, братья, песню
Про Платова-казака!
Как задумал наш Платов
По России погулять!
По России ён гулял,
Ко французу загулял,
Француз его не узнал,
Стакан водки наливал.
Стакан водки наливал,
Про Платова спрашивал.
Про Платова ён спросил:
«Не видал ли ты его?
Каков Платов из себя?».
Граф-от Платов отвечал:
«Ты взгляни-ка на меня,
На лихова казака (вар. — *сокола*)
Теперь будешь, вор-ворона,
Знать Платова-казака.
Вы казаки, вы казаки,
Слуги верны вы мои,
Вы подайте мне коня,
Вороного сокола.
Ты, французская ворона,
Где же сокола пымать?».

№ 47

Про Платова-казака
Далеко слава легла.
Собирался наш Платов
В Париж-город на Покров.
Чрез закон Платов ступил,
Себе бороду обрил.
Платов по торгу ходил,
Француз его не узнал,
Он за купчика признал,
Его в гости к себе звал
И за руки белы брал.
Во палаты к себе водил,
За дубовый стол сажал,
Стакан рому наливал,
На подносе подносил:
«Выпей рюмку, выпей две,
Скажи правду ты мне
Про Платова-казака.
Если б кто мне указал,
Много б казны-денег дал!».
«Чем жа денежки давать,
Его можно так узнать:
Он лицо со мной в лицо,
А кудерушки на нем,
Как на братце на моем».
На крыльцо Платов выходил,
Громким голосом вскричал:
«Уж вы слуги мои верные,
Подавайте моего коня,
Еще белой бумаги лист,
Напишу я письмецо
На французское лицо:
«Ты ворона, ты ворона,
Загуменный грач!
Не взумела ты, ворона,
Держать сокола в хоромах,
А теперь ты, сыть-сова,
Не поймавши сокола».

№ 48

Мать Россея, да мать Россея,
Мать российская земля!
Много горя приняла,
Да много крови пролила.
Про тебя ли, мать Россея,
Далеко слава прошла,
Далеко слава прошла
Да про белого царя,
Да про Платова-казака.
Казак в Питере был,
Да себе бороду обрил.
Казак смелость поимел,
Себе бороду обрел,
Да себе бороду обрил,
У француза в гостях был.
А француз-от не узнал
Да за купчика принимал,
За белые руки брал,
В нову горницу вводил,
За дубовый стол садил,
Бокал меду наливал,
Он Платову подавал.
У француза дочь Орина
Таки речи говорила:
«Уж ты тятенька родимой,
Попроси с купца патрет!».
Он патрет-от вынимал
Да из палаты ввыбегал,
Громким голосом кричал:
«Уж вы слуги, мои слуги,
Вы донские казаки!
Вы вяжите короля,
На аркан сзади́ меня,
Где сожженная Москва,
Там увижу я царя,
Там увижу я царя,
Там повесим короля».

№ 49

Мать Россия, мать Россия,
Мать российская земля!
Не про тя ли, мать Россия,
Широка слава прошла,
Широка слава прошла,
Да про Платова-казака?
У Платова-казака
Да небритая борода.
Да не стрижены волоса,
Во Париж-город вступил,
Себе бороду обрил
И русы волосы остриг,
И русы волосы остриг,
Да у француза в гостях был.
Француз Платова не узнал,
За купчика почитал,
За белые руки брал,
За убранный стол сажал.
«Уж ты купчик, мой голубчик,
Ты купеческий сынок!».
За дубовый стол садил,
Чаем-водочкой поил,
Чаем-водочкой поил,
Ратафеем угостил,
«Пей-ко рюмку, пей-ко две
Да расскажи правду мне,
Да расскажи правду мне,
Кто начальником в Москве?
Много раз в Москве бывал,
Много начальников видал,
Только, только не видал одного
Платова-казака.
Как бы Платова увидал
С его живого кожу снял».
«Платов-то казак
Да на одно лицо со мной.
Точно брат мне родной».
У француза дочь-злодейка
Предогадлива была.
Да на портрет смотреть пошла.

Платов-то догадался
Да из палат вон побежал.
Да частым лесенкам бежал,
Все записочки кидал,
На парадное крыльцо стал
Да жистным голосом вскричал:
«Уж вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои!
Обратайте-оседлайте
Ворона добра коня».
На коня Платов садился
В стремена ноги вложил,
В стремена ноги вложил,
Да вострy саблю обнажил,
Да жистным голосом вскричал:
«Ты ворона, ты ворона,
Ты французский ротозей.
Не умела ты, ворона,
Сокола в клетке имать.
Прилетай-ка к нам, ворона,
В чисто поле погулять.
Про тебя у нас, ворона,
Пироги напечены,
Пироги напечены
Да сухари насушены.
Пирогам будем кормить,
А сухарям по крылью бить.
Крылья-перья обобьем,
Во шкатулку окладем,
Да во Париж-город пошлем».

№ 50

То-то любо, то-то славно,
Что российская земля
Прошла слава, слава, слава
Про Платова-казака.
Как и Платов-енерал
Все по армии гулял.
Ко французу заезжал,

Француз его не узнал,
Скорешенько восставал,
За белые руки брал,
По палатам водил,
За тесовый стол садил,
Рюмку водки наливал,
На подносах подносил:
«На, выпей-ка, купчинка,
Ты московский молодчинка,
Я сам в Москве бывал,
Всех людей я там знавал,
Одного я не признал —
То Платова-казака.
Я бы много злата дал,
Кто б мне его указал».
«На что золото давать,
Его так можно узнать,
Он лицом, лицом белой,
Словно братец мой родной,
А кудерца на нем,
Как на братце на моем».
И пошел душа Платов
На широкий двор гулять,
Закричал душа Платов
Своим громким голосом:
«Ах вы слуги, мои слуги,
Слуги, верны соколы!
Вы подайте мне коня,
Верна, ясна сокола,
Подайте мне бумаги
Листок гербовой,
Чернилицу со пером.
Напишу я письмецо
Ко французу на лицо,
Отнесу я письмецо
Ко французу на крыльцо!».
Француз вышел, стал читать
И в глаза себя ругать:
«Ты ворона, ты ворона,
Ты французская порода,
Не умела ты, ворона,
Соловья щипать в хоромах».

№ 51

Ты Россия, ты Россия,
Мать российская земля,
По тебе ли, мать Россия,
Многа слава пролегла,
Многа слава пролегла
Про Платова-казака.
Плат закон переступил,
Себе бороду обрил,
У француза в гостях был.
Француз его не признал,
За купеческа принял,
Чаем-ромом угощал.
«Ах ты купчик, мой голубчик,
Много злата тебе дам!
Серебра-золота возьми,
Мне ты Плата покажи!».
«Уж зачем казну терять?
Его так можно видать!».
«Уж какой он такой?».
«Славный братец мой родной,
Отца-матери одной!».
За потрет он ухватился,
На крылечко выбегал,
Громким голосом кричал:
«Ах вы слуги, мои слуги,
Вы донские казаки,
Вы подайте мне скорее
Мово ворона коня!».
Он садился на коня,
Громким голосом кричал:
«Уж тебе ли, вороне,
Ясна сокола ловить?
Уж тебе ли, вороне,
По полям мышей давить!».

№ 52

Мать Россея, мать Россея,
Мать россейская земля!
Про тебя, мати Россея,
Худа славушка прошла.

Что худым она худа
Да не годится никуда,
Да про Платова-казака.
У Платова-казака
Да не брета борода,
Небретая борода,
Не стрижены волоса.
Казак смелость поимел,
Свою бороду обрел,
Волоса свои остриг
Да у француза в гостях был;
Его французик не узнал
Да за купчика почитал.
У француза дочь Марина,
Она догадлива была,
Да догадалась молода.
«Ох ты тятенька-отец,
Это Платов ведь казак!».
«Что ты, глупа дочь Марина!
Что за Платов за казак?
Ведь у Платова-казака
Небретая борода,
Небретая борода,
Да не стрижены волоса.
Ну-ко купчик, ты голубчик,
Покажи-ка свой патрет!».
За карман казак хватался
Скорые письма добывал,
Скорые письма добывал,
Да и патретик вынимал,
Да на белые ручки клал,
Да сам из горнисы пошел.
На ворона коня садилса,
Коню наказывал:
«Уж ты, конь, ты мой вороный,
Конь, повывези меня
Да из напасти, из беды».
Повернул коня направо,
Сам такую речь завел:
«Ты ворона, ты ворона,
Не могла ты ясного сокола поймать,
Ясного сокола поймать
Да сизы перья ошшипать».

№ 53

Ты Россея, ты Россея,
Ты российская земля,
Много крови пролила.
Много силы забрала!
Платов-казак воин был,
Себе бороду не брил.
Когда бороду побрил,
У француза в гостях был.
Француз яго не узнал,
За купчину признавал,
Сы добра коня сымал,
Во палату зазывал,
За дубовый стол сажал,
Рюмку водки наливал
И купчине подносил,
Об стаканчике просил:
«Ты купчина, ты купец,
Ты российский молодец!
Выпей рюмку, выпей две,
Скажи всею правду мне
Про Платова-казака!
Он в разор нас разорил:
Я уже золото сорил,
Много золота терял,
Про Платова узнавал».
«На что золота терять?
Его так можно узнать:
Он — одно лицо со мной,
Ровно брат мене родной!».
Дочь француза догадалась,
Патрет начала смотрить,
Платов-казак догадалси
Из палаты выходить,
На крылечек выбягать,
Будто письмецы бросать,
Он не письмецы бросал,
Громким голосом скричал:
«Ой вы слуги, мои слуги,
Вы донские казаки,
Вы подайте-ка коня
Под Платова-казака!».

На коня Платов садится
И французу говорить:
«Ах ворона, ты ворона,
Загуменная карга!
Не сумела ты, ворона,
Ясна сокола поймать,
Сизые перышки ошшипать,
По чисту полю пускать,
Не сумела ты Платова
У себя в гостях дяржать».
Тут француз позбунтовалси,
А Платов-казак помчалси —
Только пыль столбом пошла
От французова двора.

№ 54

Россия ли, Россия,
Все московски города!
Француз в Москве бывал,
По шести недель живал,
По шести недель живал,
Много князей-бояр видал,
Не видал он одного,
Грубияна своего,
Грубияна своего,
Он Платова-казака.
Наш-от Платов-генерал
По армеюшке езжал,
По армеюшке езжал,
Приказ строгий отдавал.
За то царь его любил,
К себе в гости попросил,
Русу бороду обрил,
Купчинушкой снарядил,
Купчинушкой снарядил,
Ко французу проводил!
Француз его не узнал,
За купчика принимал,
За белые руки брал,
Во палаты заводил,
В белокаменны палаты,
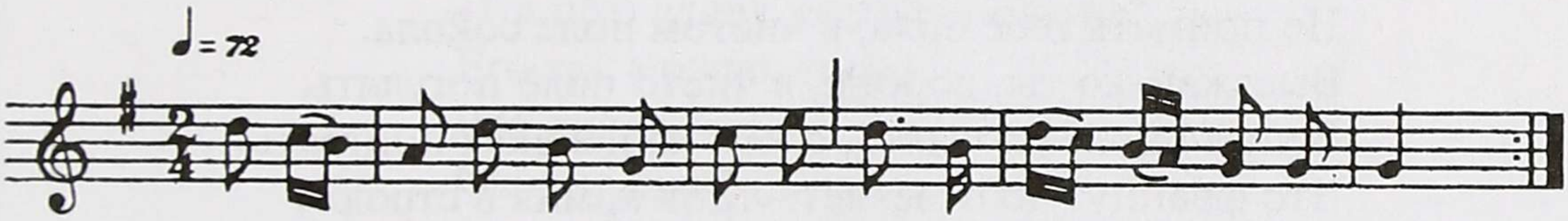
За дубовые столы.
За дубовый стол садил,
Стакан водки подносил,
Стакан водки подносил,
Таки речи говорил:
«Кто бы, кто бы мне сказал
Про Платова-казака?
Кто бы, кто бы мне сказал,
Тому много б казны дал!».
«Зачем тебе казну терять,
Его можно так узнать.
Ты гляди-ка на меня,
Что Платов-от, как и я,
Русы кудри у него,
Как у брата моего,
Лицо беленькое,
Щечки аленькие».
У француза дочь Арина
Таки речи говорила:
«Ой ты купчик,
Сиз голубчик!
Покажи-ка свой портрет».
Купец портрет вынимал,
Из палаты побежал,
Из палаты побежал,
Громким голосом вскричал:
«Ой вы гой еси, казаки,
Оренбургцы-молодцы,
Вы ведите-ка скорее
Мне вороного коня,
Коня вороного,
Приоседланного».
Он садился на коня,
Сам поехал со двора,
Сам поехал со двора,
Нову песенку запел:
«Ты ворона ли, ворона,
Загуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола поймать,
Ясна сокола поймать,
Сизы перышки щипать».

№ 55

Ах ты Рассея, ты Рассея,
Ты рассейская земля,
Много горьких слез ты пролила,
Много славы приняла,
Пры Платова-казака,
Дыляко слава лягла,
Кык и Платов-инарал
Вон по варьмии гулял.
Юсы-бороду обрил,
У хранцуза в гостях был.
Хранцуз его не признал,
Под бялы руки сымал,
Под белые руки брал,
У палаты уводил,
За дубовый стол сажал,
Рюмку водки наливал,
На поднося подносил,
Чести-милости просил:
«А ты выкушай, купчинка,
Ты московский молодчинка,
И я сам в Москве бывал,
Я много людей знал,
Одного вора ню знал
Я Платова-казака,
Кабы кто мне указал,
Я бы много денег дал!».
«Ну начто казну терять?
Его так можно привзнать;
Ён лицом, лицом со мной,
Словно братяц мой родной;
Русы кудерьки на ём,
Что на братцу на моем».
Выходил душа Платов
На широкий двор гулять,
Закричал душа Платов
Своим звучным голосом:
«Вы ребяты, вы ребяты,
Вы донские казаки,
Вы подайте-ка сюда
Мово ворона коня.

А ишшо ли вы подайте
Вы черьнила со пяром,
Лист бумаги вербовой.
Напишу я письмяцо
Ко французу на лицо:
«Ты ворона... ты ворона
Ты хранцузской палитар;
Ню зумела... ты ворона,
Ловить сокола в хоромах,
Не впризнала.... сова
По полету сокола;
Я был в тебе в гостях
Во твоих вострых когтях,
Пил-ел хорошо,
Сладко кушал молодец».

№ 56

Ты Россия, мать Россия, мать российская земля,
Ой люли, люли, люли, мать российская земля.

Про тебя ли, про Россию, далеко слава прошла,
Далеко слава прошла про белого про царя,
Про белого про царя, про Платова-казака.
У Платова-казака небритая борода,
Небритая борода, не подстрижёны волоса.
Чрез закон Платов ступил, себе бороду обрил,
Во Париж-город вступил, у француза в гостях был.
Француз его не узнал, за купчика принимал.
Во палаты к себе звал, рюмку водки наливал:
«Выпей рюмку, выпей две, скажи правду всю ты мне.
Я у вас в Москве бывал, много купчиков знавал,
Много купчиков, судей, еще прочиих людей;
Одного только не знаю я Платова-казака,
Много б, много казны дал, кто Платова показал».

«Ах, зачем казну терять, можно так его видать.
Русый, кудерьки его точно братца моего,
Отца-матери одной, точно братец мне родной».
У француза дочь Алина купцу речи говорила:
Она верно сдогадалась, по патретам добиралась.
«Уж ты купчик, голубчик, ты купеческий сынок,
Ты купеческий сынок, покажи мне свой патрет».
Патрет Платов не казал, из палат вон побежал,
Он по лестнице бежал, все записочки бросал,
На балкончик выбегал, громким голосом кричал:
«Уж вы слуги, мои слуги, вы донские казаки!
Вы подайте мне коня, коня вороного».
На коня Платов садится — улыбается.
Со двора Платов съезжает — сам ругается:
«Ты ворона, ты ворона, ты француз Наполион!
Не умела ты, ворона, ясна сокола держать,
Ясна сокола держать, с него пёрушки сщипать.
Не поймать тебе орла, в чистом поле сокола.
Выезжай-ко ты, ворона, в чисто полё погулять.
В чисто полё погулять, с нам на шашках поиграть».
Что француз-то отвечает: «Моя армия в строю».
А Платов-то отвечает:

«Твоя армия на боку,
Нанюхавши табаку».

№ 57

Казак Флатов хитер был, себе бороду обрил,
Себе бороду обрил, у француза в гостях был,
Француз его не узнал, за купца его считал.

№ 58

Мать Рассея, мать Рассея,
Мать рассейская зимля,
Пра тябе-то, мать Рассея,
Худа славушка прайшла,
А не токма пра Рассею
Што пра Белага царя,
Пра Платова-казака,

А у Платова-казака
Нябрытыя барада,
Нястрыжиные вусы.
Плотов бороду аббрыл.
Вусы на-гала абстрыг.
Вусы на-гала абстрыг,
У Париж-горыд прибыл.
У Парыж-город прибыл,
Ко хранцузу подхадил.
Хранцуз яго не узнал,
За купчика защитал,
За белы руки хватал.
За тисовый стол сажал,
Гаворками занимал:
«Каба хто Платова указал,
Злата, серебра таму дал».
«На што злата, сирябро класть?
Его так можна узнать:
Яго личка белая,
Словно братиц мой радной.
А у хранцуза, у дурука
Была дочка хараша,
Ана славечка молвила:
«Уж ты купчик, сиз голубчик,
Пакажи-тка свой патрет!»
Купец патрет вынимает
У тисовый стол кладет,
Сам вон с горинки идет:
«Не умел хранцуз, ворона,
Ясна сокола диржать.
То ня сокыл, то ня сокыл,
А Платов жа казачок».
Платов на каня садился,
Выезжал он на паля:
«Номереча(?) (Топереча?) ты, хранцуз,
Выезжай-ка на паля:
Мы папляшем-ка с тобой!»
Яму сталы ни до пляски,
Патарвалися падвязки.

№ 59

Россия ли, Россия,
Все московски города!
Француз в Москве бывал,
По шести недель живал,
По шести недель живал,
Много князей-бояр видал, —
Не видал он одного,
Грубияна своего,
Грубияна своего,
Он Платова-казака.
Наш-от Платов-генерал
По армеюшке езжал,
По армеюшке езжал,
Приказ строгий отдавал.
За то царь его любил,
К себе в гости попросил,
Русу бороду обрил,
Купчинушкой снарядил,
Купчинушкой снарядил,
Ко французу проводил.
Француз его не узнал,
За купчика принимал,
За белые руки брал,
Во палаты заводил,
В белокаменны палаты,
За дубовые столы.
За дубовый стол садил,
Стакан водки подносил,
Стакан водки подносил,
Таки речи говорил:
«Кто бы, кто бы мне сказал
Про Платова-казака?
Кто бы, кто бы мне сказал,
Тому много б казны дал!».
«Зачем тебе казну терять,
Его можно так узнать.
Ты гляди-ка на меня,
Что Платов-от, как и я,
Русы кудри у него,
Как у брата моего,
Лицо беленькое,
Щечки аленькие».

У француза дочь Арина
Таки речи говорила:
«Ой ты купчик,
Сиз голубчик!
Покажи-ка свой портрет».
Купец портрет вынимал,
Из палаты побежал,
Из палаты побежал,
Громким голосом вскричал:
«Ой вы гой еси, казаки,
Оренбургцы-молодцы,
Вы ведите-ка скорее
Мне вороного коня,
Коня вороного,
Приоседланного».
Он садился на коня,
Сам поехал со двора,
Сам поехал со двора,
Нову песенку запел:
«Ты ворона ли, ворона,
Загуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола поймать,
Сизы перышки щипать».

№ 60

Ты Россия, Россия, ты российская земля!
Ты российская земля, много горя приняла,
Много горя, много нужды,
Невозможно вспомянуть!
Как Платов-генерал
По армии разъезжал,
По армии разъезжал,
Ко французу заезжал;
Француз на ноги встал,
Чару вина наливал,
Чару вина наливал,
Купчиною называл:
«Ты купчина-любчина,
Ты купеческий сын!
Я ведь всех из вас знаю
Генералов и господ,

Одного из вас не знаю
Я Платова-казака:
Кто бы его мне указал,
Много тому казны бы дал!».
«Зачем казнушку терять,
Его так можно узнать:
Его личко — бело личко,
Ото всех господ отличка:
Черны брови у него,
Как у дяди моего,
Черны кудри у него,
Как у брата моего».
Платов на крыльцо всходил,
Громким голосом кричал:
«Уж вы донцы-драгуны,
Вы донские казаки!
Вы подайте мне коня
От точеного столба,
От злаченого крыльца».
Платов на коня садился,
Громким голосом кричал:
«Ты карга, шельма, ворона,
Ты французский Бонапарт!
Не умел, карга-ворона,
Ясна сокола поймать,
Ясна сокола поймать,
На правой руке держать».
Француз на крыльцо всходил,
Еще громче закричал:
«Если б я его поймал,
Крылья-перья б ощипал».
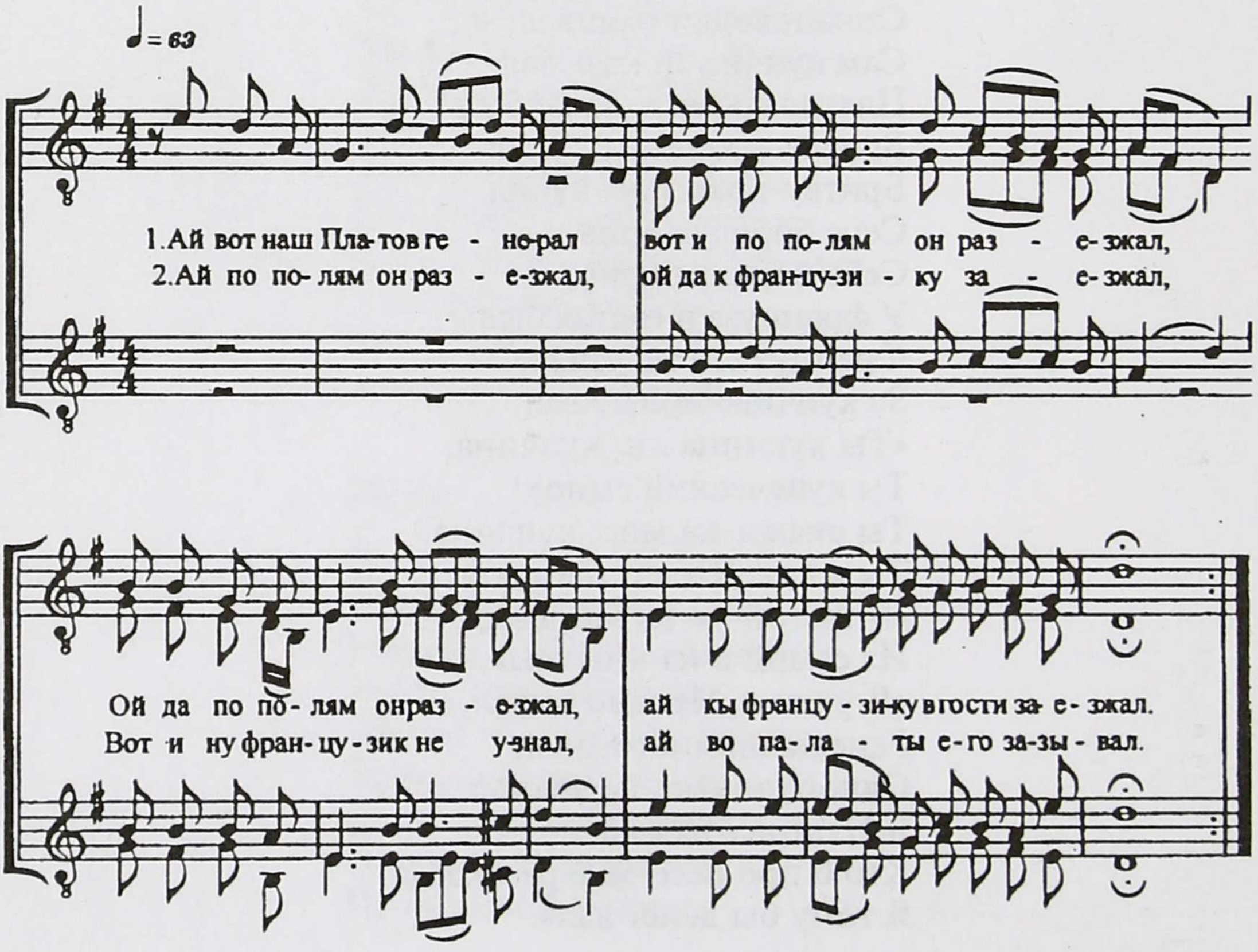
№ 61

Ты Россия ли, Россия,
Мать российская земля,
Мать российская земля!
Много горя приняла,
Много горя, много нужды,
Много крови пролила.
Казак Платов-генерал
По армеюшке езжал,
По армеюшке езжал,

Приказ строгий отдавал:
«Вы послушайте, ребята,
Что я буду говорить?
Вы седлайте мне конечка
Во черкасское седло:
Я поеду, казак Платов,
Ко францусск(ом)у королю,
Ко францусск(ом)у королю,
Ко турецкому двору.
Привяжу свово конечка
Ко точеному столбу,
Ко точеному столбу,
К позолочену кольцу!».
Коня добра привязал,
Сам в палатку он вступал,
Во палатку он вступал,
Француз на ноги вставал,
Француз на ноги вставал,
За белы руки примал,
За белы руки примал,
За дубовый стол сажал,
Стакан водки наливал,
Сам купчиной называл.
Платов-казак мудрен был
Бритву-ножницы купил,
Бритву-ножницы купил,
Себе бороду обрил,
Себе бороду обрил,
У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчика признавал,
«Ты купчина ли, купчина,
Ты купеческий сынок!
Ты скажи-ка мне, купчина,
Ты с какой же стороны?».
«Я из той ли из сторонки,
Из самой я из Москвы».
«Я у вас в Москве бывал,
Генералов много знал,
Одного только не знал
Я Платова-казака.
Кто б про него мне рассказал,
Я тому бы денег дал».

«Зачем казну эту терять,
Его можно так признать:
У Платова-казака
Не стрижена голова,
Не стрижена голова
И не брита борода;
Кудри русы у него,
Как у брата моего,
Глядишь прямо на него!
Казак Платов выступил,
Сам записку выбросил,
В стремя ногу он совал,
Сам вороной называл:
«Ты ворона ли, ворона,
Загуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Поймать ясна сокола».

№ 62

Ай вот наш Платов-генерал вот и по полям он разъезжал,
Ой да по полям он разъезжал, ай кы французику в гости заезжал.

Ай по полям он разъезжал, ой да к французику заезжал.
Вот и ну, французик не узнал, ай во палаты его зазывал.

Ай ну французик не узнал, ой да во палаты его зазывал,
Вот и во палаты его зазывал, ай за дубовый стол его сажал.

Ай во палаты зазывал, вот и за дубовый стол его сажал,
Ай да за дубовый стол его сажал, ай стакан пива ему наливал.

Ай за дубовый стол сажал, вот и стакан пива наливал:
«Ай выпей рюмку, выпей две, ай скажи правду, правду всею мне.

Ай выпей рюмку, выпей две, вот и скажи правдицу всею мне!
Ой да я в Рассеюшке бывал, ай командиров всех ваших видал.

Ай ну в Рассеюшке бывал, вот и командиров всех ваших видал,
Ой да одного я только не видал — казака-то Платова я и не знавал.

Ай одного я только не видал — казака-то Платова не знавал!»
Ой да Платов скоро догадался, ай из палат он, братцы, выходил.

Ай Платов скоро догадался, ой да из палат он выходил,
Ой да из палат он выходил, ой да сам речи, братцы, говорил.

Ой из палат он выходил, ой да вот сам речи говорил:
«Ой да уж вы, други, мои други, ой вы донские, братцы, казаки.

Ой уж вы, други, мои други, ой да вы, донские казаки!
Вот и вы подайте, мои други, ай мово доброго донца-коня.

Ай вы подайте, мои други, ай да мово доброго коня!»
Вот и тут наш Платов на конь сел, ой кы окошечку, братцы, подлетел.

Ай тут наш Платов на конь сел, ой да к окошечку подлетел,
Вот и к окошечку подлетел, ой французику он благодарил.

Ай кы окошку подлетел, ой да, французику благодарил:
«Ой да! ну, спасибо те, французик, ой да на хлебе еще на соле.

Ай ну спасибо тебе, французик, вот и ну на хлебе, на соле,
Ой да вот на хлебе, на соле, ой да на сладком на твоем вине.
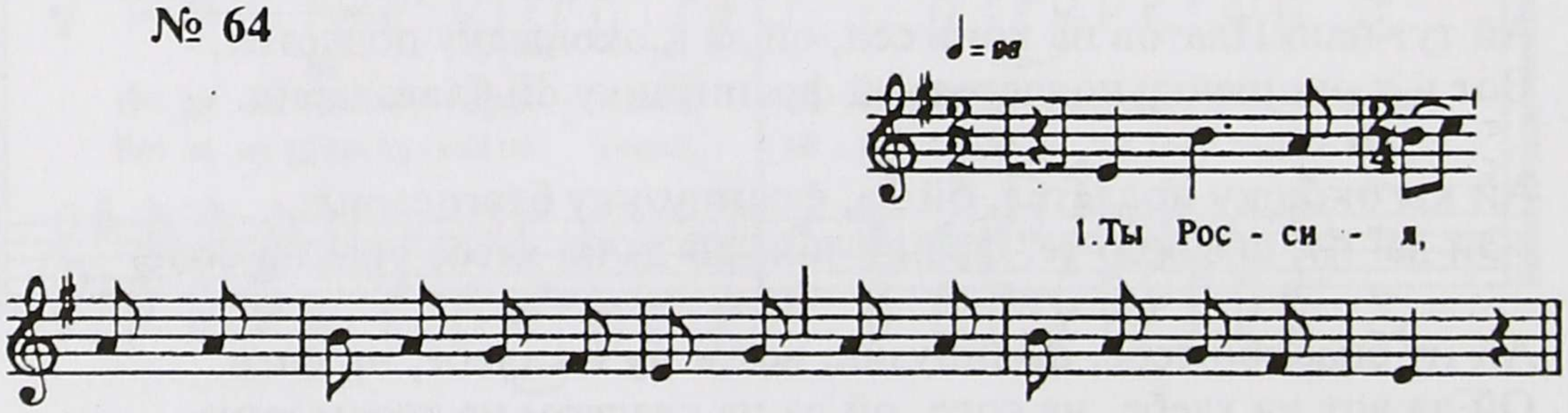
Ой вот на хлебе, на соле, ой да вот на сладком на вине!
Ой да ты, ворона, ты, ворона, ай загуменная ты карга.

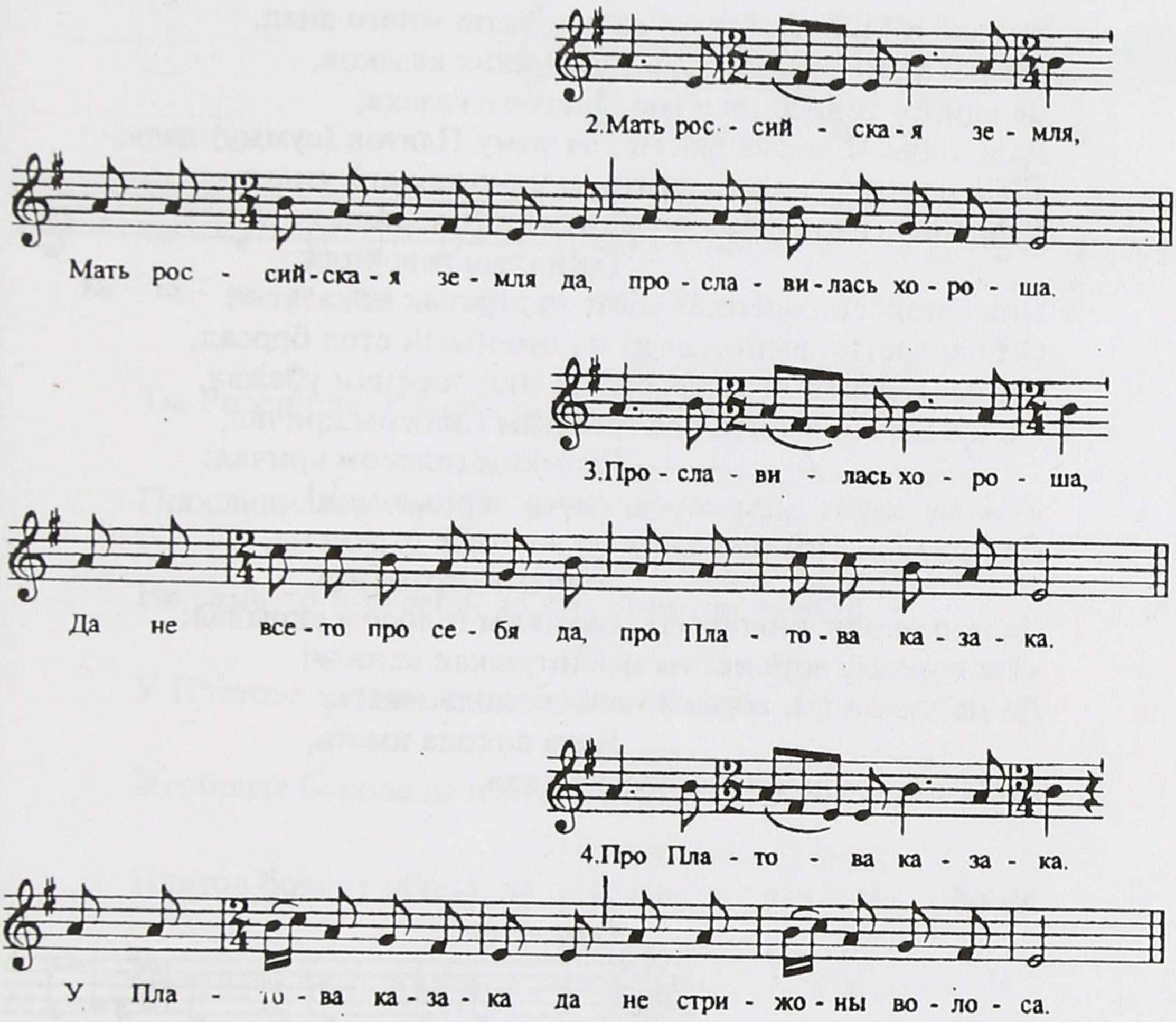
Ай ты, ворона, ты, ворона, ай да загуменная карга!
Ой да не умела ты, ворона, ой ясна сокола ловить!»

№ 63

Про Платова-казака небретая голова.
Платов бороду обрел и ко французу подоспел;
Его француз не узнал и за купчика почитал,
За купчика почитал и за дубовой стол сажал.
За дубовой стол сажал и рюмку водки наливал:
«Уж ты купчик, мой голубчик, и кто бы Платова сказал,
И кто бы Платова сказал, казны-денег много дал.
Уж француз, наш король, и на что деньги нам доржать».
«И на что деньги нам доржать, можно так его сказать:
Уж он, Платов-енерал, мне-ко брателко родной,
Мне-ко брателко родной, отца-матери одной».
«Уж ты купчик, мой голубчик, покажи-ка свой патрет».
Он патретик вынимал и Аренушке подавал,
Аренушке подавал, сам из горенки бежал,
По лесенкям ступал и все записочки бросал
На крылечко выбегал, ришным голосом вскричал:
«Вы казаки, вы донские казаки, подводи скоро коня,
Подводи скоро коня под Платова-казака!».
Платов-енерал во стремнушки ступал,
Во стремнушки ступал, и как соколик залетал,
Как соколик залетал и вокруг избы обегал,
Вокруг избы обегал и к Аренушке подбегал:
«Ты, говорит, ворона, б... ворона и гумённая карга,
Не умела, б... ворона, соколика поимать,
Соколика поимать и сизы перья ощипать!».

№ 64
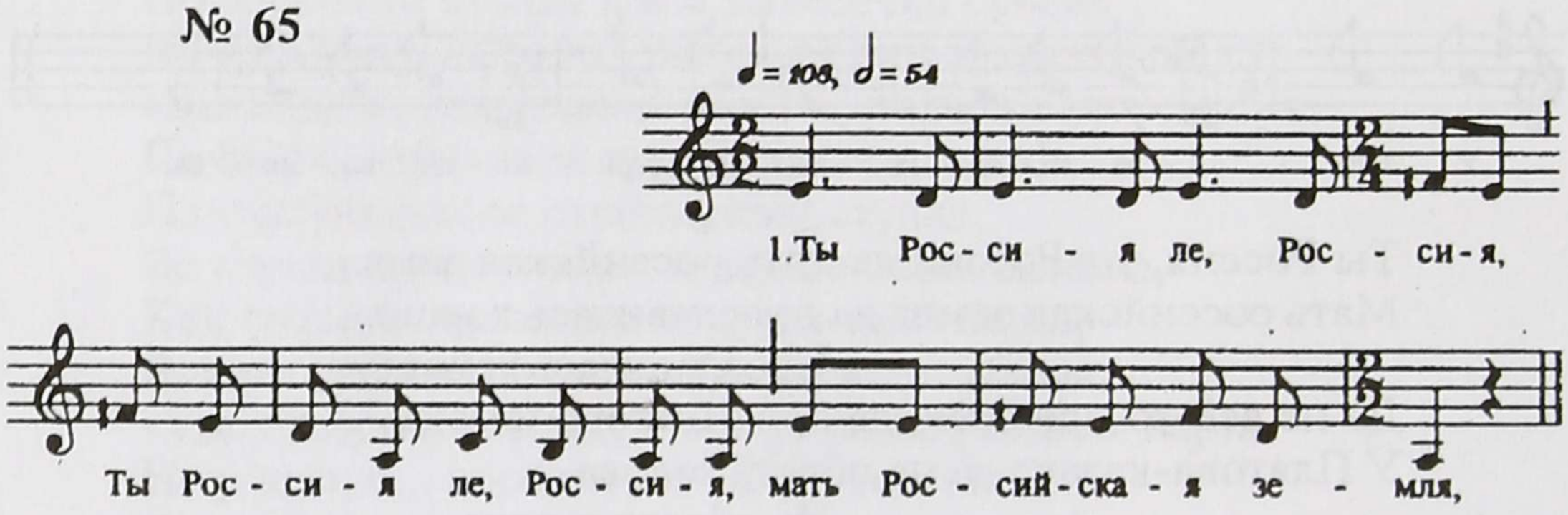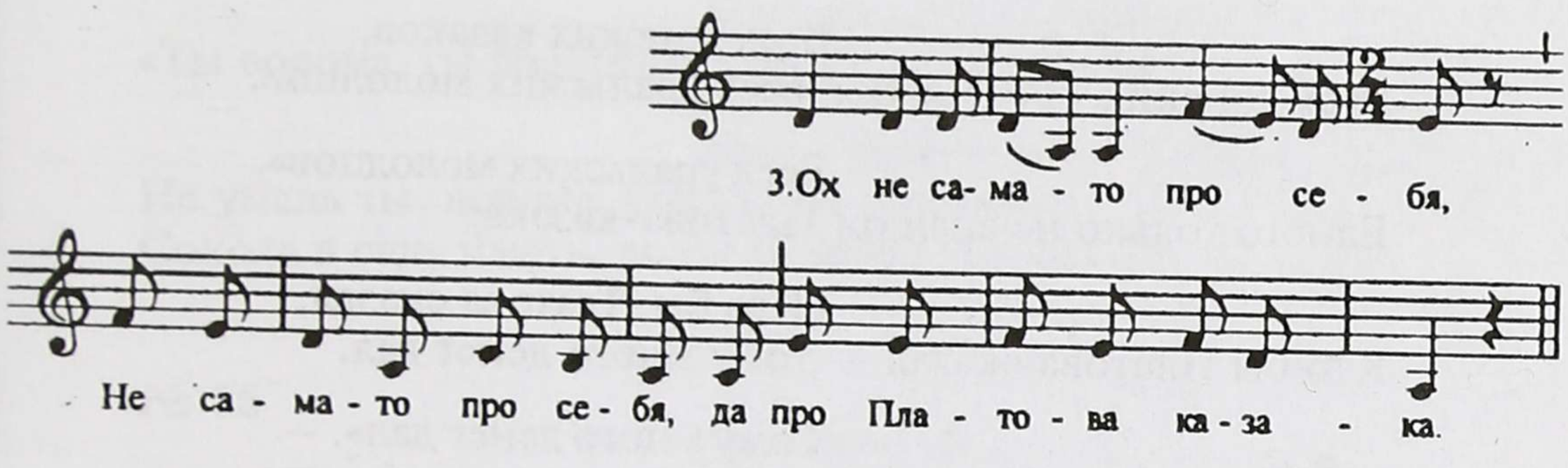

Ты Россия, ты Россия да мать российская земля,
Мать российская земля да прославилась хороша,
Прославилась хороша
Да не всё-то про себя, да про Платова-казака.
У Платова-казака да не обрета голова,
Не обрета голова,
Не обрета голова да не острижена борода,
Да Платов бороду обрил да ко французу в гости шел.
Да его француз не узнал да за купчишка почитал,
За купчишка почитал, за убраный стол садил
Да чаем-кофием поил, чаем-кофием поил
Да графин водки выносил, графин водки выносил,
Стакан водки наливал да сам Платову подавал.
Выпил рюмку, выпил две — зашумело в голове,
Зашумело в голове, загремело: «Скажи правду обо мне,
Скажи правду обо мне.

Я у вас в Москве бывал да енералов много знал,
Енералов и купцов, и всех донскиих казаков,
Да едного только не знаю Платова-казака;
Да кто бы Платова сказал, да тому Платов (сумму) дал».
«Вам на что сумму держать, можно так его узнать».
У француза дочь Ирина таки речи говорила,
Таки речи говорила
Она с новоёй горенки: «Есть партретик показать».
Он партретик вынимал да на дубо(во)й стол бросал,
Он на дубовой стол бросал да и(з) горёнки убежал,
На крылечко выбегал да громким голосом кричал,
Громким голосом кричал:
«Уж вы слуги, мои слуги, слуги верные мои!
Да приведи (те) мне коня да золотые стремена,
Золотые стремена».
Да под окошечко поехал, громким голосом скрычал:
«Ты ворона, ворона, ты французская свинья!
Да не умела ты, ворона, ясна сокола имать,
Ясна сокола имать,
Ясна сокола да и Платова-казака».

№ 65

Ты Россия ле, Россия,
Ты Россия ле, Россия, мать российская земля.

Ой мать российская земля,
Прославилась хороша, да не сама-то про себя,

Ох не сама-то про себя,
Не сама-то про себя, да про Платова-казака.

Ой про Платова-казака.
У Платова казака да необрита борода.

Ой необрита борода ой,
Необрита борода да нестрижены волоса.

Нестрижены волоса.
Платов бороду обрил, да потом волосы остриг.

Потом волосы остриг,
Потом волосы остриг да, ко французу в гости шел.

Его француз не признал да,
За купчика почитал да, стакан водки наливал.

Стакан водки наливал,
Стакан водки наливал да, он Платову подавал.

Он Платову подавал,
Выпил рюмку, выпил две да, зашумело в голове.

Зашумело в голове,
Зашумело, загремело: «Скажи сущу правду мне.

Скажи сущу правду мне,
Я у вас-то в России много раз в Москве бывал.

Много раз в Москве бывал,
Много раз в Москве бывал да, генералов много знал.

Генералов много знал,
Генералов, и купцов, и всех донских казаков.

Всех донских казаков,
Всех донских, гребенских, всех уральских молодцов.

Всех уральских молодцов».
Едного только не знал он Платова-казака.

«Кто бы Платова сказал,
Кто бы Платова сказал — тому много денег дал.

Тому много денег дал». —
«Как на что казну терять да, можно так его сказать:
Один волос, один возраст, поглядит-ко на меня.

Ох посмотр*и*т-ко на меня,
Посмотр*и*т-ко на меня, да как на брата моего.

Ох как на брата моего,
Как на брата моего да, на Платова-казака.

Ох на Платова-казака».
У француза дочь Парижа таки речи говорила.

Ох таки речи говорила:
«Уж ты купчик, мой голубчик, покажи-ка твой портрет.

Покажи-ка твой портрет».
Во карман руки совал, он портретик доставал.

Он портретик доставал ой,
Вот портретик доставал да на дубовый стол бросал.

Ой на дубовый стол метал ой,
На дубовый стол метал, да из палат он побегал.

Из палат он побегал,
Из палат он побегал да звонким голосом вскричал:
«Вы, ура, ура, ребята, все донские казаки!

Ой все донские казаки,
Вы ведите коня да под Платова-казака.

Ой под Платова-казака».
На коня Платов садился, как соколик полетел.

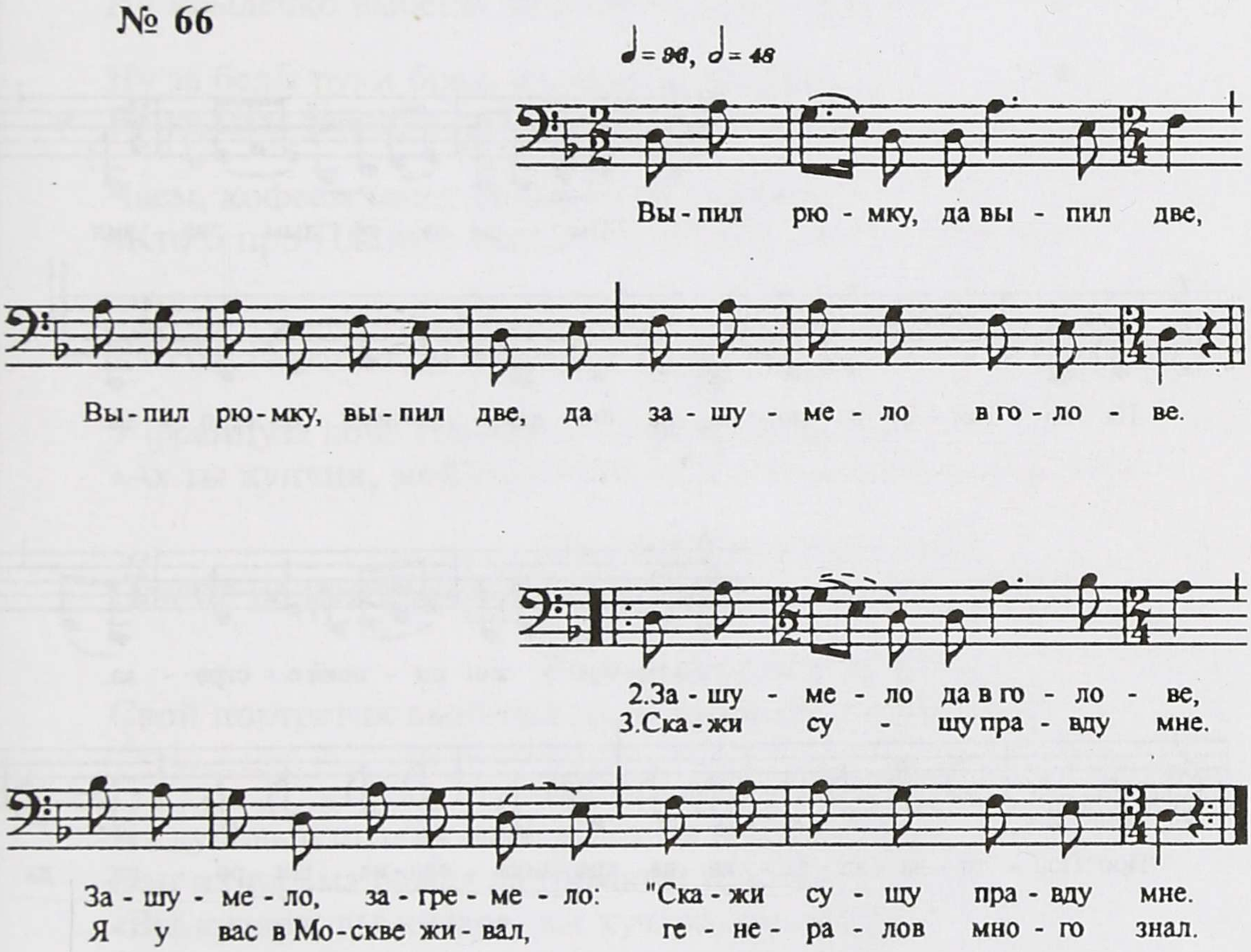
Ой как соколик полетел,
Кругом города объехал, к окошечку приезжал.

Ой к окошечку приезжал,
К окошечку приезжал, он надсмешку надсмеял.

Он надсмешку надсмеял:
«Ты ворона, ты ворона, б... французская свинья!

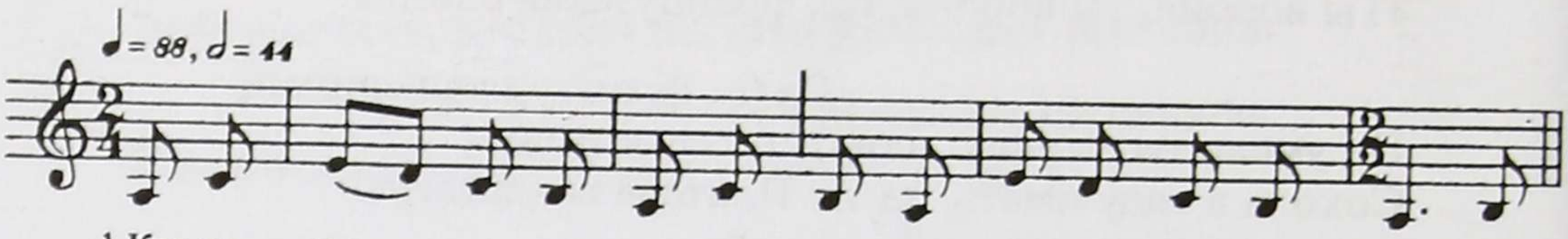
Ох б... французская свинья,
Не умела ты, ворона, сокола в саду имать,
Сокола в саду имать, да ты Платова сохватать».
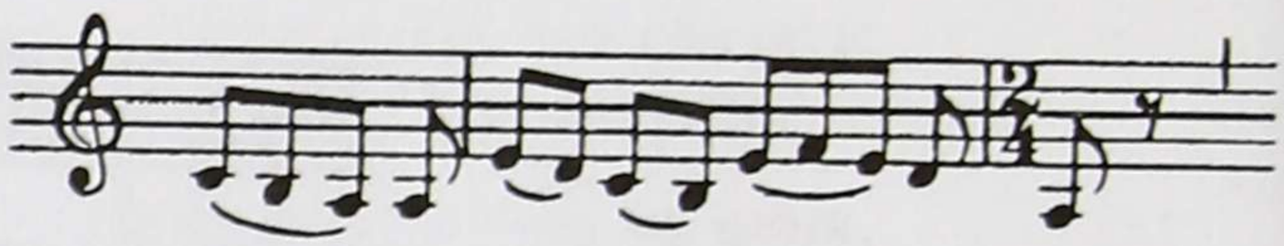
№ 66
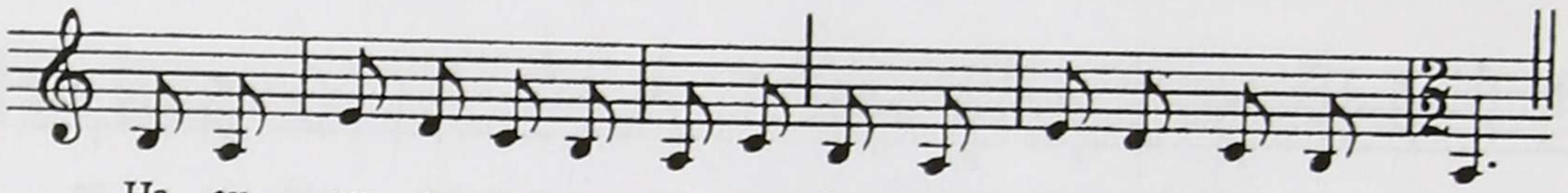

Выпил рюмку, да выпил две,
Выпил рюмку, выпил две, да зашумело в голове.
Зашумело да в голове,
Зашумело, загремело: «Скажи сущу правду мне.
Скажи сущу правду мне.
Я у вас в Москве живал, генералов много знал,
Генералов и купцов,
Генералов, и купцов, и всех донских казаков.
Всех донских казаков,
Одного только не знал я Платова-казака,
Я Платова-казака.
Кто б про Платова сказал — тому б много казны дал».
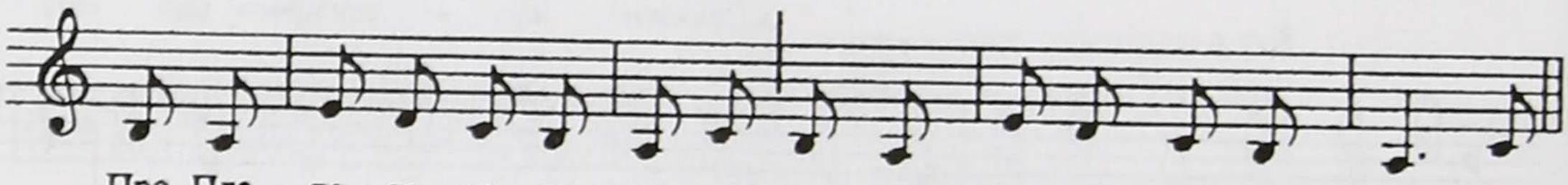
№ 67

Как казак-от палил, дак выше лесу дым валил, дак

Выше лесу дым валил
На синие на моря, на Филиппински острова.

На Филиппински острова.
Про Платова-казака да прошла слава широка, да

Прошла слава широка.
У Платова-казака да небритая борода, да

Небритая борода,
Небритая борода, да нестрижоны волоса.

Платов бороду обрил и волоса свои остриг,
Волоса свои остриг да ко французу в гости шел, да

Ко французу в гости шел.
Француз Платова не признал да за купчишка почитал, ах

За купчишка почитал, на крылечко выбегал,
На крылечко выбегал да за белы руки брал, ах

Ну за белы руки брал, во палаты заводил,
Во палаты заводил да чаем, кофеем поил.

Чаем, кофеем поил да таки речи говорил:
«Кто б про Платова сказал, тому бы я много злата дал.

Тому бы я много злата дал,
Кто бы Платова привел, да у живого кожу снял».

У француза дочь Парижа таки речи говорила:
«Ах ты купчик, мой голубчик, покажи-ка свой портрет, да

Покажи-ка свой портрет».
Платов на ножечки вставал, да во карман руки совал, эх

Во карман руки совал, да
Свой портретик вынимал да на дубовый столик клал.

На дубовый столик клал,
На дубовый столик клал и вот из терема бежал,
Вон из терема бежал да громким голосом кричал:
«Вы кучара, вы кучара, вы кучара, ямщики,
Вы кучара, ямщики, да подведите мне коня».
На коня Платов садился, да в чисто поле погонил.
В чисто поле погонил, да сам француза он бранил:
«Ты ворона, ты ворона, ты французская с[в]иня!
Не умела ты, ворона, в поле сокола поймать,
Крылья-перья оборвать, да буйну головушку снять».

№ 68

У Платова-казака не стрижона голова,
Не стрижоны волоса,
Не стрижоны волоса,
Небритая борода.

Чрез закон Платов ступил,
Себе бороду обрил,
Себе бороду обрил,
У француза в гостях был.
Француз не узнал —
За купця принимал.
«Выпей рюмку, выпей две,
Мне всю правду скажи
Про Платова-казака».
«У Платова-казака
Не стрижоны волоса,
Не стрижоны волоса,
Небритая борода».
Из Парижа убежал
И во рожок заиграл:
«Не умела, ворона-дура,
Соловья в клетке имать,
А умей-разумей,
В чистом поле, ширине!»
А француза догонял,
Все копыта обломал.

№ 69

Уж ты матушка Россия, святорусская земля,
Много славы приняла про Платóва-казака.
У Платóва-казака да небритая борода,
На груди-то всё кресты да позументы золоты.
Через закон переступил, свою бороду обрил.
Да к французу подоспел, да его француз не узнал:
За купчика принимал, за дубовый стол садил,
Да скатерть браную стлал.
«Выпей рюмку, выпей две, расскажи всю правду мне.
Я у вас в Москве бывал, всех купчиков признавал,
Одного только не знаю я Платóва-казака.
Кабы я его узнал, так со живого кожу снял,
А кабы кто про него сказал, так тому много казны дал».
У француза дочь Орина с отцом речи говорила:
«Почему казну терять, можно так его признать.
Уж ты купчик, ты голубчик, покажи-ка свой портрет».
Во карман руку совал да два портрета вынимал.
Вон из терема бежал, все заставы приломал
Да зычным голосом кричал:

«Уж вы братцы мои, вы донские казаки.
Приготовьте-ка коня про Платóва-казака».
Он стремя на ногу совал да на коня скорей скакал,
Под окошко заезжал, зычным голосом кричал:
«Уж ты черная ворона, ты французская сова;
Не успела ты, сова, имать ясна соколá,
Ты Платóва-казака».

№ 70

У Платова-казака небритая борода, не стрижены волоса.
Чрез закон Платон вступил, усы-бороду обрил,
Усы-бороду обрил, у француза в гостях был.
Его француз не узнал, за купца его считал,
За купца его считал, за дубовый стол сажал.
За дубовый стол сажал, графин водки наливал,
Графин водки наливал, на подносе подавал.
На подносе подносил, его милости просил:
«Уж ты купчик, мой голубчик, выпей рюмку, выпей две,
Скажи правду всеё мне про Платова-казака.
Если б его узнал, то с живого шкуру снял.
А кто бы мне указал, то казны бы много дал».
«Чем казну терять, его так можно узнать.
Да гляди-ка на меня, как Платов, так и я,
Мы с ним матери одной, только крови не одной».
Услыхала дочь Арина, из чулана выходила,
С купцом речи говорила:
«Уж ты купчик, мой голубчик, покажи-ка свой патрет».
Патретик вынимал, на дубовый стол бросал,
На дубовый стол бросал, а сам из палаты бежал,
Он по лестнице бежал, сам записочки бросал,
Выбегал на крыльцо, шибко-громко засвистал:
«Уж вы други, мои други, донские казаки,
Подайте мне коня под Платова-казака!».
На коня Платов садился, точно сокол возвился.
Он со дворика съезжал и с усмешечкой сказал:
«Ты ворона, ты ворона, загуменная карга,
Не сумела ты, ворона, ясна сокола держать,
Яснóго соколá, Платова-казака.
Ты умей, ворона, по чисту полю летать,
По чисту полю летать, с казаками воевать,
Про тебя, ворона, блины напечены,
Блины напечены, пушки заряжены».

№ 71

У Платова-казака небритая голова.
Люли, люли да небритая голова!
Да усы, волосы обрел,
Да у француза в гостях был.
Как француз-то не узнал,
Да за купчика принимал,
За купчика принимал,
Да за белы ручки брал,
В нову горенку вводил,
Да за дубовый стол садил.
Да стал он потчевати,
Да гостя спрашивати:
«Да уж ты купчик, купчик,
Ты скажися, чей откуль?».
«Да я из матушки Москвы
Да из немецкой слободы».
«Уж я всех-то там знавал
Да я мешшанов и купцов,
Одного только не знал
Да я Платова-казака.
Кабы я его узнал,
То с живого шкуру снял».
«Да Платов-то ведь казак
Да волосам со мной равен,
Волосам со мной равен,
Точно братец мне родной».
Да у француза дочь Арина
Из горни́цы выходила,
Из горни́цы выходила
Да со Платовым говорила,
«Да уж ты купчик, ты голубчик,
Покажи-ка свой билет».
Да все Платов-то сдогадался,
На крылечко выбегал,
На крылечко выбегал
Да шибко-громко прокрычал:
«Да уж вы слуги мои,
Слуги верные мои.
Да вы подайте, мои слуги,
Коня во́роного,

Коня во́роного
Да кругом кованного».
На коня Платов садилса,
Сам в просмешку говорил:
«Да ты ворона, ты ворона
Да загувенная карга.
Да не умела ты, ворона,
Ясна сокола поймать,
Ясна сокола поймать
Да крылья, перья ощипать».
Да из-за лесу, из-за гор
Подымалась туча-гром,
Подымалась туча-гром,
Да со таким большим дождем,
Да со таким большим дождем.
Да Платов с армией валит,
Да Платов с армией валит —
Земля с порохом горит.

№ 72

Вот Платов-казак да он бороду обрил и к французу, к управителю в гости подкатил, а сам назывался купчиком-голубчиком — об русскоем войске поговорить — как французу лучше взять Руссею. Прислуга или жена французова имеется, она говорит:

«Да это не купчик, не голубчик, это есть русский казак Платов». А француз как раз Платова ловил: «Пожалуйте партрет!». А Платов на лошадь-от вскочил, его поймать не могут. Поехал и говорит:

«Ты ворона, ты ворона,
Ты французский попугай,
Не умела ты, ворона,
Имать сокола в хоромы,
А теперь тебе, сова,
Не видать сокола!».

Француз-то тут сказал: «А Платов-то ведь через закон-от ведь ступил». А Платов ведь глядел через окно-то, ступил:

«Платов бороду обрил,
Ко мне в гости подкатил».
Начали его палить,
Только дым столбом стоит,

А не дымочку видать
Да с горы на горы скакать,
С перелеты соколик перелетывает,
Тут ведь с горы на гору поскакивает,
А француз ложился сам да во великий гроб,
А француз ложился да сам-то песни поет:
«Пропадут-то наши ласточки
Без погребения в земли.
Наши солдаты не погребенные в земли!».
А он поехал тут с русские земли!
Наши тут гнали и били,
Наши гнали, колотили
И кричали все: «ура».
«Ура» кричали, его ведь прогоняли,
А совсем ведь да разорили,
А его прогнали ведь в свой город Париж.

№ 73

В двенадцатом было году,
Шел француз на матушку Москву
И шел на Россеюшку на всю.
Мать Россия, мать наша Россия,
Мать Российская наша земля,
Про тебя ли, мать Россия,
Широка славушка шла.
Широко и далеко,
Как про белого царя,
Про белого про царя,
Как про Платова-казака.
У Платова-казака
Не стрижены волоса,
Не стрижены волоски
И небретая борода.
Через закон Платов вступил,
Бритву-ножницы купил,
Волосы свои обстриг
И себе бороду обрел.
И ко французу в гости вшел.
Француз его не узнал,
За купчика почитал,

Его честно принимал,
И за тучные ручки брал,
И за убраной стол сажал,
И вина чару наливал:
«Пей-ко рюмку, пей-ко две,
Я налью тебе еще,
Я налью тебе еще.
Скажи правду сущу мне,
Кто начальником в Москве?
Сколько раз в Москве бывал,
Всех начальников знавал,
Одного я не знавал
Только Платова-казака,
Кто б про Платова сказал,
Так тому много злата дал».
«Ни на что злато терять,
Можно так его узнать:
Платов ростом не великий,
Словно братец родной мой,
Его личико и румянец
Будто брата моего,
Но только карчавые волоса
Отличают от меня».
Французова дочерина
Из палаты выходила,
Купца милости спросила:
«Ай же купчик-голубчик,
Покажи-ка свой портрет».
Платов портретик вынимал
И на убраной стол кладал,
На убраной стол кладал,
Из палаты вон бежал,
Из палаты вон бежал,
Громким голосом вскричал:
«Ох ты старо-древняя ворона,
Стародавняя кочерга,
Не сумела ты, ворона,
Щипать сокола в хоромах,
Не видать тебе, ворона, больше меня,
Как Платова-казака».

№ 74

Мать Россия, мать Россия,
Мать российская земля,
Мать российская земля,
Прославилась хороша.
Знать она не про себя,
А про Платова-казака.
У Платова-казака
Была не обрета борода,
Не обрета борода,
Не стрижены волоса.
Платов бороду обрел
Да ко французу в гости шел.
Француз его не признал,
За купчика почитал,
За убранный стол сажал,
За убранный стол садил,
Чаем-кофеем поил,
Чаем-кофеем поил,
Стакан рому подносил,
Стакан рому подносил,
Из речей сам говорил:
«Уж ты купчик, мой голубчик,
Выпей, выкушай до дна».
Выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове.
Зашумело, загремело:
«Скажи сущу правду мне:
Я у вас в Москве бывал
Да генералов много знал.
Генералов и купцов,
Всех донских казаков.
Одного только не знаю
Я Платова-казака.
Кто бы Платова сказал —
Тому много казны дал».
«Не нужно казны терять —
Можно так его сказать.
Его волосы с кудрями,
Как у брата моего,

Лицом белой, брови черны
Вы глядите на меня».
У француза дочь Парижа —
Догадалася она,
Догадалася она,
С купцом речи говорит:
«Ах ты купчик, мой голубчик,
Покажи-ка свой портрет».
Платов на ноги скакал,
Во карман руки совал,
Свой портретик вынимал,
Свой портретик вынимал,
На убранный стол метал,
На убранный стол метал,
Из палат вон побежал,
Зычным голосом кричал:
«Вот ура, ура, ура,
Ай уральски казаки,
Вы уральски казаки,
Мне подай скоро коня
Да под Платова-казака!».
Конь готовый под его,
На коня скоро садился,
И скоро в поле уезжал,
И скоро в поле уезжал,
Поворот себе давал,
Поворот себе давал,
Да под окошко подъезжал,
Отсмешочки отсмеял:
«Ты ворона пустопера,
Ты французская свинья!
Захотела ты, ворона,
Сокола в поле имать,
А не умела ты, ворона,
Во своих палатах
Платова сохватить».
На коне Платов скакал,
В три ускока версту брал,
Из ноздрей-то дым столбом,
Из ушей искры пылом.

№ 75

Мать Россия, мать Россия,
Мать российская земля!
Ай люли, люли, люли,
Мать российская земля.
Про тебя ли, мать Россия,
Худа славушка прошла,
Худа славушка прошла
Вплоть до белого царя,
Вплоть до белого царя,
Про Платова-казака,
Про Платова-казака.
Царь Платова полюбил,
Ему бороду обрил,
Ему бороду обрил,
Купцом его снарядил,
Купцом его снарядил,
Ко французу проводил.
Француз его не узнал,
На крылечко выбегал,
Купцом его величал,
За белые руки брал.
За дубовый стол сажал,
Стакан рому наливал.
«Уж ты купчик, мой голубчик,
Раскупеческий сынок!
Возьми бочку серебра,
Мне Платова укажи,
Возьми бочку, возьми две,
Скажи правду всеё мне».
«Нам на что казну терять,
Можно так его узнать:
У Платова-казака
Обритая борода,
Обритая борода,
Не спущены волоса.
Кудерушки у него,
Как у братца моего».
Тут француз уж догадался,
Громким голосом скричал:
«Уж вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои!

Вы держите атамана,
Словно в клетке соловья!»
А Платов-от испугался,
На крылечко выбегал,
На крылечко выбегал,
Громким голосом скричал:
«Вы казаки, вы казаки,
Вы донские ухачи!
Вы подайте-ка, казаки,
Коня вороного мне!
Коня вороного,
Кругом кованого!».
На коня-то он садился,
Словно сокол вознесся,
На коне-то поскакал,
Три словечушка сказал:
«Ты ворона, ты ворона,
Загуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола поймать,
Ясна сокола поймать,
Крылья-перья ощипать».

№ 76

Платов армию сбирает,
В чисто поле доезжает.
Платов армию провел,
Ко французу в гости шел.
Француз Платого не узнал,
За купчика признавал,
Стакан водки наливал:
«Уж ты купчик, наш голубчик,
Выпей рюмку, выпей две,
Всю мне правду расскажи,
Всю мне правду расскажи
И Платого покажи.
Кто Платого показал —
Сорок тысяч казны дал». —
«А тут на что казны терять —
Можно так Платого знать:
Словно брат-то мне родной,
Отца-матери одной».

Дочь француза выходила,
Про патрет купца спросила:
«Уж вы, купчик, наш голубчик...»
Он патретик доставал,
В белы руки подавал,
В белы руки подавал,
Из палат прочь побежал,
Своей армии вскричал:
«Уж вы конница, драгуны,
Вы подайте мне коня!»
На коня Платов садился,
Словно соловей обвился,
В чисто поле выезжал,
Всего француза изругал:
«Ты, француз, француз, ворона,
Зашумленная карга,
Не умел, француз-ворона,
Ловить сокола в хоромах,
Приезжай, француз-ворона,
В чисто поле воевать
И Платого повидать!
В чисто поле воевать
И Платого повидать!»
Платов по полю гуляет
На добром своем коне,
А француза выжидает
Он на битву во поле.
«Приезжай, француз-ворона,
Я сейчас-то погляжу,
Растреплю, француз-ворона,
Крылья-перья я твои,
Подстрелю, француз-ворона,
Тебя брошу под забор!»

№ 77

Мать Рассея, то рассейская земля,
Широко слава прошла
И-и-ех-ха-ха,
За тебя ли, мать Рассея,
И-и-ех-ха-ха,
Плоть до белого царя,
До Платова-казака,

И-и-ех-ха-ха.
Не в закон Платов вступил,
Себе бороду обрил.
И-и-ех-ха-ха.
Себе бороду обрил,
У французов в гостях был.
И-и-ех-ха-ха.
Француз гостя не узнал,
За купчика принимал,
И-и-ех-ха-ха.
«Ах ты купчик, мой голубчик,
Покажи портретик свой,
И-и-ех-ха-ха.
Ты отеческий сынок,
Покажи портретик свой».
И-и-ех-ха-ха.
Как портретик показал,
Сам и к двери поскакал,
И-и-ех-ха-ха.
А его дочка Катерина
Таки речи говорила:
И-и-ех-ха-ха.
«Ты ворона, ты ворона,
Ты французский попугай,
И-и-ех-ха-ха.
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола щипать,
И-и-ех-ха-ха.
А теперь тебе, ворона,
В ясны очи не видать!»
И-и-ех-ха-ха.
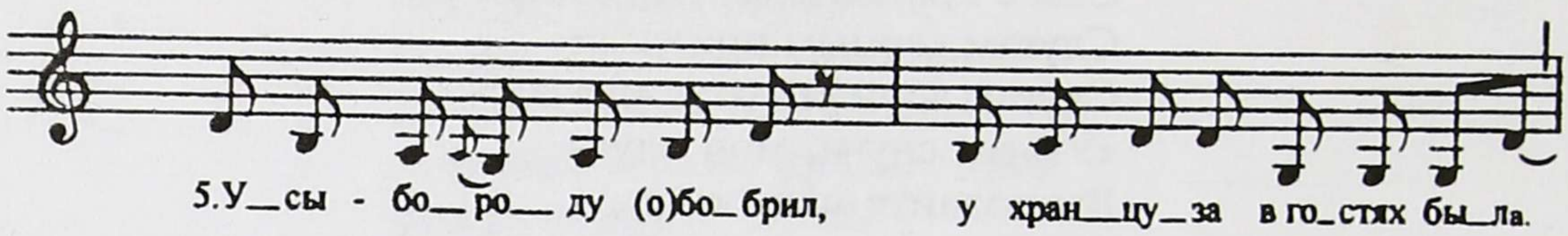
№ 78

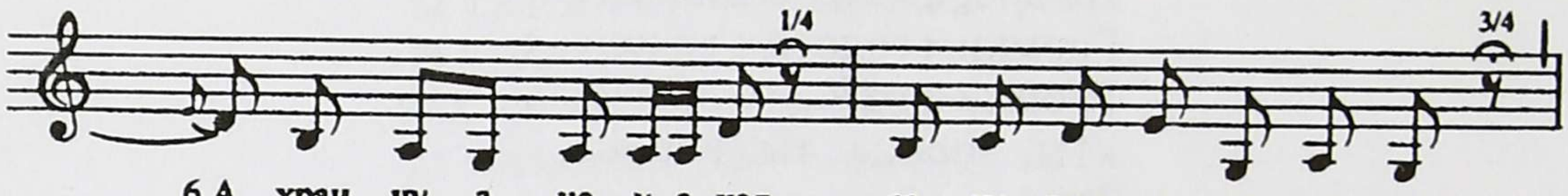
Ты Россия, ты Россия,
Россиюшка, Россия.
Россиюшка, ты, Россия.
Про тебя, моя Россия,
Далеко слава прошла.
Ой, далеко слава ты прошла.
Ой, далеко слава ты прошла
Про Платова-казака.
Ой, про Платова-то казака.

Платов бороду обрил-то,
Ко французу-то в гости шел.
Ко французу в гости шел,
А француз-то не признал его,
За купчишку почитал.
Ой, за купчишку-то почитал,
За купчишку, за мальчишку,
За простого казака.
Ой, за простого казака.
За убранный стол садил-та,
Чаем-кофием поил,
Ой, чаем-кофием поил.
Чаем-кофием поил,
Сладкой водкой угостил.
Ой, сладкой водочкой угостил.
Выпил рюмку, выпил две,
Зашумел-то в голове.
Зашумел-то в голове,
Зашумел-то — загремело.
(Значит стал он его спрашивать, француз-то):
«Скажи правду всю ты мне.
Ой, скажи правду всю ты мне,
Я у вас в Москве бывал,
Генералов много знал.
Ой, генералов я много знал,
Генералов и купцов,
Да всех донских я казаков,
Ой, всех донских я казаков.
Одного только не знал я,
Я Платова — казака».
(А теперь он будет отвечать):
«Платов личиком беленек,
Его русые волоса.
Его русые волоса,
Его русые волоса,
Не побрита борода.
Ой, не побрита борода».
Как Платов портрет вымал-то,
На дубовый стол кидал.
На дубовый стол кидал:
«Вы смотрите-ка на его,
Как на брата моего,
Ой, как на брата моего».
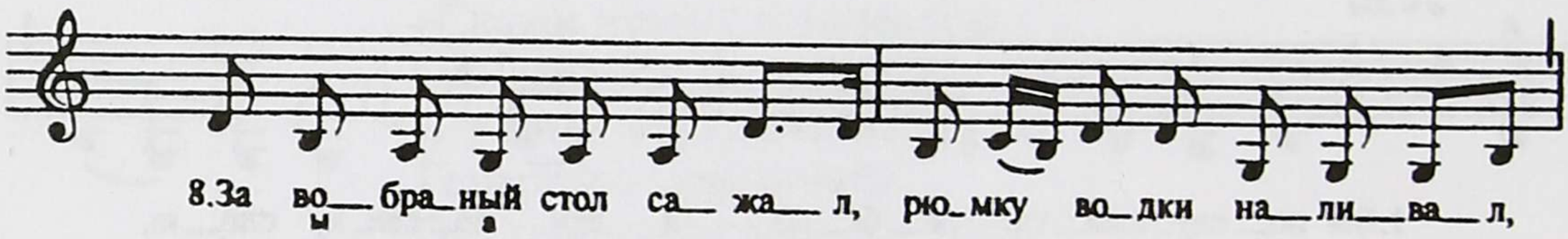
Сам с красна крыльца бежал-то,
Слугам верным приказал.
Слугам верным-то приказал:
«Уж вы слуги, мои слуги,
Вы подайте мого коня».
(Значит слуги были уже на ходу.)
На добра коня садился,
Громким голосом вскричал,
Громким голосом вскричал:
«Ты, ворона, ты, ворона,
Ты французская свинья.
Ой, ты французская свинья,
Не сумела ты ворона,
Сокола-то оттеребить,
Ой, сокола-то оттеребить.
Сокола оттеребить-то,
Ты Платова потребить».
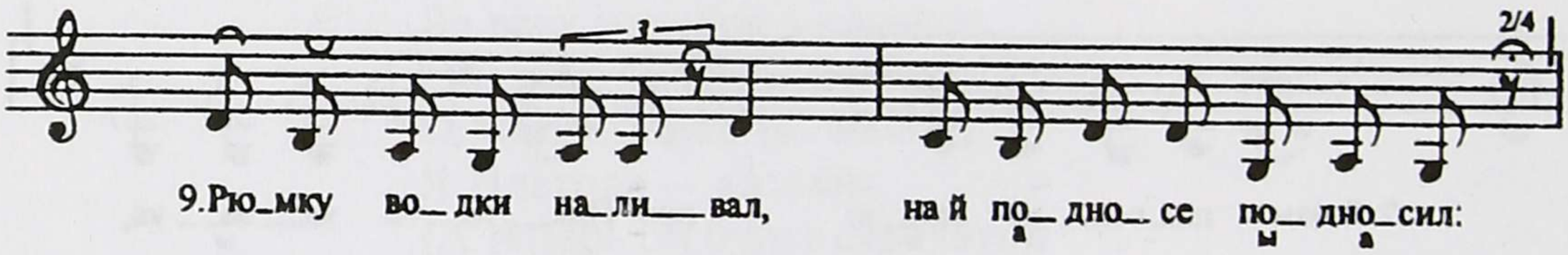
№ 79
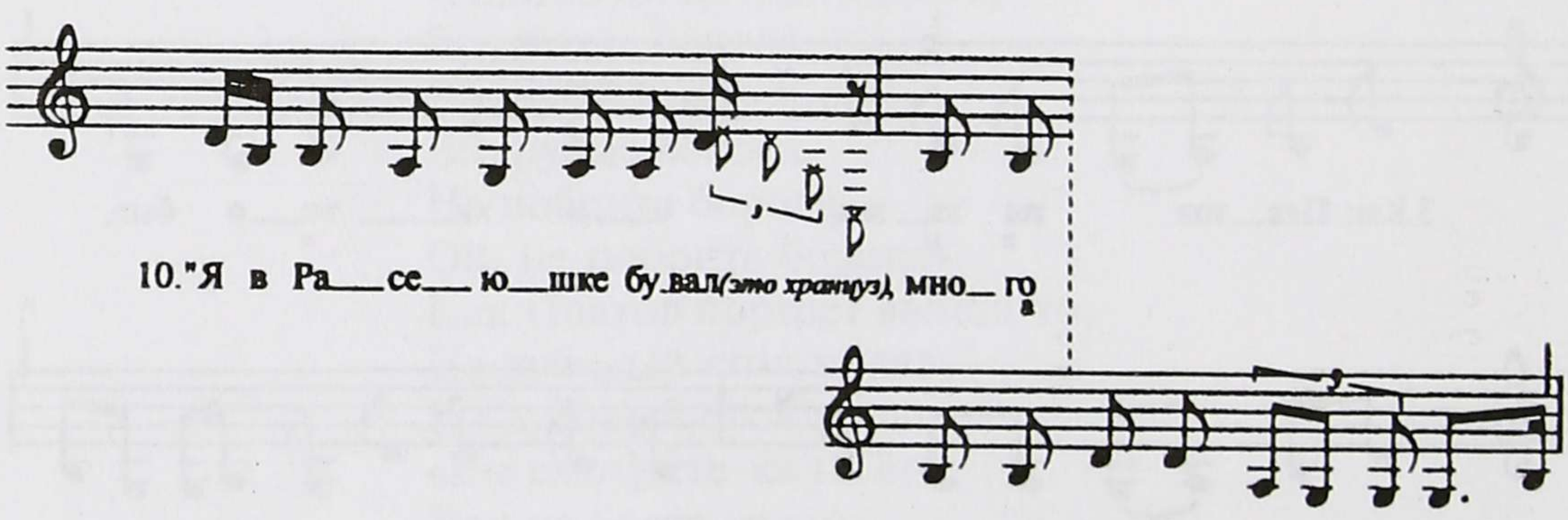

5.У_сы - бо_ро_ ду (о)бо_брил, у хран_цу_за в го_стях бы_ла.
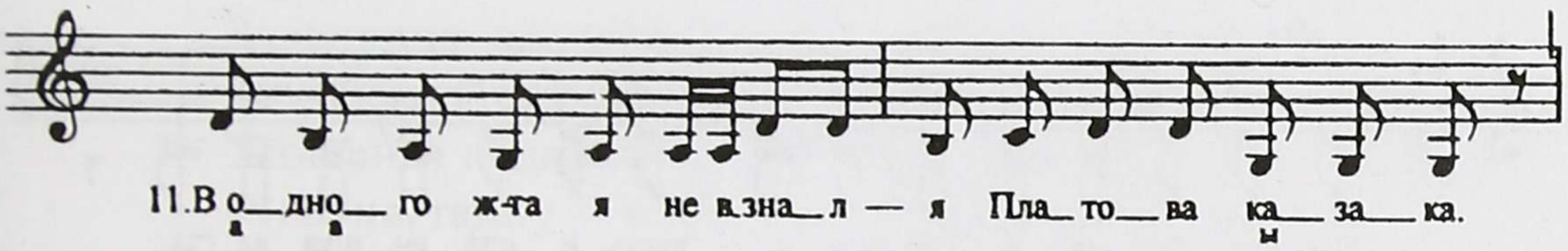

1/4
3/4
6.А хран_ цу_з не у_з_нал, за ку_пчи_ка по_ чи_тал,

7.За бе_ лы_я ру_ ки взял, за во_бра_ный стол са_ жа_ л,

8.За во_бра_ный стол са_ жа_ л, рю_мку во_дки на_ли_ва_ л,
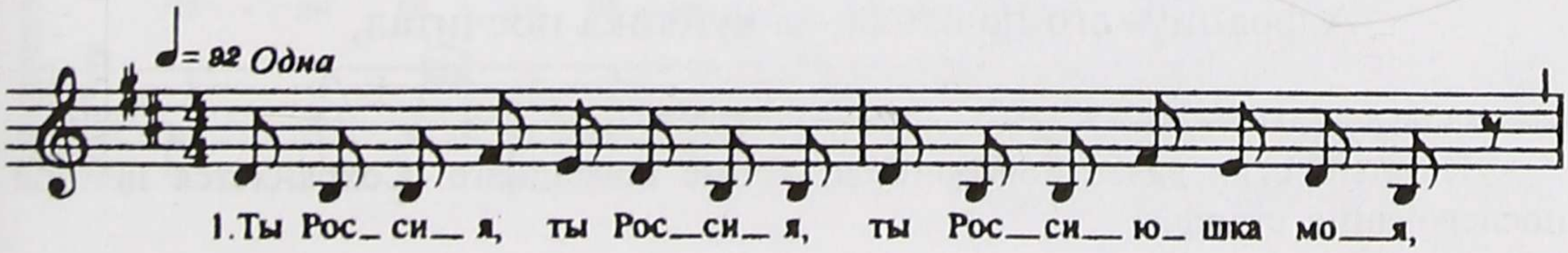

2/4
9.Рю_мку во_ дки на_ли_ вал, на й по_ дно_ се по_ дно_сил:
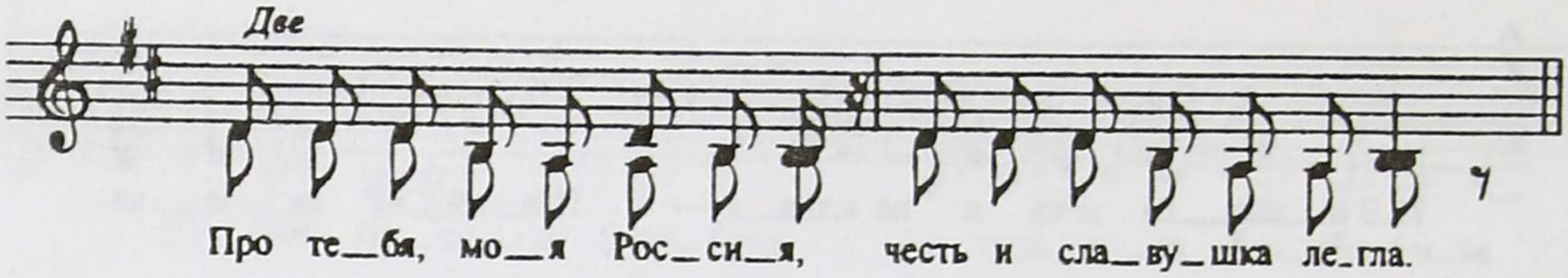

10."Я в Ра_ се_ ю_шке бу_вал(это хранцуз), мно_ го
ге_ не_ра_ лов у_з_ на_ ва_ л,
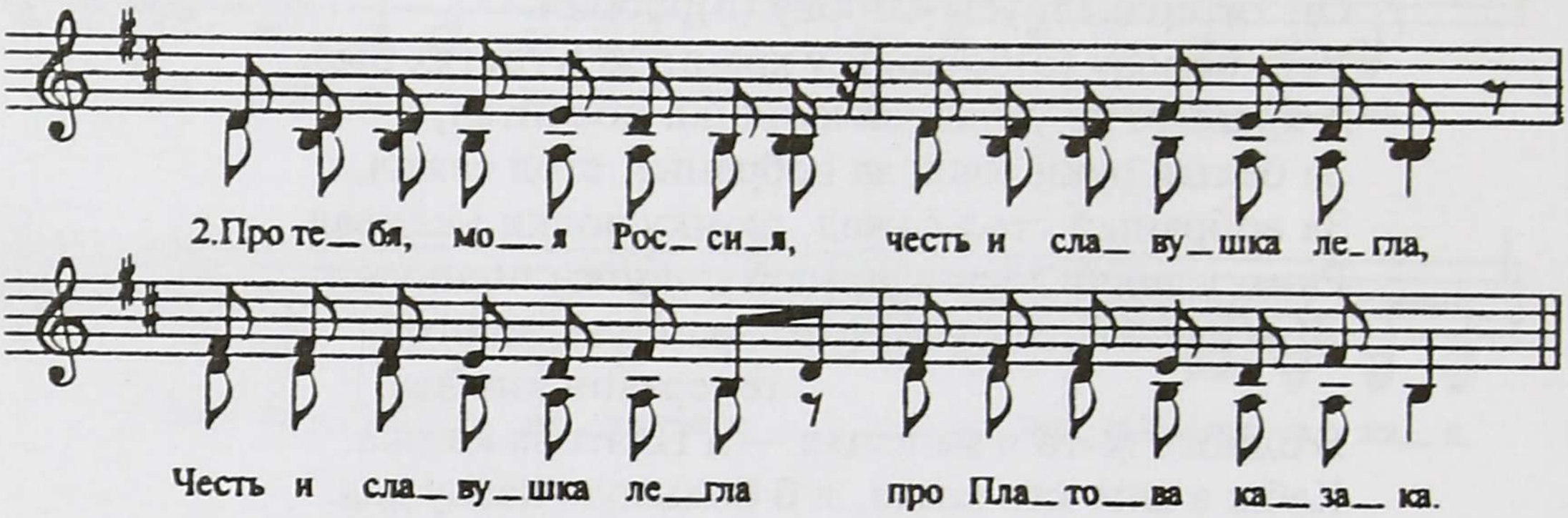

Вы послушайте, ребяты, я вам песенку спою,
Я вам песенку спою про Платова казака.
Как Платов же казак, он хитер был,
Он хитёр был, усы-бороду (о)бобрил,
Усы-бороду (о)бобрил, у хранцуза в гостях был.
А хранцуз не узнал, за купчика посчитал,
За белыя руки взял, за вобраный стол сажал,
За вобраный стол сажал, рюмку водки наливал,
Рюмку водки наливал, на й подносе подносил:
«Я в Расеюшке бувал (это хранцуз), много
генералов узнавал,
В одного ж-то я не взнал — я Платова казака.
Кабы а мне кто казал, я б большую казну дал,
Я б большую казну дал, а с казака шкуру драл».
«Ды на что казну терять, его так можно й узнать:
А походочка его, как у батюшки моево,
Поговорочка его, как у брата моево,
А в его бело лицо, как у сына моево».
А отечска дочь Арина с купцом речи говорила:
«Ах ты купчик молодой, покажи-ка свой портрет».
Ён портретик вынимал, сам с палатей выбегал,
Сам с палатей выбегал, громкам голосом кричал:
«Ах вы слуги, мои слуги, дайте ворона коня!»
На коня Платов садился, словно сокол узлетал,
А и сам же поехал ко хранцузу под вокно,
Ко хранцузу под вокно, ён хранцузу честь отдал,
Ён хранцузу честь отдал, ён вороною назвал:
«Ты ворона, ты ворона, загуменный грач!
Не взумела ты, ворона, в руках сокола сдержать!
Таперь милости просим в чисто поле погулять».

№ 80

Ты Россия, ты Россия, ты Россиюшка моя,
Про тебя, моя Россия, честь и славушка легла.

Про тебя, моя Россия, честь и славушка легла,
Честь и славушка легла про Платова-казака.

Честь и славушка легла про Платова-казака,
А в Платова-казака нестрижена голова.

А в Платова-казака нестрижена голова,
Нестрижена голова, небритая борода.

Нестрижена голова, небритая борода,
А Платов-то казак через закон перступил.

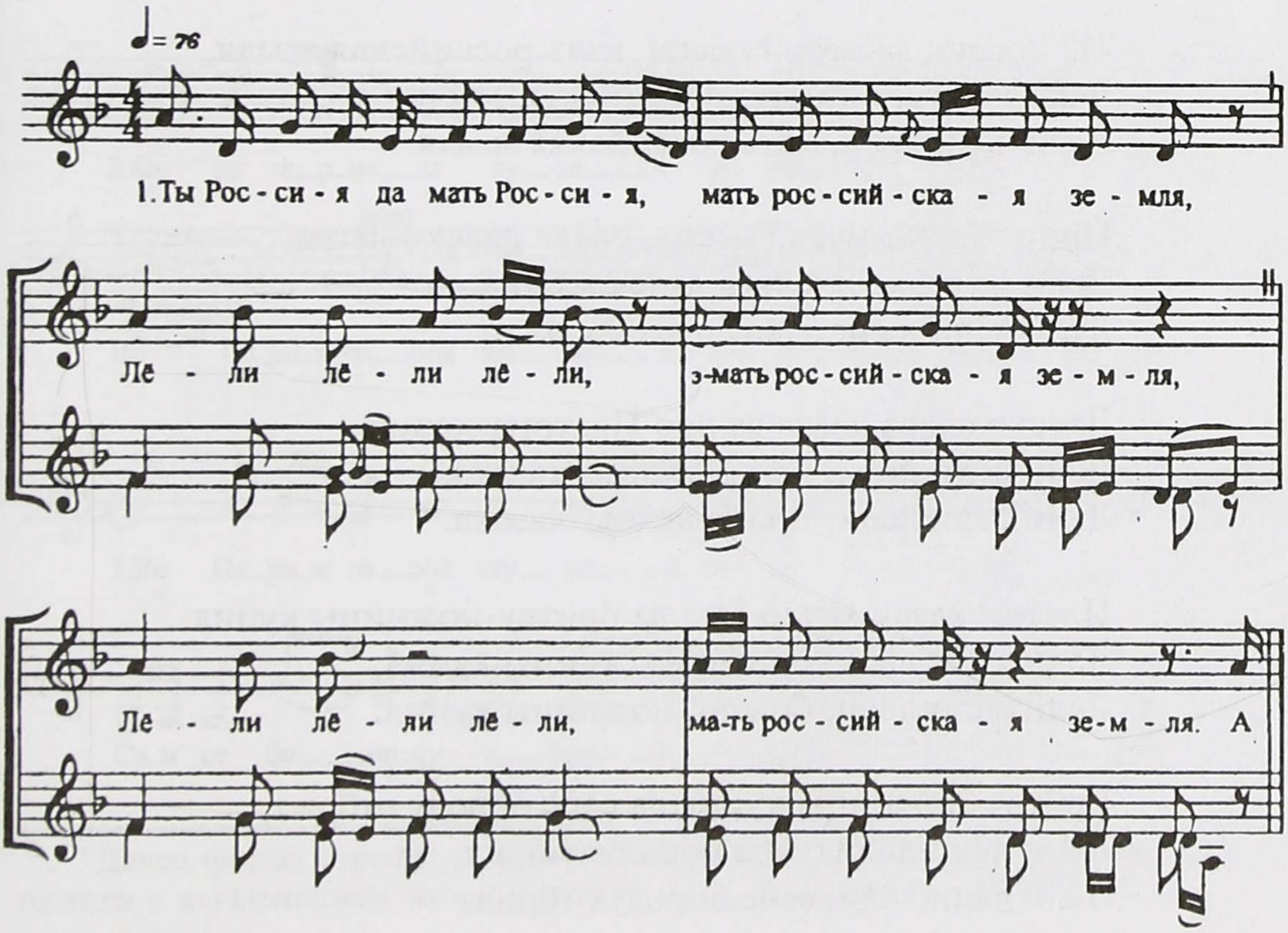
А Платов-то казак через закон перступил,
Через закон он перступил, себе бороду й обрил[1],
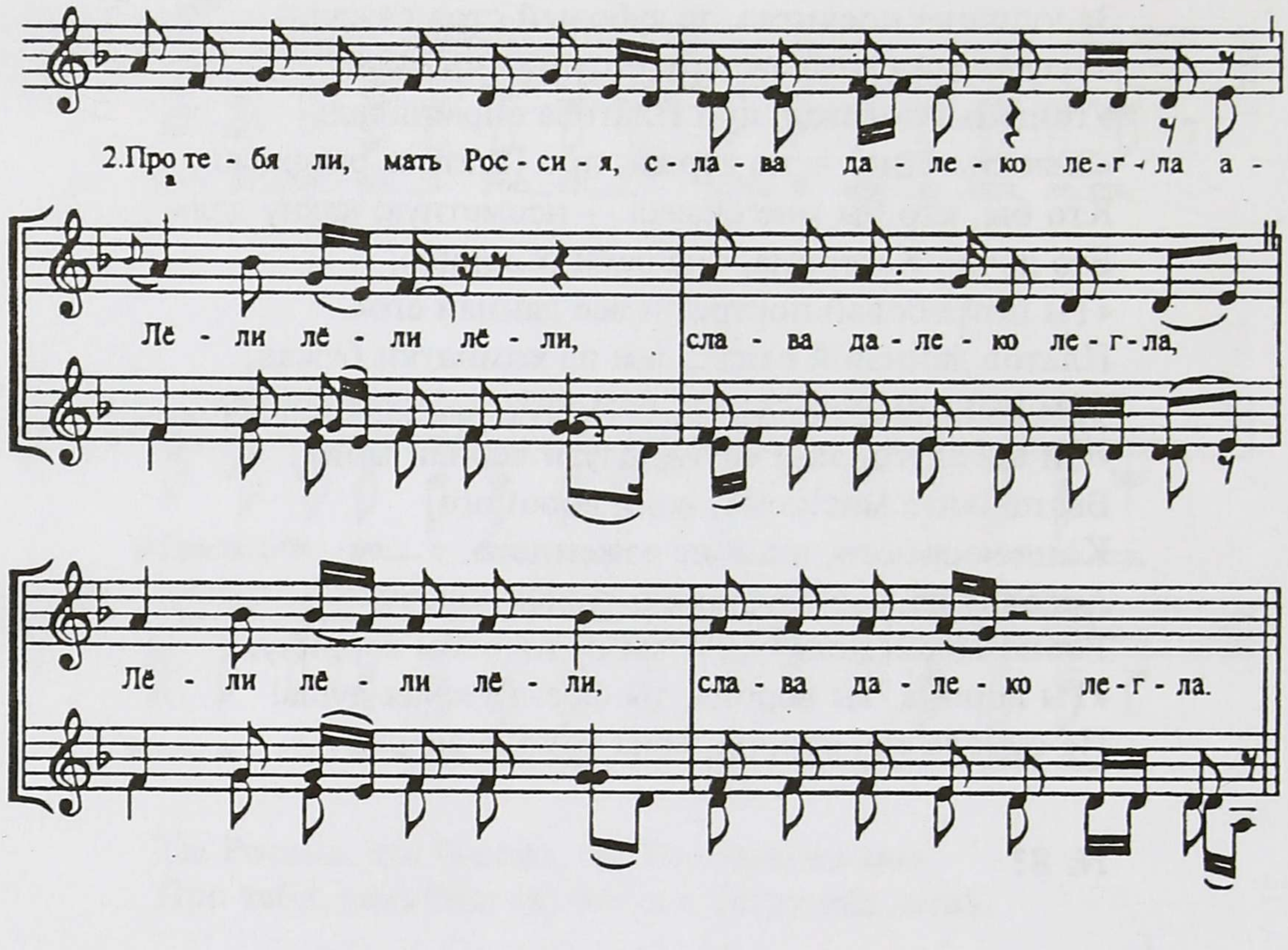
Себе бороду й обрил, а в француза в гостях был.
А француз его не взнал, за купчика посчитал,

[1] Каждый стих далее повторяется, кроме последнего. Сохраняется цепное последование строф.

За купчика посчитал, за дубовый стол сажал,
За дубовый стол сажал, угощенья подавал,
Угощенья подавал, про Платова спрашивал:
«Знаешь тайну — не держи, про Платова расскажи.
Кто бы, кто бы мне сказал — несметную казну дал».
Его дочка Катерина, она речи говорила:
«Ты потребовай портрет и все даннаи его».
Платов даннаи й отдал, сам из комнатки бежал,
Сам из комнатки бежал, громким голосом кричал:
«Ой вы слуги, мои слуги, слуги вернаи мои,
Вы подайте мне коня, коня вороного,
Коня вороного, шо й не езженного.
А я сяду да й поеду, ровно сокол полечу,
Ровно сокол полечу, громким голосом вскричу:
«Ты ворона, ты ворона, ты французская душа!
Не сумела ты, ворона, ясна сокола вдержать».

№ 81

Ты Россия да мать Россия, мать российская земля,
Лели лёли лёли, мать российская земля,
Лели лёли лёли, мать российская земля.

Про тебя ли, мать Россия, слава далеко легла,
Лели лёли лёли, слава далеко легла,
Лели лёли лёли, слава далеко легла.
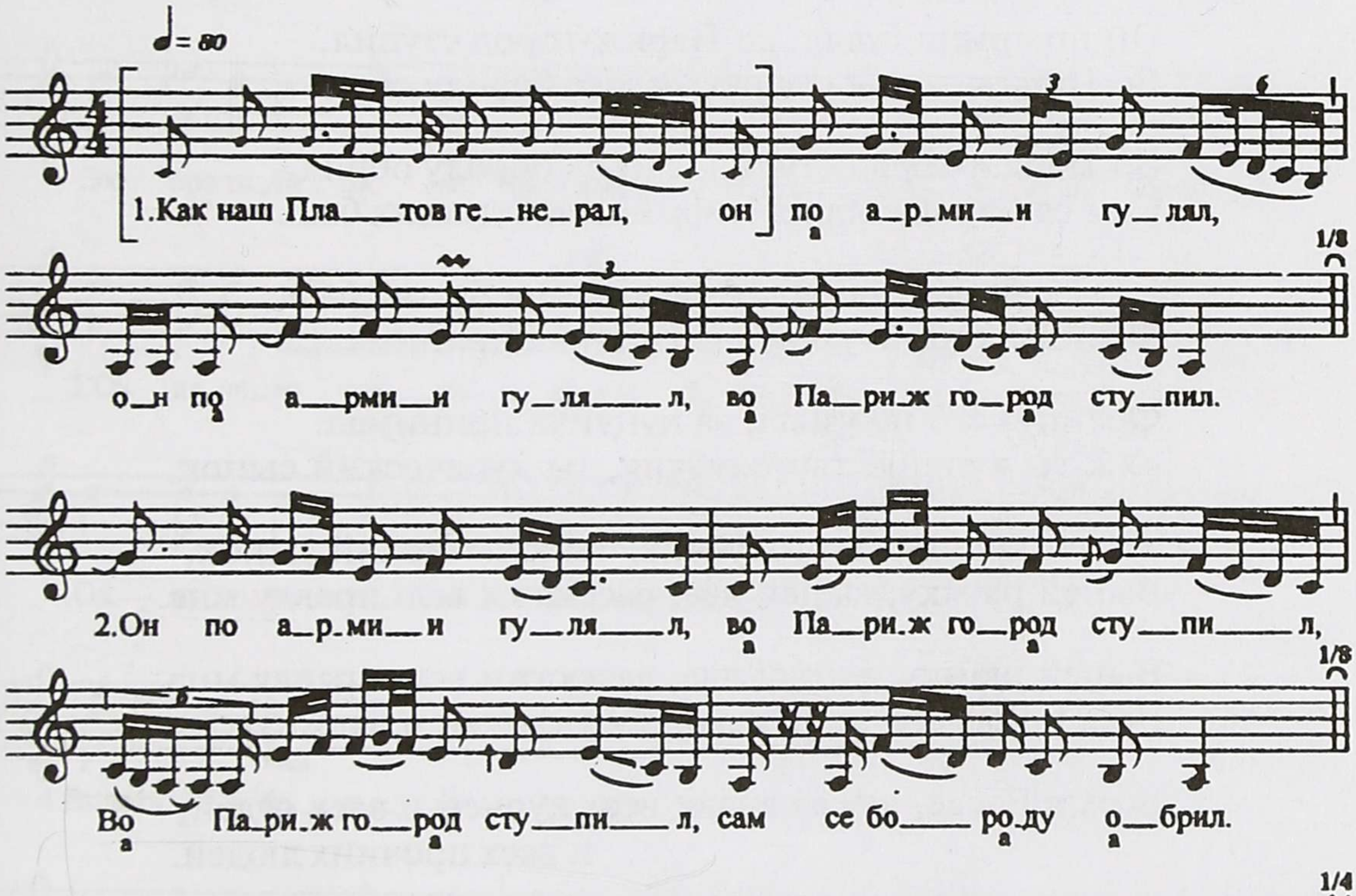
Далеко слава легла да про Платона-казака,
Лели лёли лёли, про Платона-казака,
Лели лёли лёли, про Платона-казака.

Платон казак хитёр был да бритву-ножницы купил,
Лели лёли лёли, бритву-ножницы купил,
Лели лёли лёли, бритву-ножницы купил.
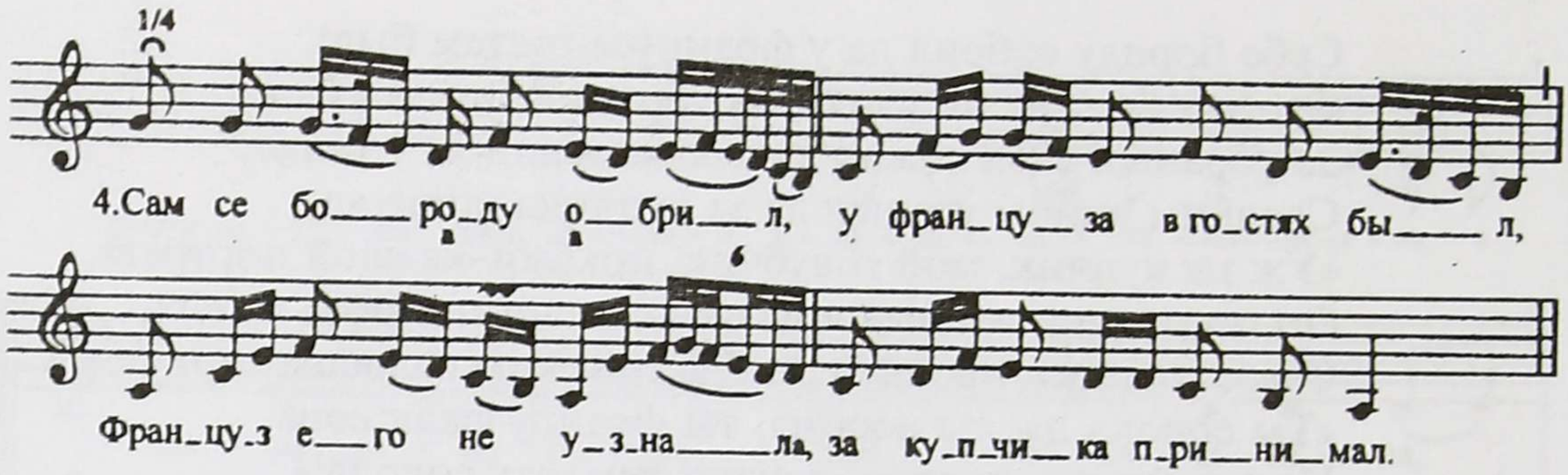
Бритву-ножницы купил да себе бороду отбрил,
Лели лёли лёли, себе бороду отбрил,
Лели лёли лёли, себе бороду отбрил.

Себе бороду отбрил да у француза гостем был[1].
Француз его да не узнал, за убраный стол сажал,
За убраный стол сажал да сладким вином угощал,
Сладким вином угощал да за купчика почитал:
«Уж ты купчик, мой голубчик, покажи-ка свой портрет».
Он портретик вынимал да сам с палатки прочь бежал,
Сам с палатки прочь бежал да громким голосом скричал:
«Ты сорока да, ты ворона, ты французская сова,
Не сумела ты, ворона, в руках держать сокола!»

№ 82

[1] Далее форма строфы, в которой после каждого стиха дважды повторяется припев с вычленением второго полустишия, сохраняется до конца песни.

Как наш Платов-генерал, он по армии гулял,
Он по армии гулял, во Париж-город ступил.

Он по армии гулял, во Париж-город ступил,
Во Париж-город ступил, сам се бороду обрил.

Во Париж-город ступил, сам се бороду обрил,
Сам се бороду обрил, у француза в гостях был.

Сам се бороду обрил, у француза в гостях был,
Француз его не узнал, за купчика принимал.

Француз его не узнал, за купчика принимал:
«Уж ты купчик, ты голубчик, ты купеческий сынок.

Уж ты купчик, ты голубчик, ты купеческий сынок,
Выпей рюмку, выпей две, расскажи всю правду мне.

Выпей рюмку, выпей две, расскажи всю правду мне.
Всех в Росее, я всех знаю, всех купчей и всех судей.

Всех в Росее, я всех знаю, всех купчей и всех судей,
и всех прочиих людей.

Одного только не знаю я Платова-казака». —
«У Платова-казака — его рыжа борода.

У Платова-казака — его рыжа борода,
Его рыжа борода, он похожий на меня.

Его рыжа борода, он похожий на меня.
Ты ворона, ты ворона, загумённый черный грач!

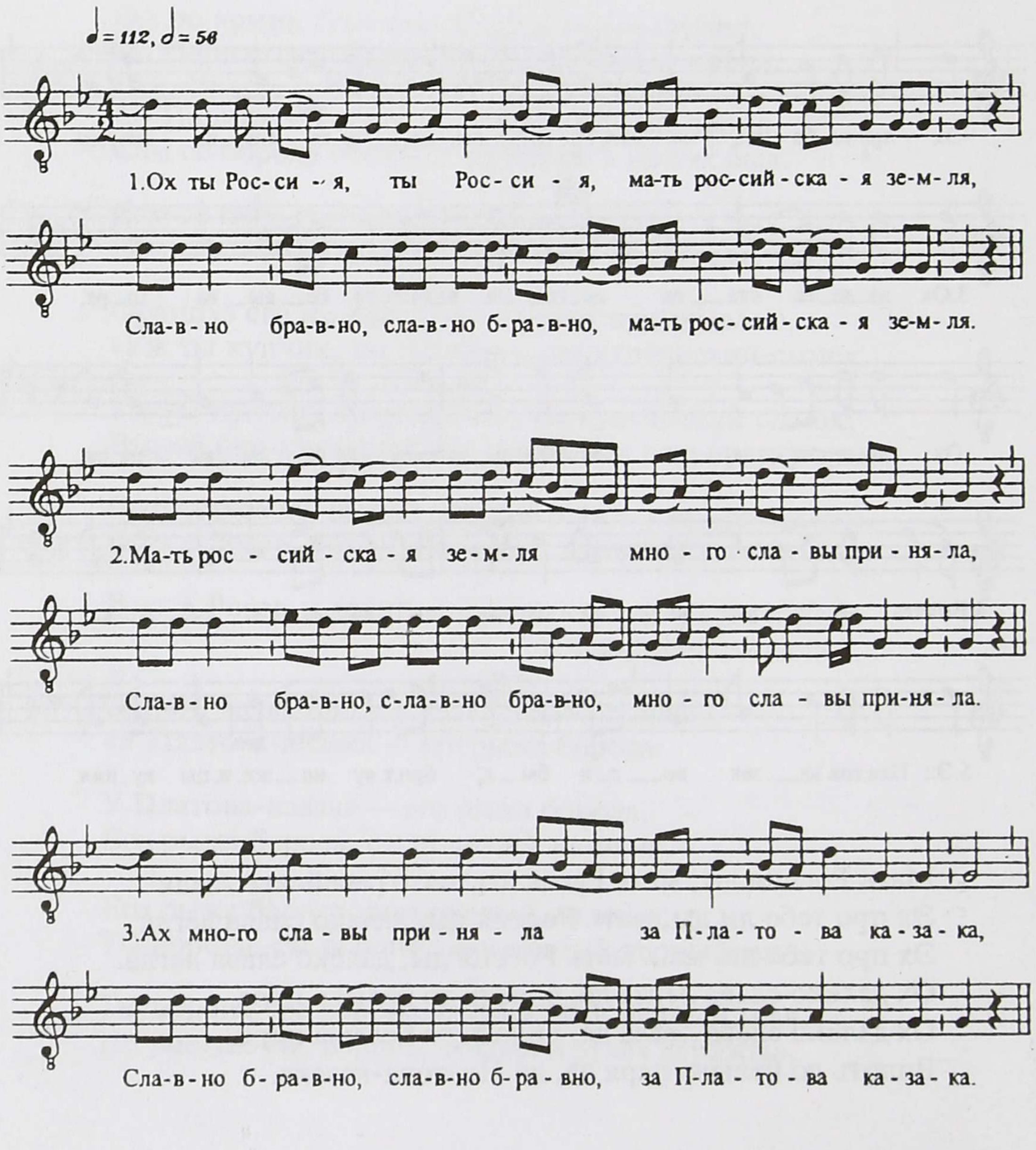
Ты ворона, ты ворона, загумённый черный грач,
Не умеешь ты, ворона, сокола в руках держать».
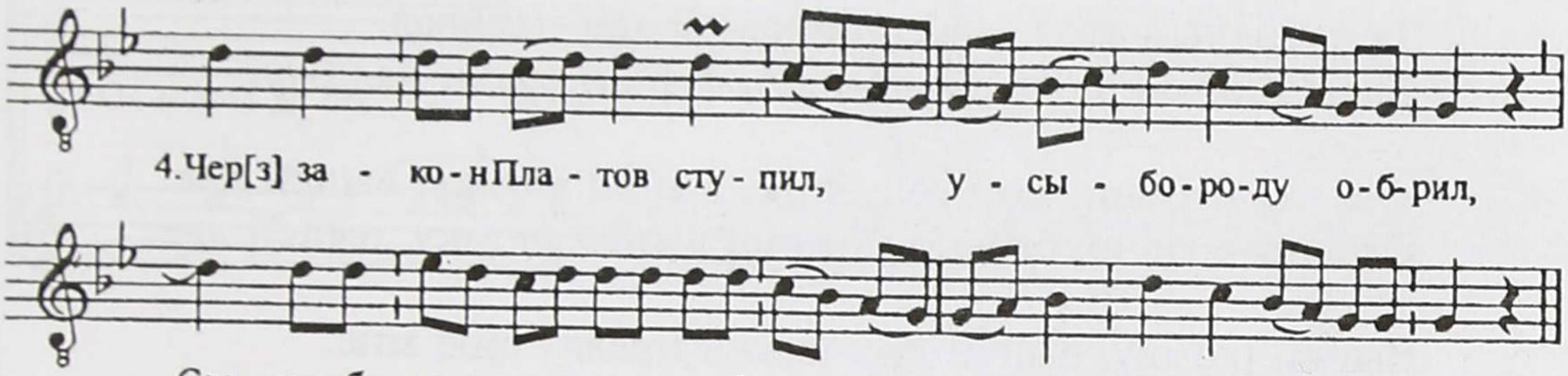
№ 83
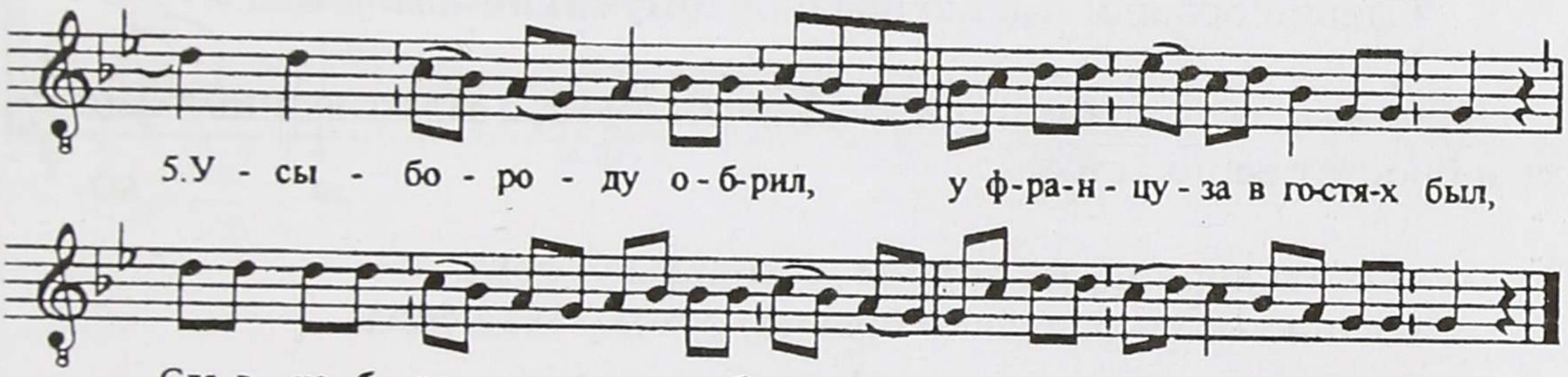
Мать Россия ды, мать Расея ды, мать расейскы земля!
Эх про тебе ли ды, мать Россия ды, далеко слава легла,
Эх про тебе ли, ма... мать Россия ды, далеко слава легла.
Ох далеко слава легла да, вплоть до белыва царя,
Ох далеко слава легла да, вплоть до белыва царя,
Вплоть до белыва царя да, до Платова-казака.

Эх Платов-казак воян был, бритву-ножинцы купил.
Эх Платов-казак воян был, бритву-ножинцы купил,
Эх бритву-ножинцы купил, й усы-бороду обрил,
Э усы-бороду обрил, й у француза в гостях был.
А французы не узнали, про Платова-казака спраш(и)вать.
«А у Платова-казака да небритая борода,
Ах небритая ды борода да нечёс(а)ная голова»...

№ 84

Ох ты Россия, ты Россия, мать российская земля.
Славно бравно, славно бравно, мать российская земля.

Мать российская земля много славы приняла.
Славно бравно, славно бравно, много славы приняла.

Ах много славы приняла за Платова-казака.
Славно бравно, славно бравно, за Платова-казака.

Чрез закон Платов вступил, усы-бороду обрил.
Славно бравно, славно бравно, усы-бороду обрил.

Усы-бороду обрил, у француза в гостях был.
Славно бравно, славно бравно, у француза в гостях был.

Француз его не узнал, за купчика почитал.
Славно бравно, славно бравно, за купчика почитал.

За купчика почитал, за набраный стол сажал.
Славно бравно, славно бравно, за набраный стол сажал.

За набраный стол сажал, стакан водки наливал.
Славно бравно, славно бравно, стакан водки наливал.

«Уж ты купчик, мой голубчик, выпей рюмку, выпей две.
Славно-бравно, славно-бравно, выпей рюмку, выпей две.

Выпей рюмку, выпей две, скажи правду сию мне.
Славно бравно, славно бравно, скажи правду сию мне.

Кто Платова бы узнал, тому много казны дал
Славно бравно, славно бравно, тому много казны дал.»
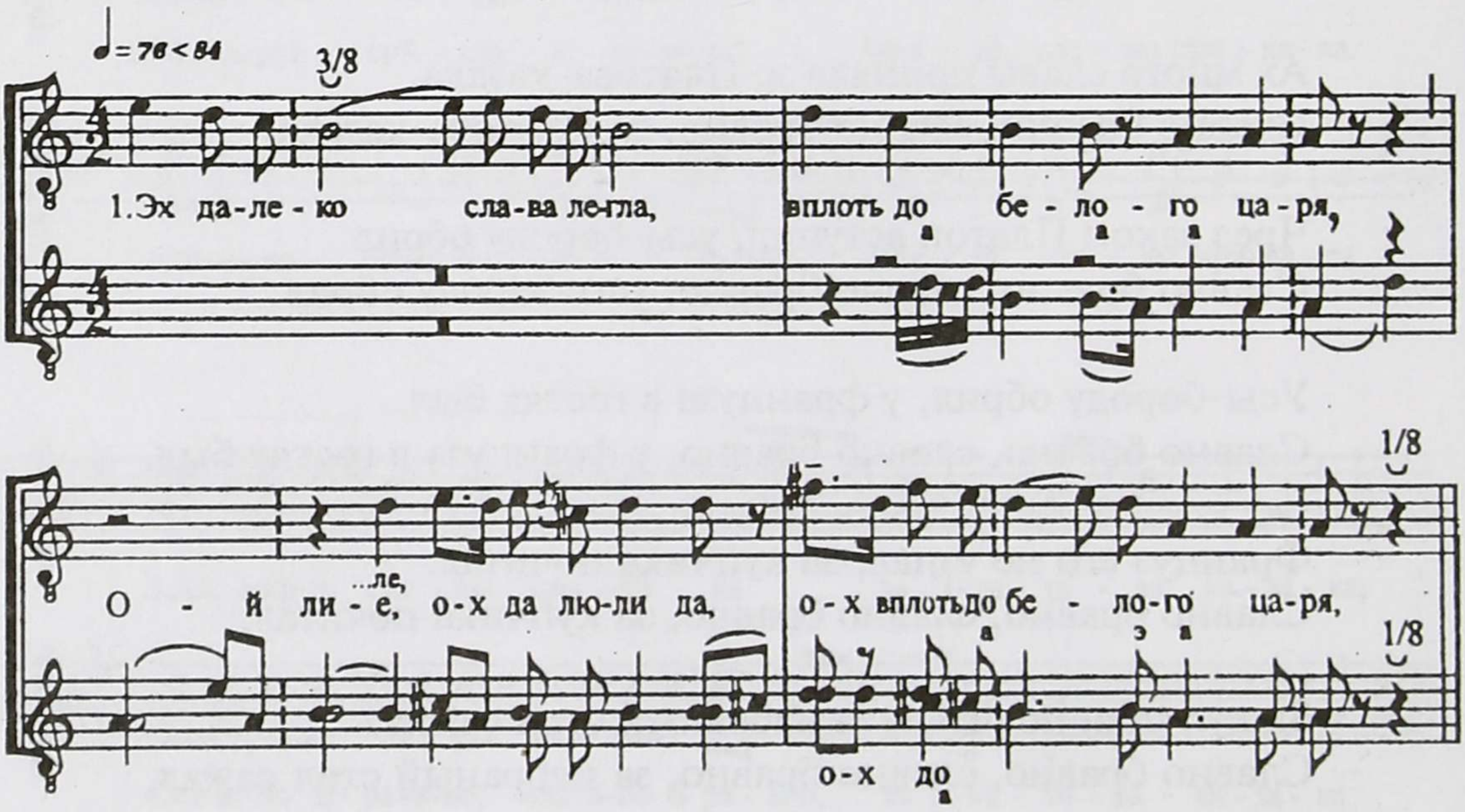
Дальше пересказ: Француз куда-то выходит, а Платов пишет записку и бросает ее под стол:
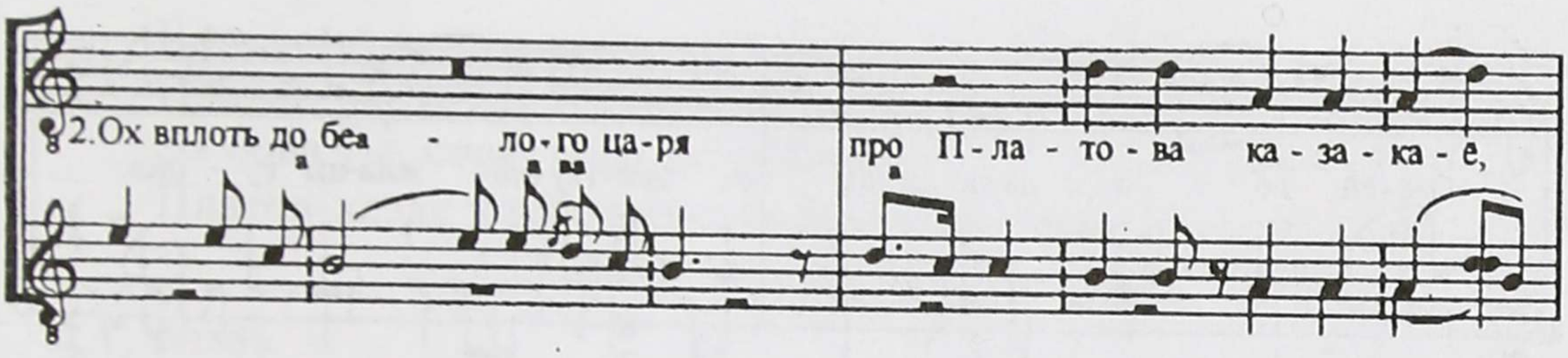
«Ох ты ворона, ты ворона, сухокрылая сова.
Славно бравно, славно бравно, сухокрылая сова.
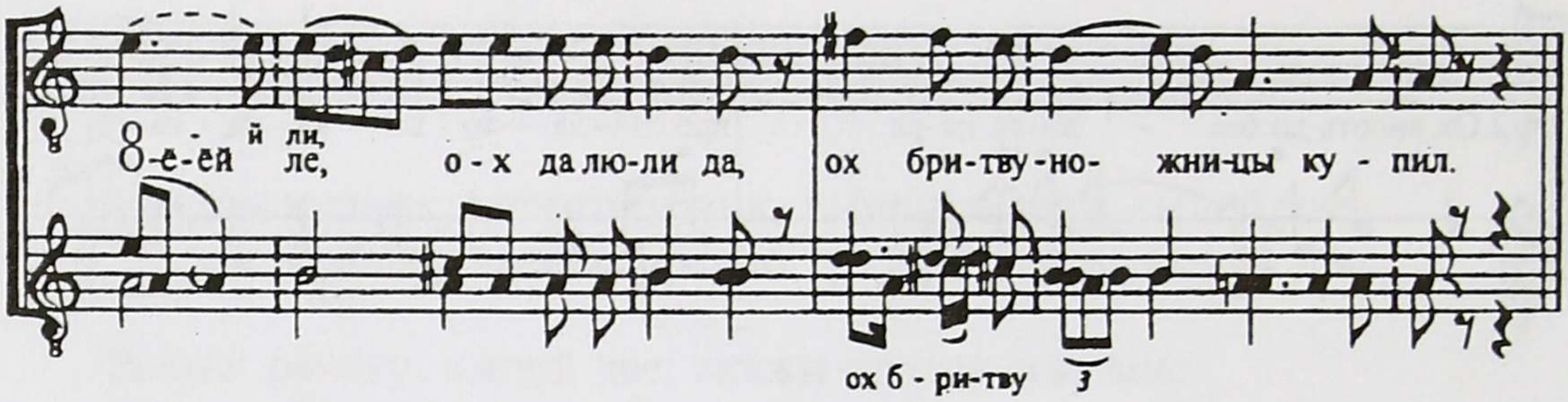
Не сумела ты, ворона, в клетке сокола поймать.
Славно бравно, славно бравно, в клетке сокола поймать.

Ну и где ж тебе, ворона, в чистом полюшке поймать.
Славно бравно, славно бравно, в чистом полюшке поймать».

№ 85

2.Ох вплоть до бе - ло-го ца-ря
про П - ла - то - ва ка - за - ка - е,
Ой ле-и - э,
О-е-е ле - е, ох да лю-ли да,
о - й да П-ла - то - вы-ва
ой Пла-то - ва ка - за - ка.
Ой ле,
о-й да П-ла - то - ва
3.Ох да Пла-то - ва ка-за-ка.
Ка - зак слу - жить по - сту - пал э,
...пи - лэ,
Ой ле,
О-е-ей рэ дэ, о-х да лю-ли да,
ох ка-зак слу - жить по-сту - пил.
Ой ле
ка-зак
4.Ох ка-зак слу - жить по-сту-пил,
нэ...
бри-тву но - ж - ни - цы ку - пи - лэ,

Мать Российская земля, далеко слава легла,

Эх далеко слава легла, вплоть до белого царя,
Ой ли-е, ох да люли да, ох вплоть до белого царя,

Ох вплоть до белого царя про Платова-казака ё,
Ой ле-е, ох да люли да, ой да Платова-казака.

Ох до Платова-казака. Казак служить поступил[1] эй,
О-ё-ёй рэ дэ, ох да люли да, ох казак служить поступил.

Ох казак служить поступил, бритву-ножницы купил,
О-ё-ёй ле, ох да люли да, ох бритву-ножницы купил.

Ох бритву-ножницы купил, усы-бороду обрил,
Ой ли, ох да люли да, ох усы-бороду обрил.

Ох усы-бороду обрил, у француза в гостях был,
Ой ли, ох да люли да, у француза в гостях был.

Ох у француза в гостях был, француз его не спознал эй,
Ой ли, ох да люли да, ох француз его не спознал.

Ох француз его не опознал, он за купчика считал э,
Ой ли, ох да люли да, он за купчика считал[2].

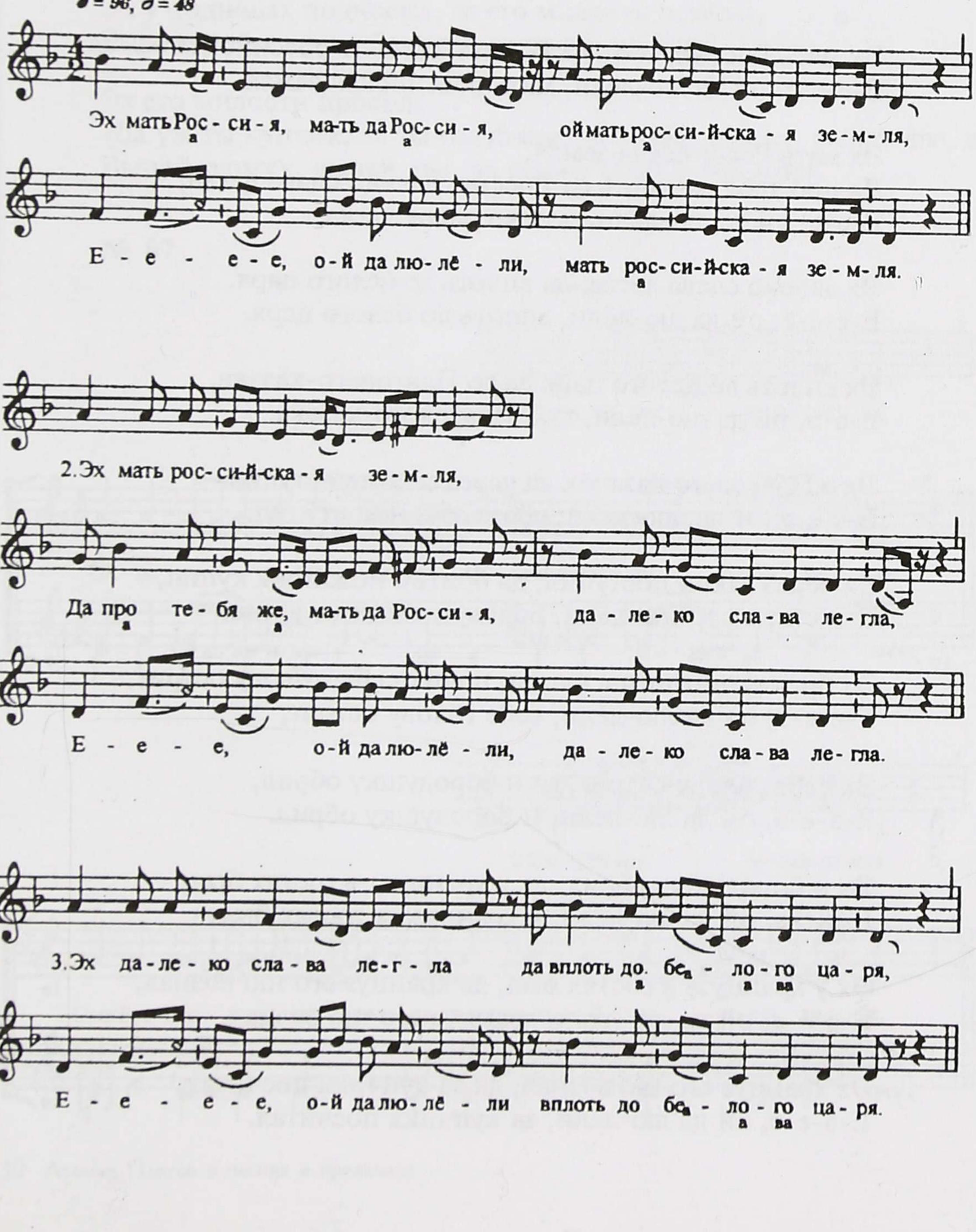
Он за купчика считал, за убраный стол сажал,
За убраный стол сажал, про Платова все пытал.
Платов-казак пил-гулял, погулявши, коня седлал,
Поскорея коня седлал, в русский лагерь отъезжал,
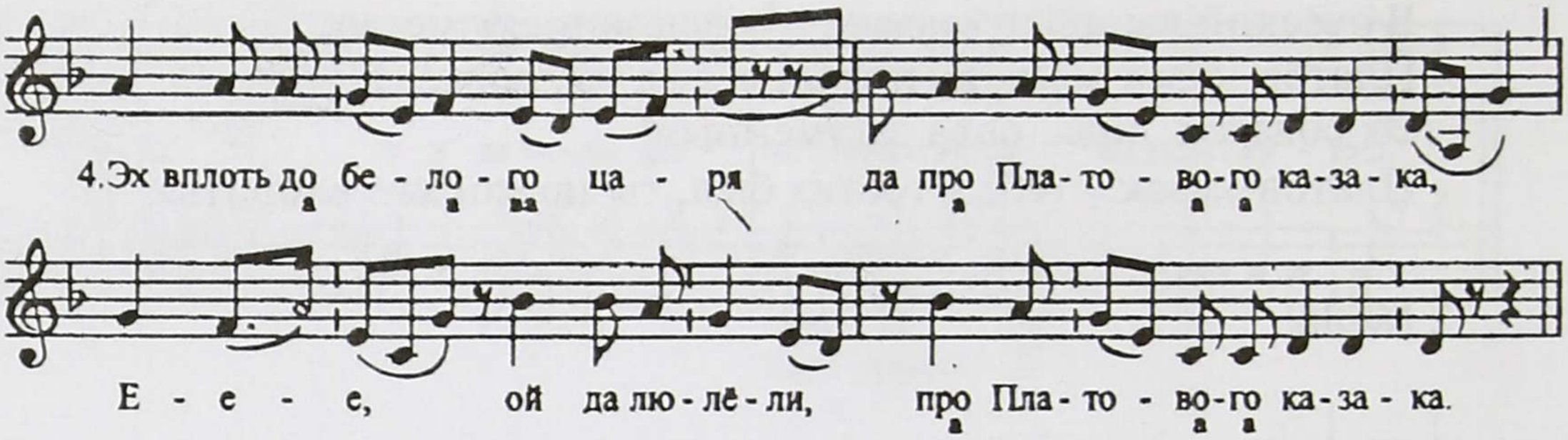
---

[1] Одновременно напето: «Поступал».
[2] Форма строфы далее не приводится.

В русский лагерь отъезжал, а вслед записку метал.
Платов-казак записку писал: «Сова ты, сова,
Эх сова ты, сова, сова загумённыя!
Платов-казак ў тебе в гостях был, ты не мог его вловить».

№ 86

Эх мать Россия, мать да Россия, ой мать российская земля,
Е-е-е-е, ой да лю-лёли, мать российская земля.

Эх мать Российская земля,
Да про тебя же, мать да Россия, далеко слава легла,
Е-е-е, ой да лю-лёли, далеко слава легла.

Эх далеко слава легла, да вплоть до белого царя.
Е-е-е-е, ой да лю-лёли, вплоть до белого царя.

Эх вплоть до белого царя да до Платового-казака,
Е-е-э, ой да лю-лёли, про Платового-казака.

Эх а Платов-то казачок да через закон поступил,
Е-е-е-а, ой да лю-лёли, через закон поступил,

Эх через закон поступил, да бритву-ножницы купил,
Е-е-е-э, ой да лю-лёли, бритву-ножницы купил,

Эх бритву-ножницы купил, почик себя, голову остриг,
Е-е-е-э, ой да лю-лёли, себе голову остриг,

Эх себе голову остриг, да и бородушку обрил,
Е-э-е-э, ой да лю-лёли, и бородушку обрил.

Эх и бородушку обрил, да у хранцуза в гостях был,
Е-е-е-е, ой да лю-лёли, у хранцуза в гостях был.

Эх у хранцуза в гостях был, да хранцуз его ню вознал,
Е-э-е-е, ой да лю-лёли, хранцуз его ню вознал.

Эх хранцуз его ню вознал, да за купчика посчитал,
Е-э-е-е, ой да лю-лёли, за купчика посчитал.

Эх за купчика посчитал, да за убраный стол сажал,
Эй э-о-ой, да лю-лёли, за убраный стол сажал.

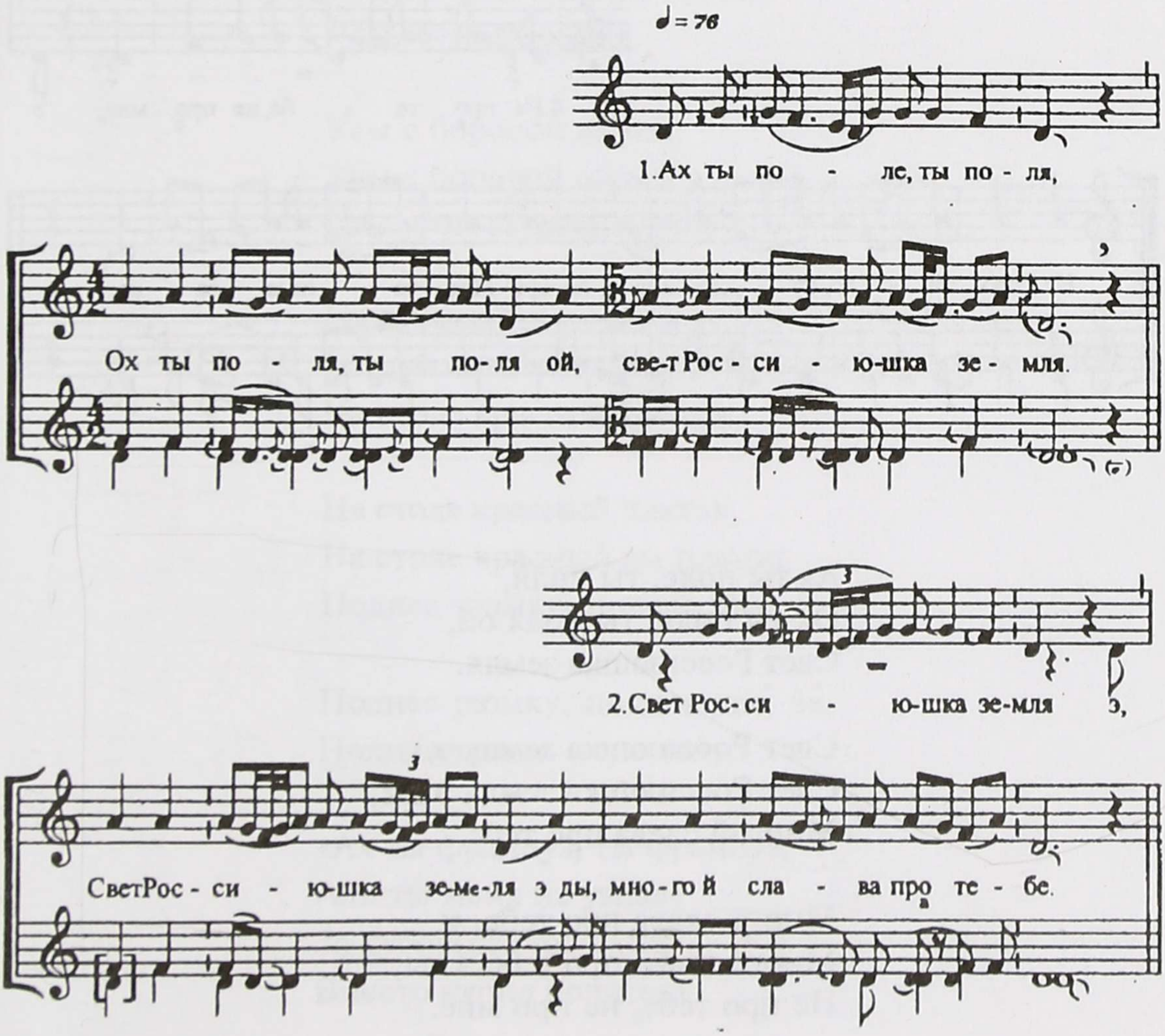
Эх за убраный стол сажал, да рюмку водки наливал,
Е-э-е-э, ой да лю-лёли, рюмку водки наливал.

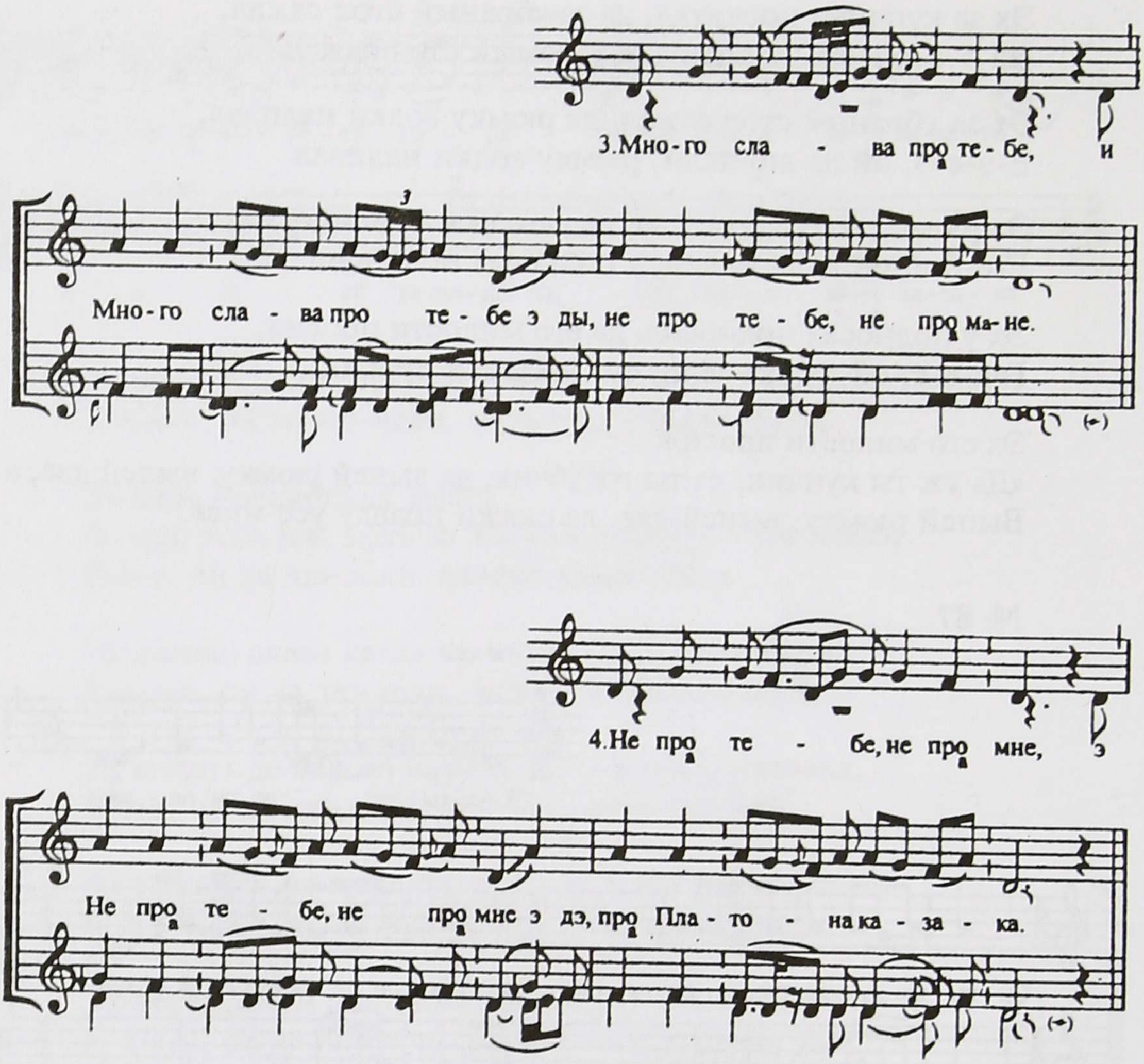
Эх рюмку водки наливал, да у подносах подносил,
Е-е-е-е, ой да лю-лёли, у подносах подносил.

Эх у подносах подносил, да его милости просил,
Е-е-е-е, ой да лю-лёли, его милости просил.

Эх его милости просил:
«Да уж ты купчик, да ты голубчик, да выпей рюмку, выпей две, а
Выпей рюмку, выпей две, да скажи правду усё мне».

№ 87

Ах ты поле, ты поля,
Ох ты поля, ты поля ой,
Свет Россиюшка земля.

Свет Россиюшка земля э,
Свет Россиюшка земля э ды,
Многой слава про тебе.

Много слава про тебе, и
Много слава про тебе э ды,
Не про тебе, не про мне.

Не про тебе, не про мне, э,
Не про тебе, не про мне э дэ,
Про Платона-казака.

Про Платона-казака,
Про Платона-казака.
Платон-казак воин был

Платон-казак воин был,
Платон-казак воин был,
Бритву-ножницы купил.

Бритву-ножницы купил,
Бритву-ножницы да купил,
Усы, бороду обрил.

Усы с бородой обрил,
Усы с бородой обрил,
На дубовый стол садил,

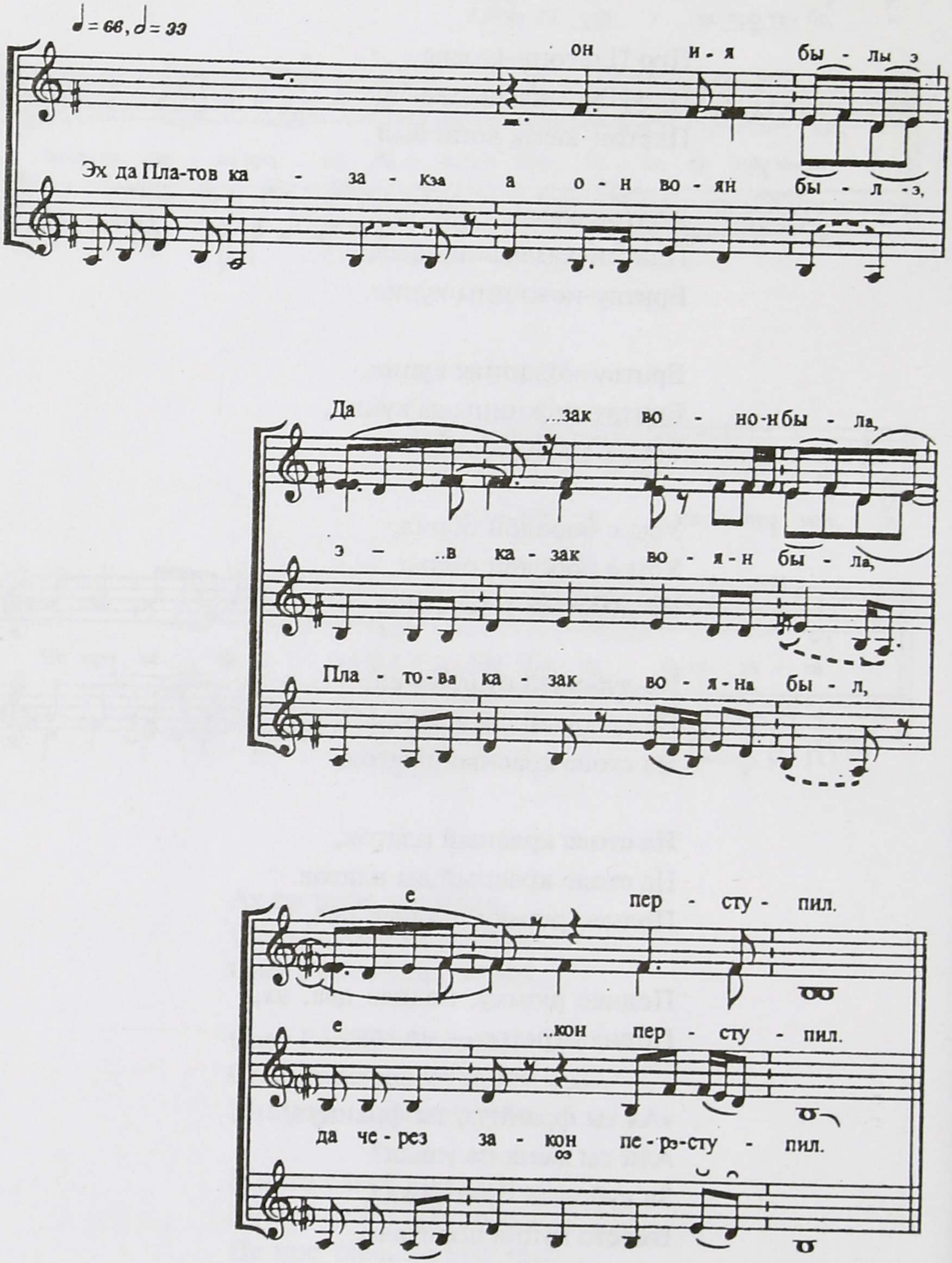
На дубовый стол садил,
На дубовый стол садил.
На столе красный платок.
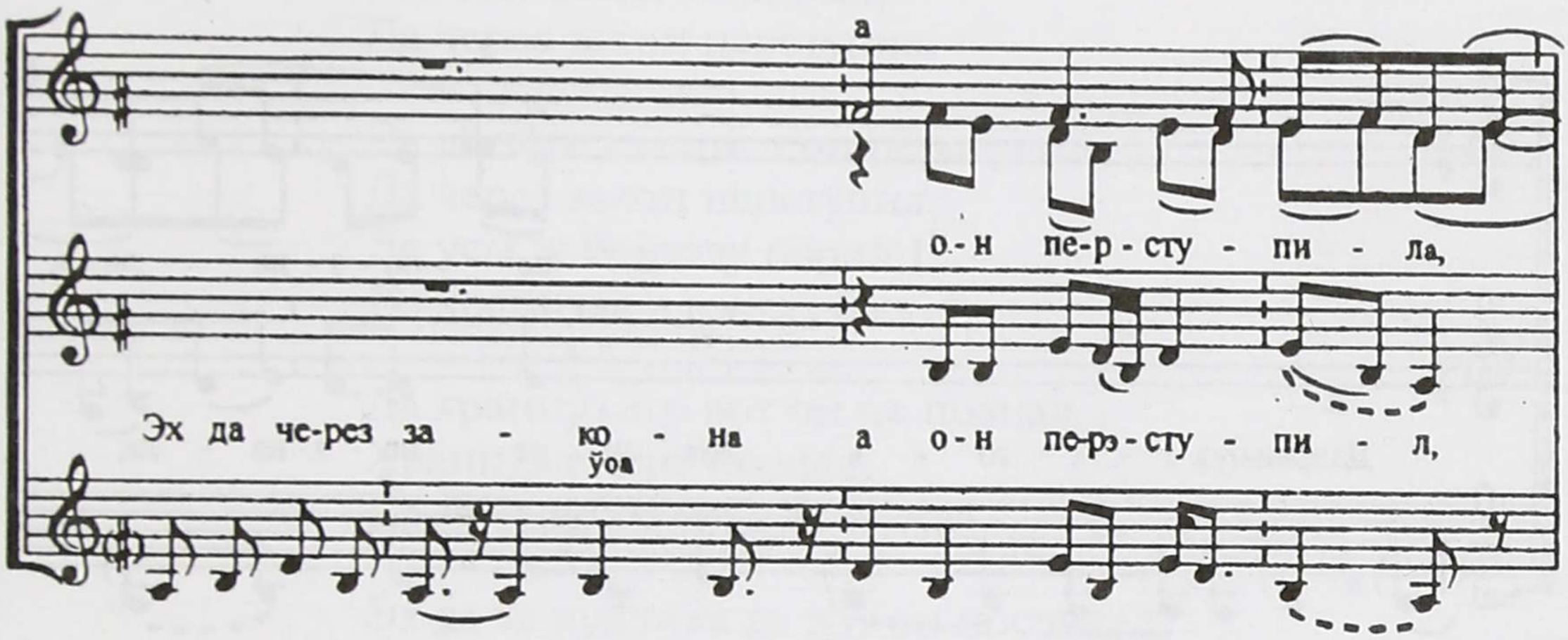
На столе красный платок,
На столе красный ды платок.
Поднес рюмку, поднес два,
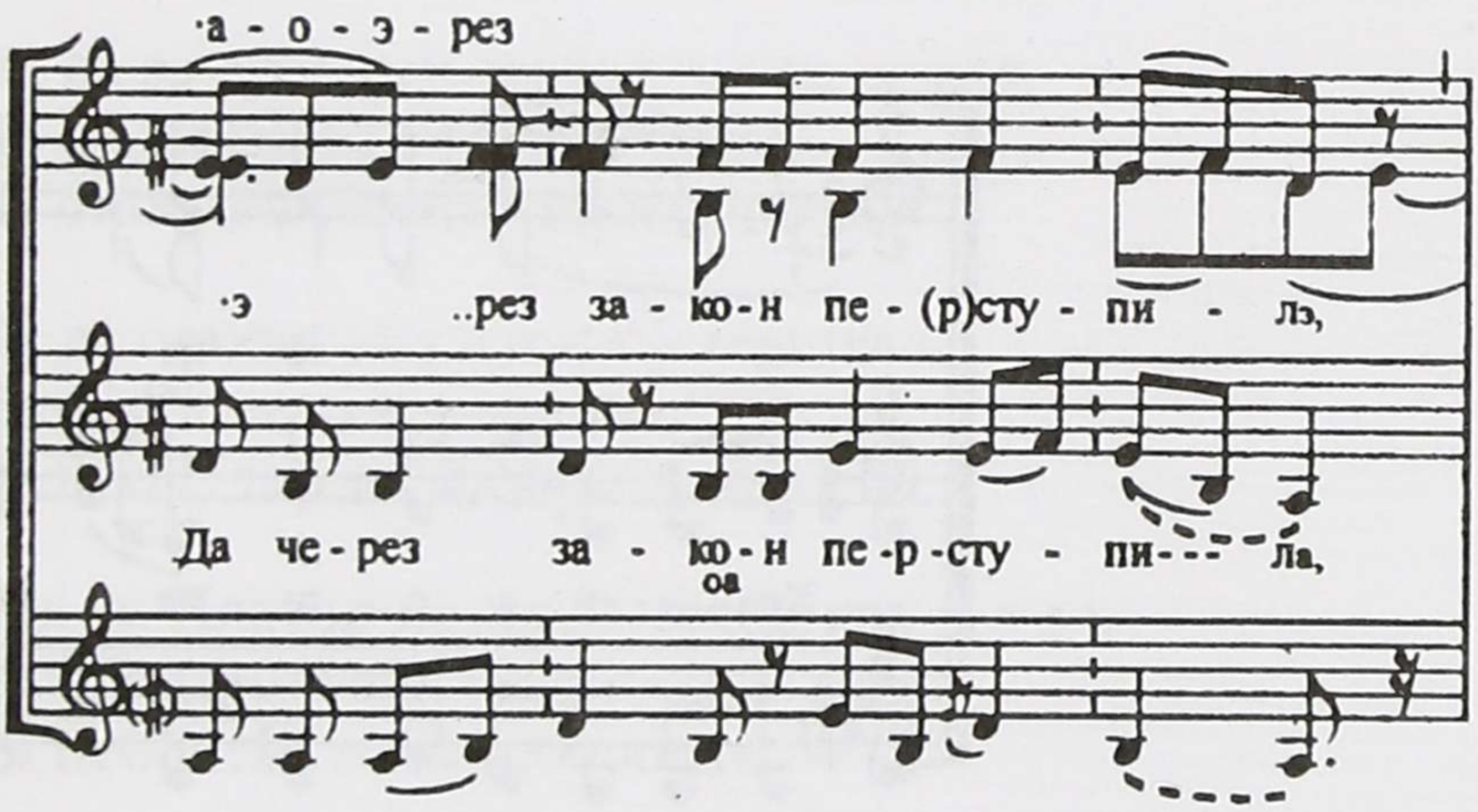
Поднес рюмку, поднес два, эх,
Поднял третье — не хочу.
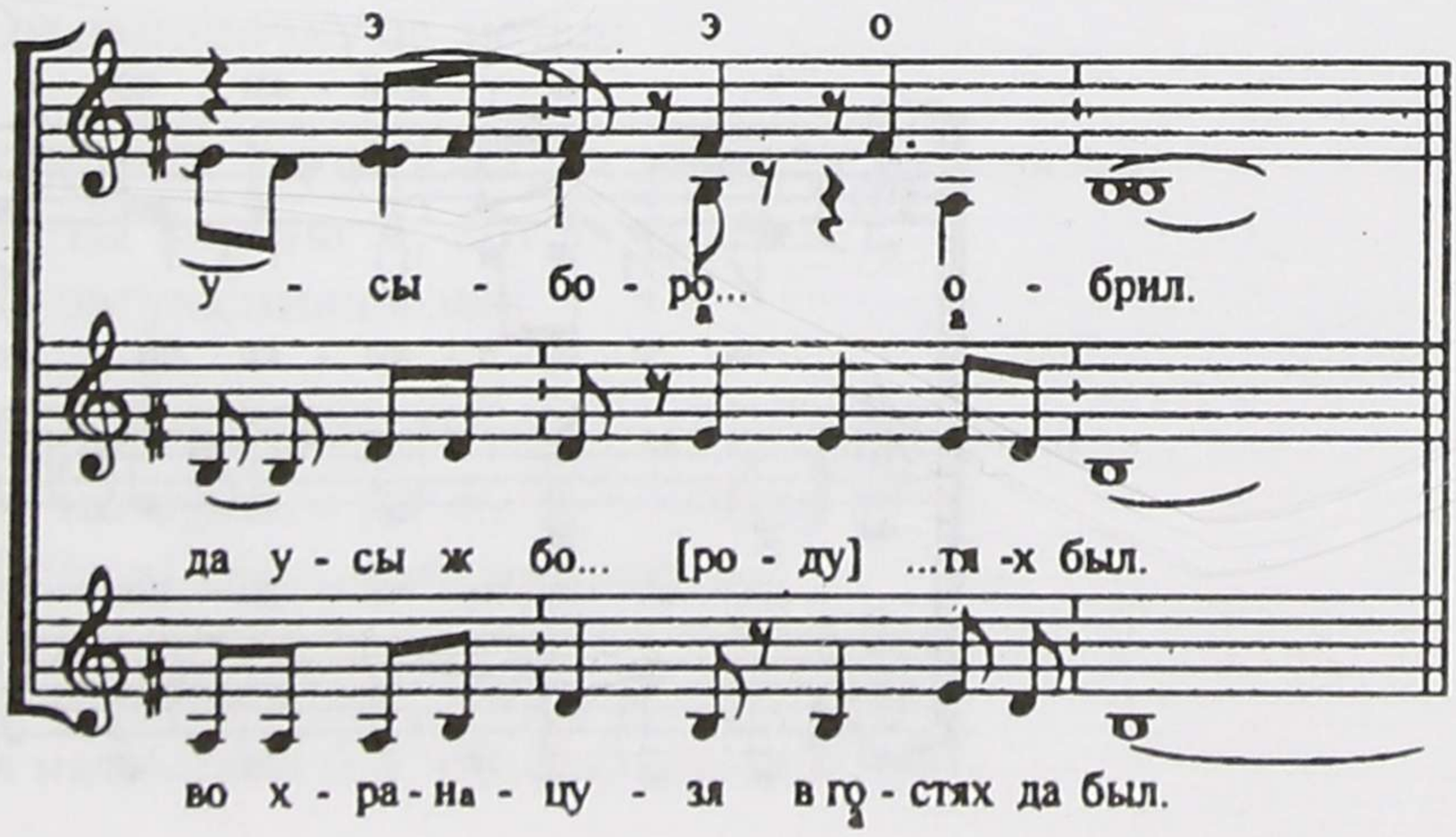
«Ах ты француз, ты француз,
Али ты меня не узнал?
За дубовый стол сажал,
Вместо купца почитал».
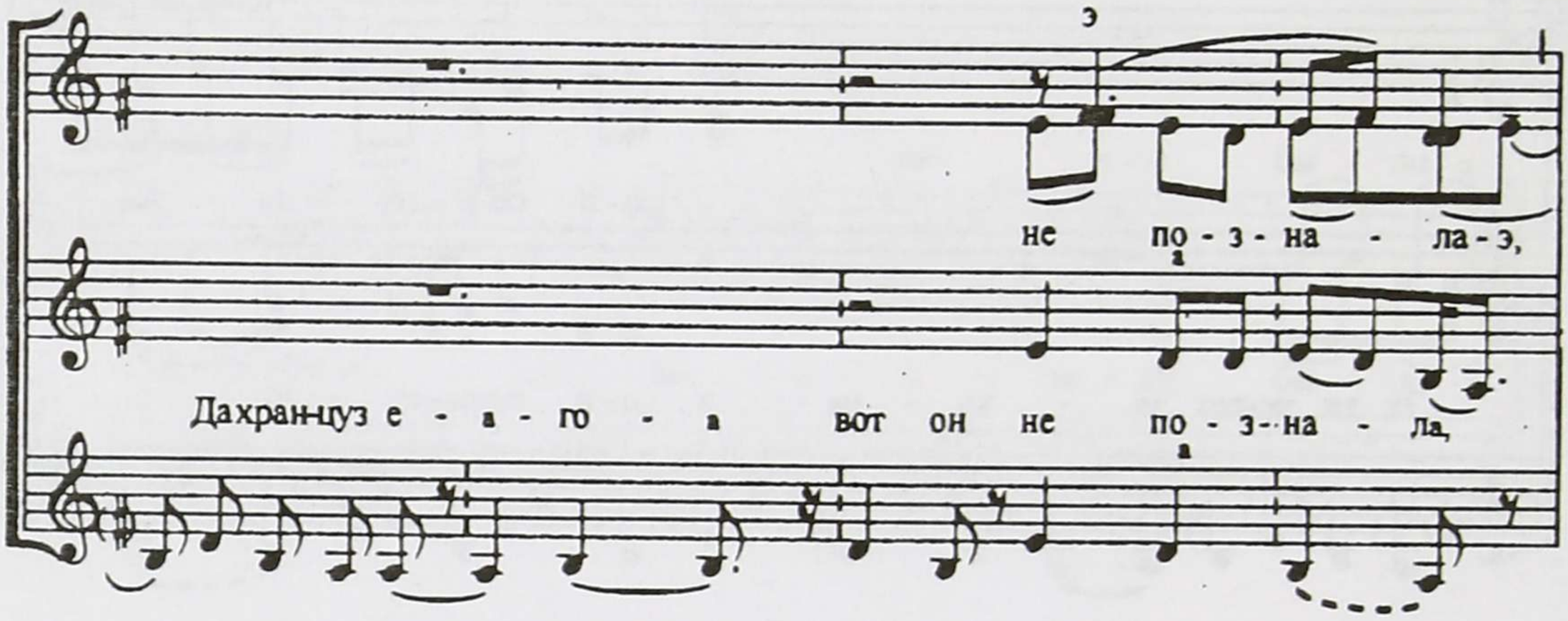
№ 88
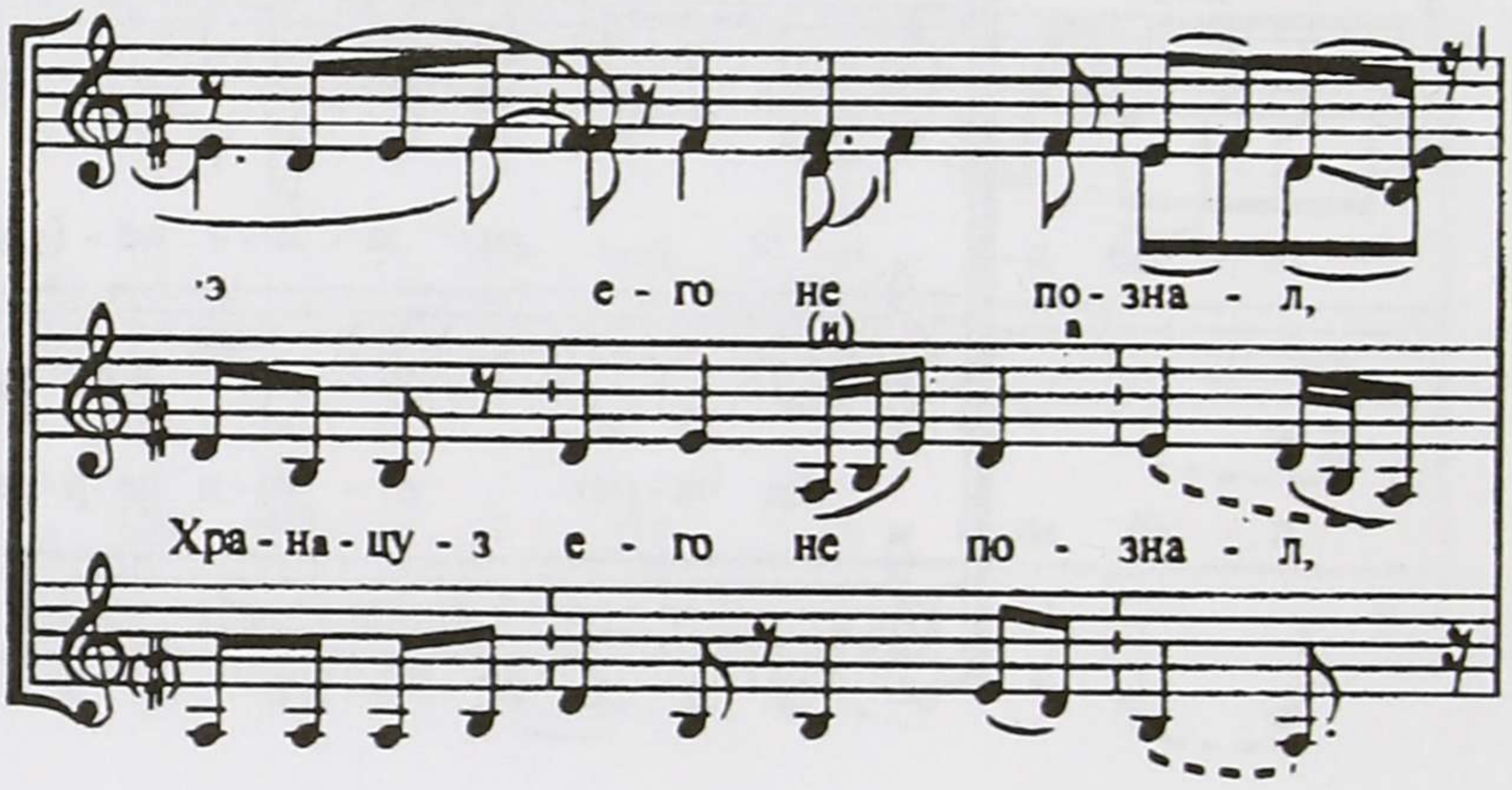

♩= 66, 𝅗𝅥= 33
он и - я бы - лы э
Эх да Пла-тов ка - за - Кза а о - н во - ян бы - л -э,
Да ...зак во - но-н бы - ла,
э – ..в ка - зак во - я-н бы - ла,
Пла - то-ва ка - зак во - я-на бы - л,
е пер - сту - пил.
е ..кон пер - сту - пил.
да че - рез за - кон пе - ре-сту - пил.
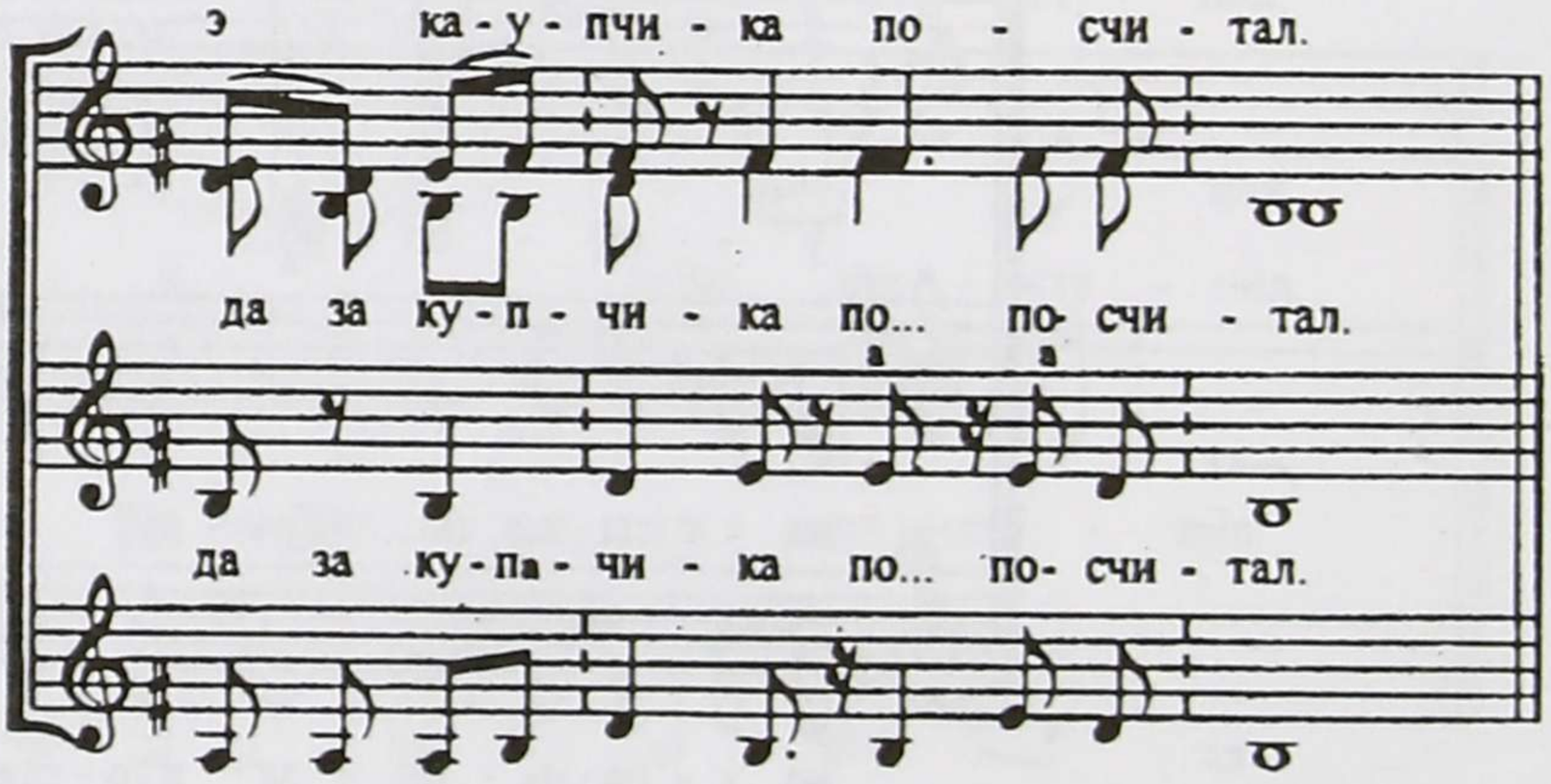

а
о - н пе-р - сту - пи - ла,
Эх да че-рез за - ко - на а о - н пе-рэ - сту - пи - л,
уоа

а - о - э - рез
э ..рез за - ко - н пе - (р)сту - пи - лэ,
Да че - рез за - ко - н пе - р - сту - пи - - - ла,
оа

э э о
у - сы - бо - ро... о - брил.
да у - сы ж бо... [ро - ду] ...ти -х был.
во х - ра - на - цу - зя в го - стях да был.

э
не по - з - на - ла - э,
Дахранцуз е - а - го - а вот он не по - з - на - ла,

э е - го не по - зна - л,
Хра - на - цу - з е - го не по - зна - л,

э ка - у - пчи - ка по - счи - тал.
да за ку - п - чи - ка по... по- счи - тал.
да за ку - па - чи - ка по... по- счи - тал.

Эх да Платов-казак а он воян был,
Платов-казак воян был,
Да через закон перступил.

Эх да через закон а он перступил,
Да через закон перступил,
Да усы ж бо[роду обрил,][1]
Во хранцузя в гостях был.

Да хранцуз его вот он не познал,
Хранцуз его не познал,
Да за купчика по... посчитал.

Эх да за купчика да вот он посчитал,
Да за купчика посчитал,
Да за дубовый стол да сажал.

Эх да за дубовый он за стол да сажал,
Да за дубовый стол да сажал,
Да стакан вина на... он наливал.

Эх да стакан ему а вот он наливал,
Да стакан ему он наливал,
Да про Платова-казака пытал.

«Эх да Платов-казак да такой как и я да,
Да Платов-казак такой как и я жа,
Да небритая толькя борода».

А он по порожикам, казак, ступал,
Да по порожинкам да ступал,
Он записочку да метал:

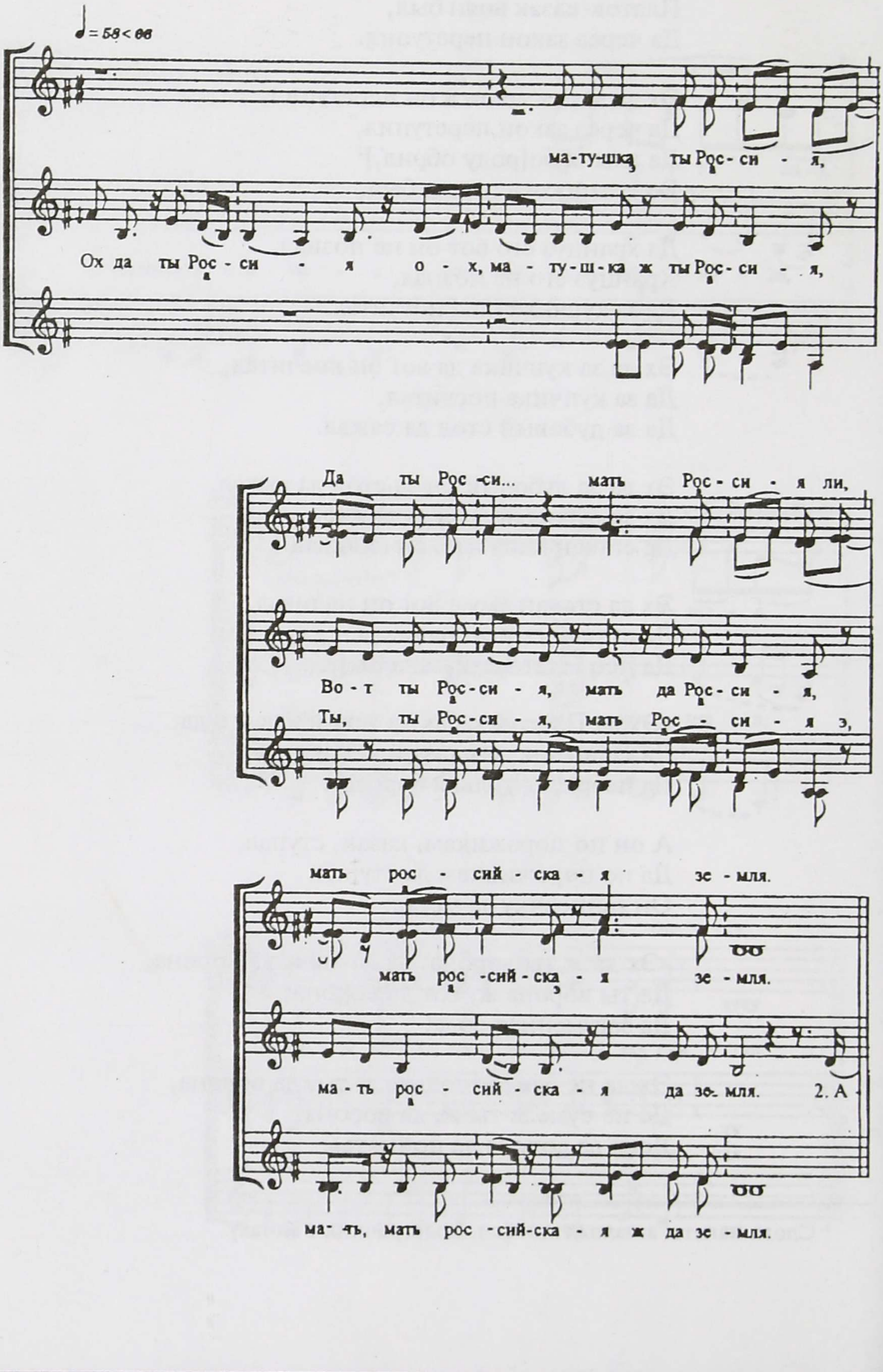
«Эх да ж ты ворона, эх да ты ж да ворона,
Да ты ворона ж, вот да ворона,
Да загумённая сова!

Эх да не сумела толькя ж ты, да ворона,
Да не сумела ты ж, да ворона,
Ясна да сокола да поймать».

---

[1] Слова напеты в наложении (см. подстрочник в нотах).

№ 89

♩= 58 < 66
ма-ту-шка ты Рос-си - я,
Ох да ты Рос - си - я о - х, ма - ту-ш-ка ж ты Рос-си - я,
Да ты Рос -си... мать Рос - си - я ли,
Во - т ты Рос-си - я, мать да Рос - си - я,
Ты, ты Рос-си - я, мать Рос - си - я э,
мать рос - сий - ска - я зе - мля.
мать рос -сий - ска - я зе - мля.
ма - ть рос - сий - ска - я да зе - мля. 2. А
ма- ть, мать рос -сий-ска - я ж да зе - мля.

э ...шка

...а - ту-шка да Рос - си - я - э

3

о ох да про те-бе ж ма... о - х ма... ма - ту-шка да Рос - си - я,

ма - ту - ш - ка да Рос - си - я да,

ма - ту - шка да Рос - си - я,

про те - бе, ма - ту- шка Рос- си - я - э,

Да про, про те - бе, ма - ту - ш-ка Рос - си - я,

Про про те - бе,

ве - з - де сла... сла - ву - шка

ве - зде сла - ву - шка про - шла.

ве - за - де с-ла - ву - шка да про - шла.

Ох да ты Россия ох, матушка ж ты Россия,
Вот ты Россия, мать да Россия,
Мать российская да земля.

А-о-ох да про тебе ж ма... ох ма... матушка да Россия,
Да про, про тебе, матушка Россия,
Везде славушка да прошла.

Ох да везде славу... ох славушка да прошла да,
Ох везде славушка да прошла
Все про белого да царя.

Ох да все про бело... ох белого да царя да,
Все про белого да царя
И про Платова толькя казака.

Ох да Платов-казак, а он воян был,
Да Пла... Платов-казак во... воян был
И через закон пе... перступил.

А ох да через закон а он перступил,
Да че... через закон он перступил,
Да усы-бороду он обрил.

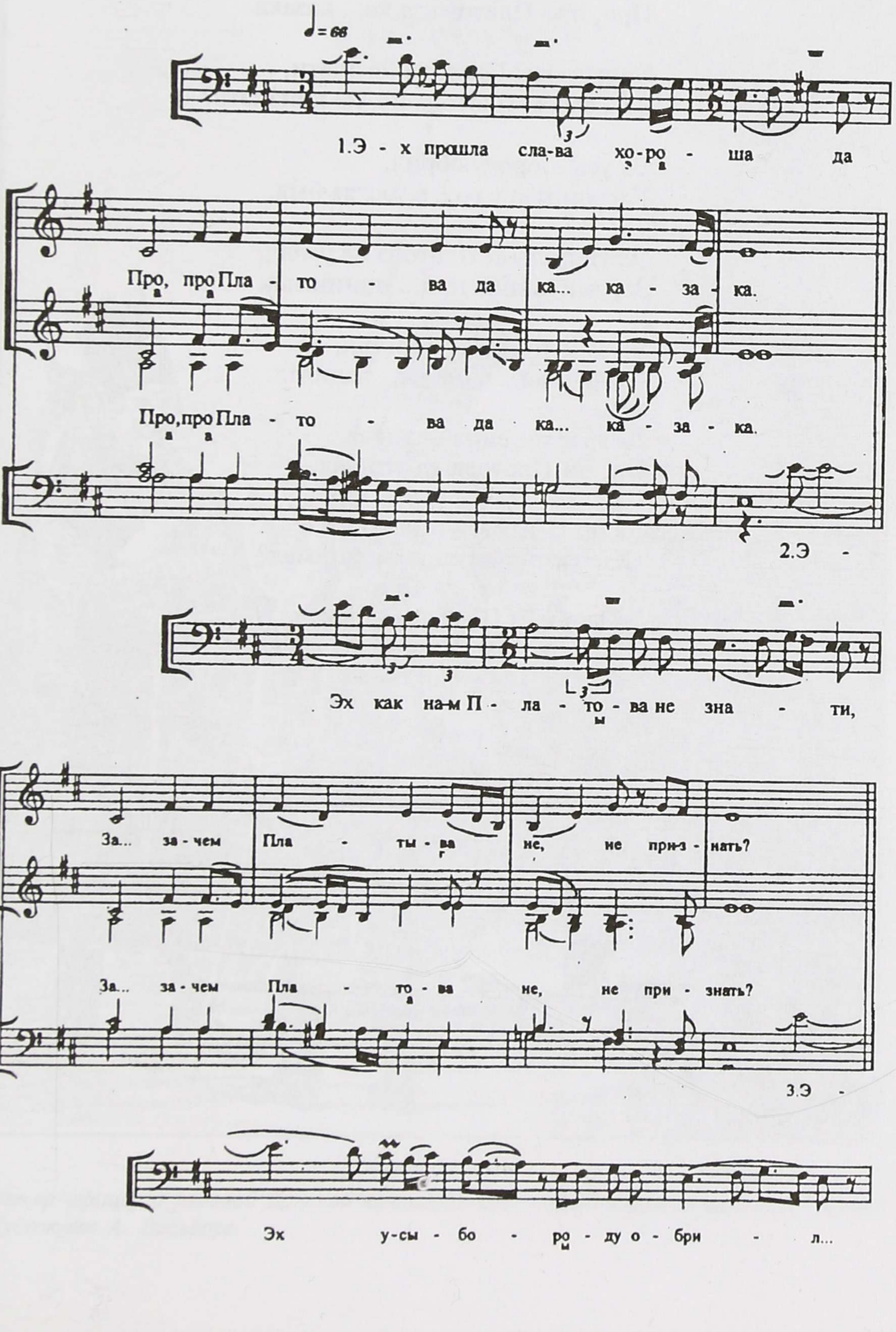
А ох да усы-боро... ох да бороду он обрил,
Да усы-бороду он обрил
И у француза в го... в гостях был.

(Вот такие русские были хитрые в двенадцатом еще году. А француз-то ж его ж не узнал!)

Ох да француз его а он не, не познал,
Да француз его ж вот не узнал
И за купчика по... посчитал.

Ох да за купчика а он по... посчитал,
Да за купчика по... посчитал
И за дубовый стол его сажал...

№ 90

♩= 66
1.Э - х прошла сла-ва хо-ро - ша да
Про, про Пла - то - ва да ка... ка - за - ка.
Про, про Пла - то - ва да ка... ка - за - ка.
2.Э -
Эх как нам П - ла - то - ва не зна - ти,
За... за - чем Пла - ты - ва не, не приз - нать?
За... за - чем Пла - то - ва не, не при - знать?
3.Э -
Эх у-сы - бо - ро - ду о - бри - л...

Эх прошла слава хороша да
Про, про Платова да ка... казака.

Эх как нам Платова не знати,
За... зачем Платова не, не признать?

Эх усы-бороду обрил,
У француза в го... в гостях был.

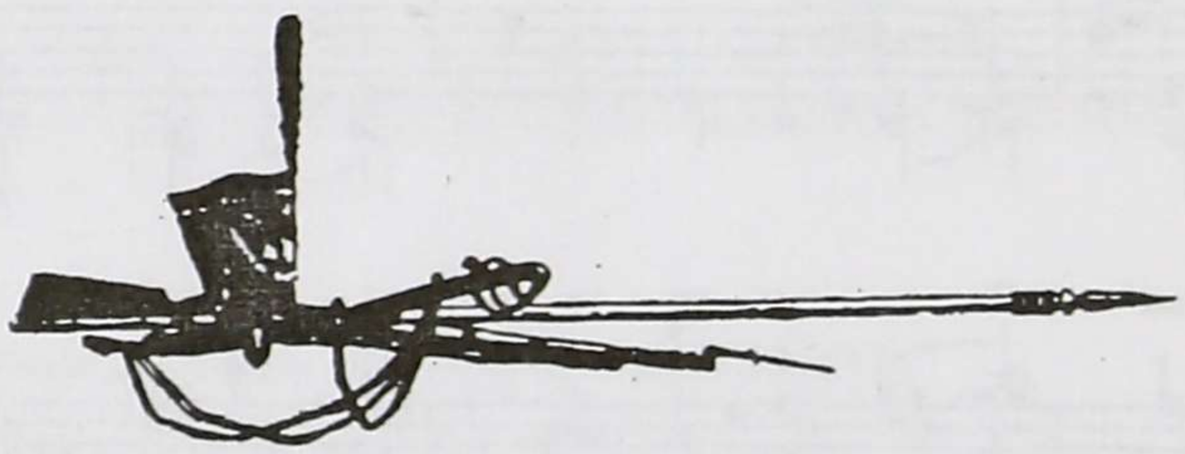
Эх Напольон Платова не узнал,
За, за купчика при... принимал.

Эх за купчину принимал,
Графин ви... вина на... наливал.

Эх графин вина наливал,
Он, он Платова да угощал.

Эх он Платова угощал:
«Кто, кто бы Платыва поймал?

Эх кто нам Платыва поймал,
Я б, я бы тому ка... казну дал».

Унтер-офицер и рядовой Донской конвойной казачьей команды (в парадной форме). Художник А. Вильборг.

Атаман Платов. Художник И. Ромбауэр.

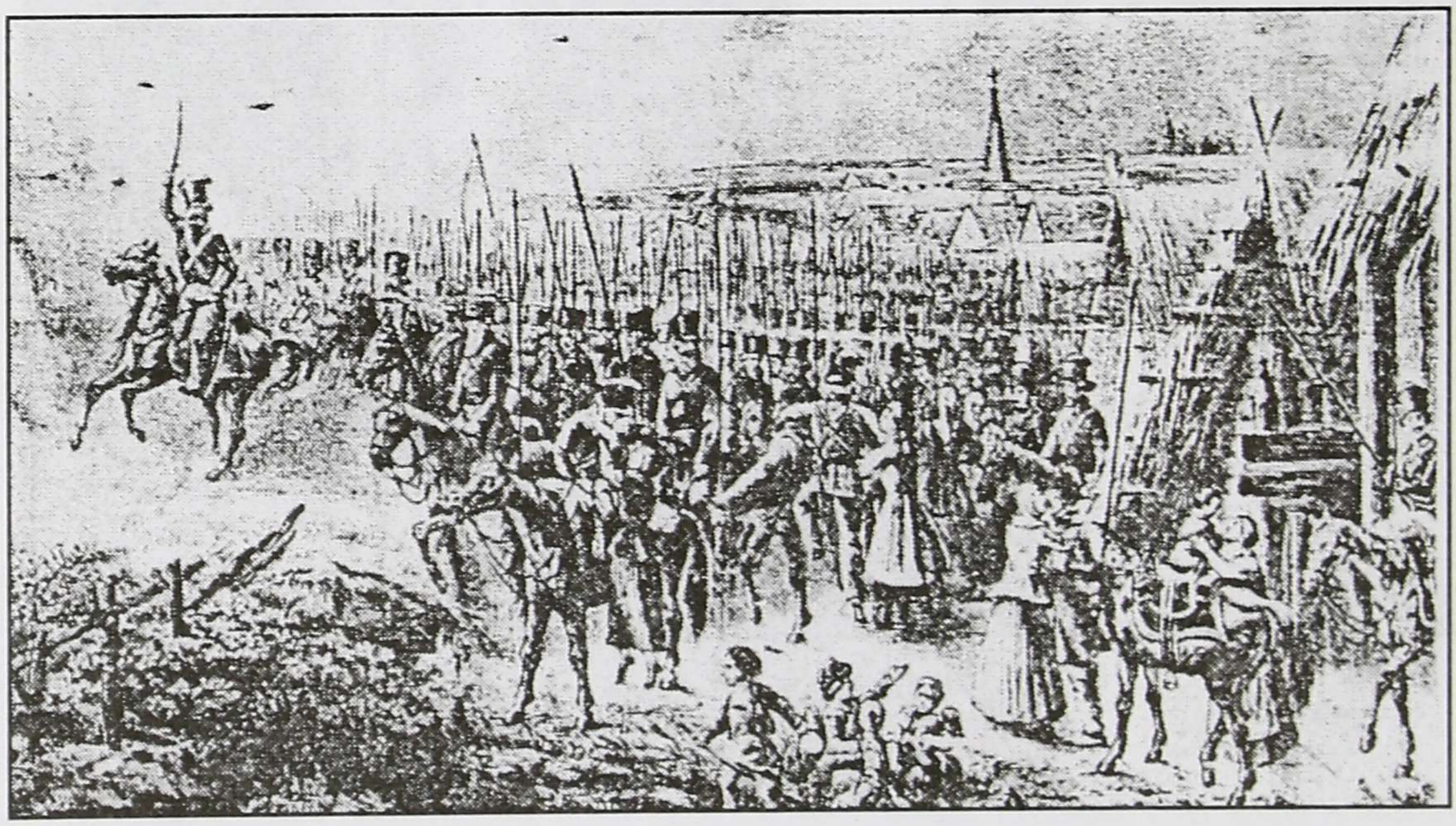
М.И. Платов.

Портрет атамана казачьего войска М.И. Платова. Художник В. Тропинин.

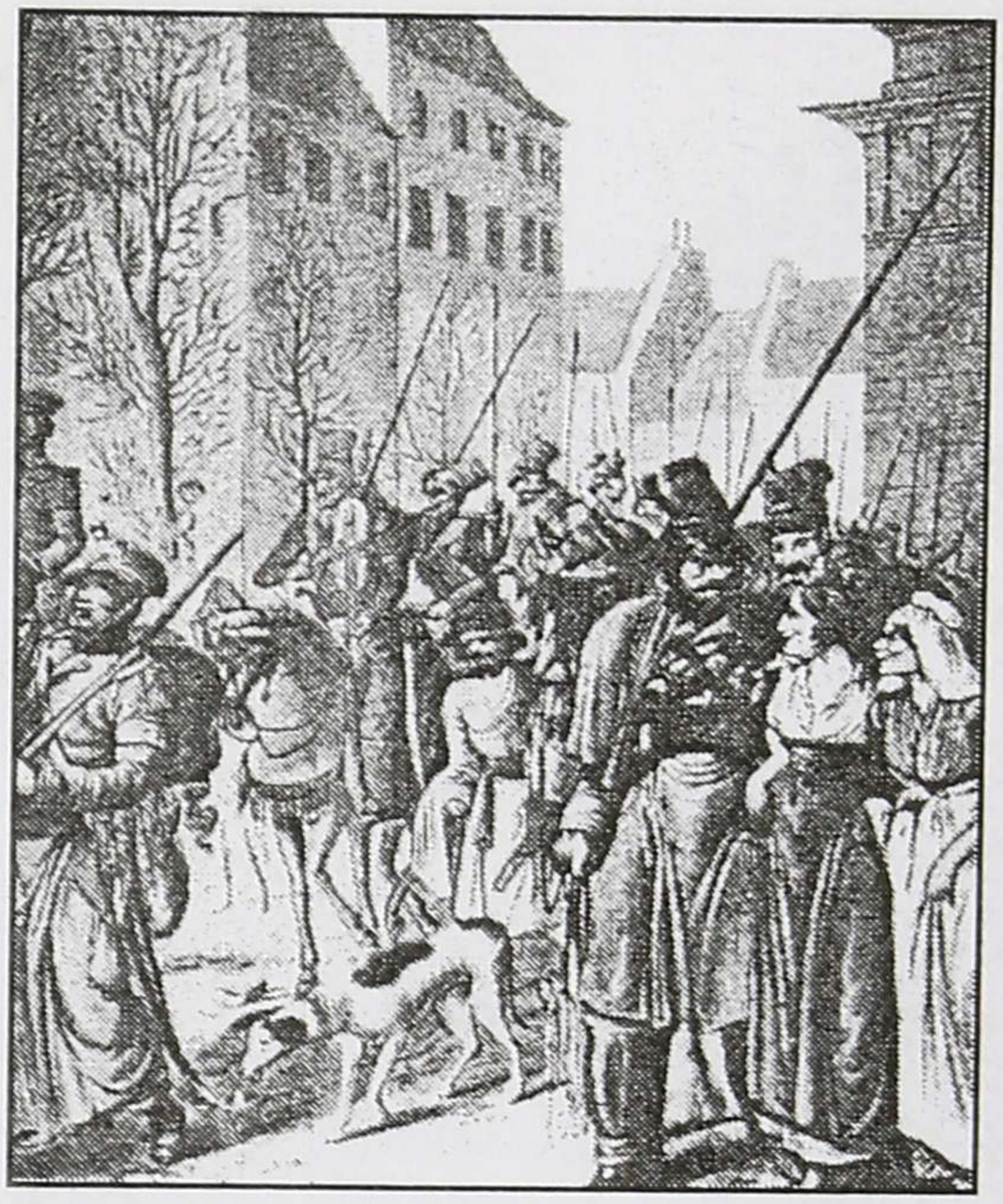
Князь А.А. Прозоровский. Гравюра Ф. Алексеева.

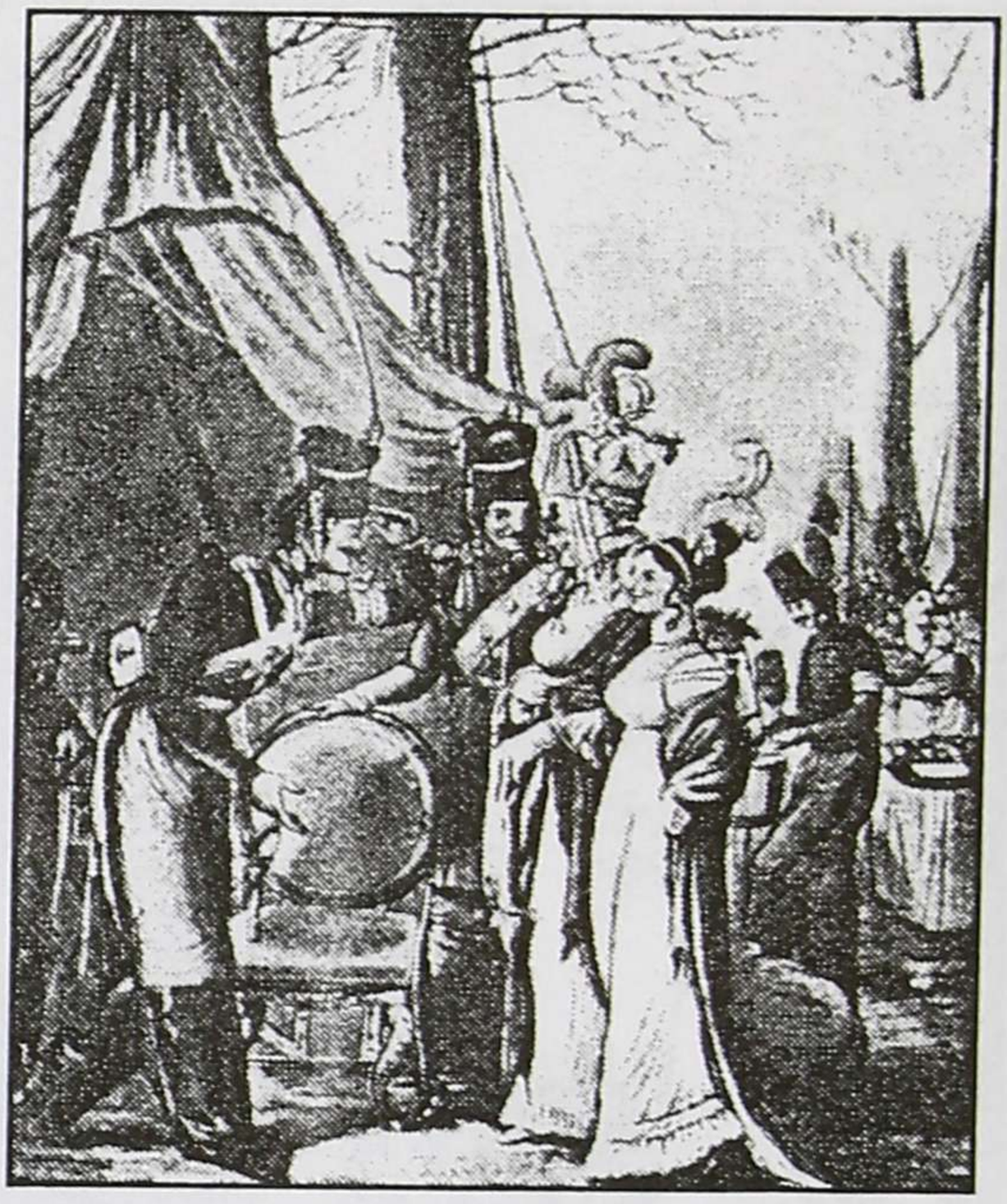

Выступление казаков.

Линейные казаки. Художник А. Орловский.

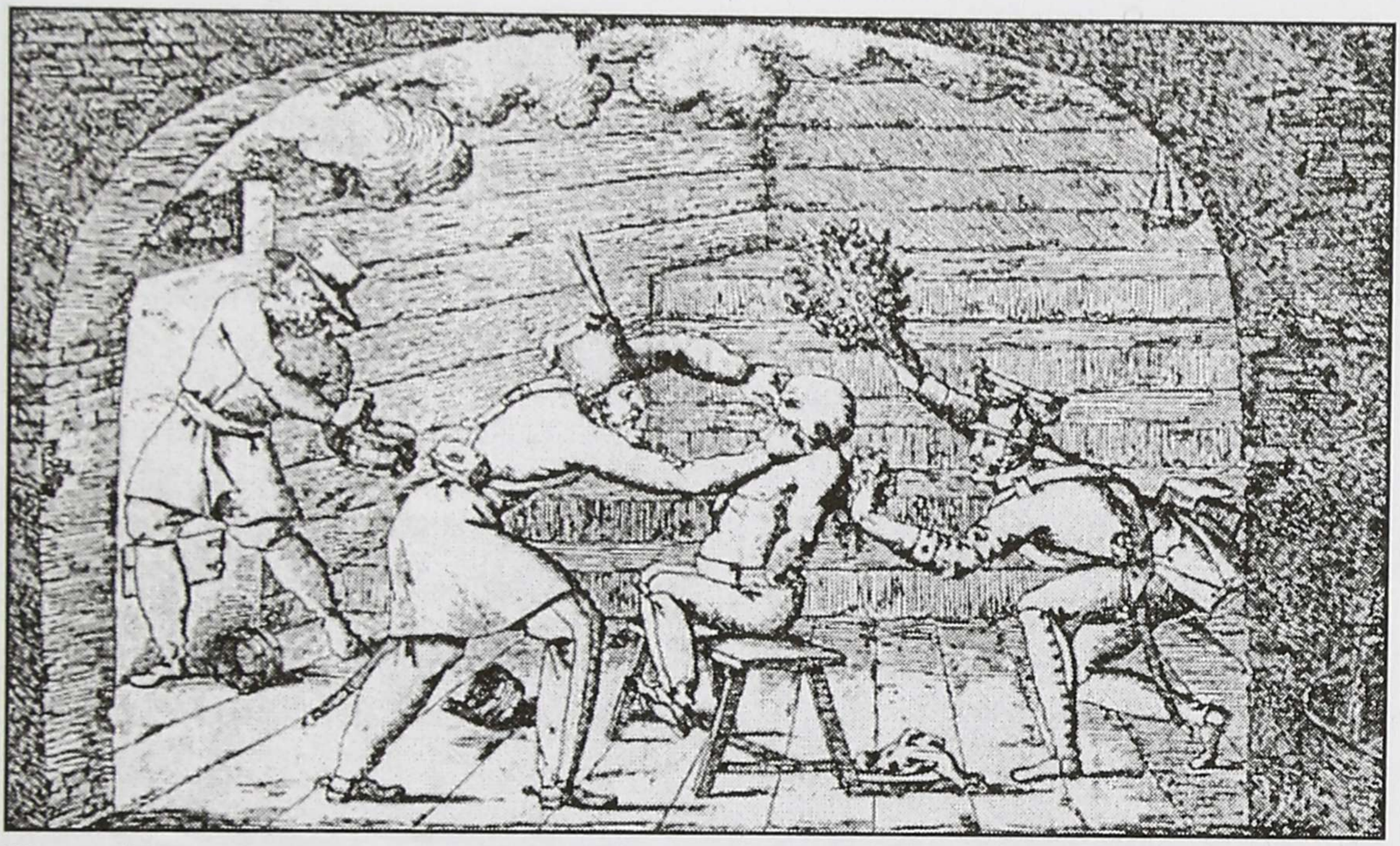

Казаки в Париже. Художник Г. Опиц.

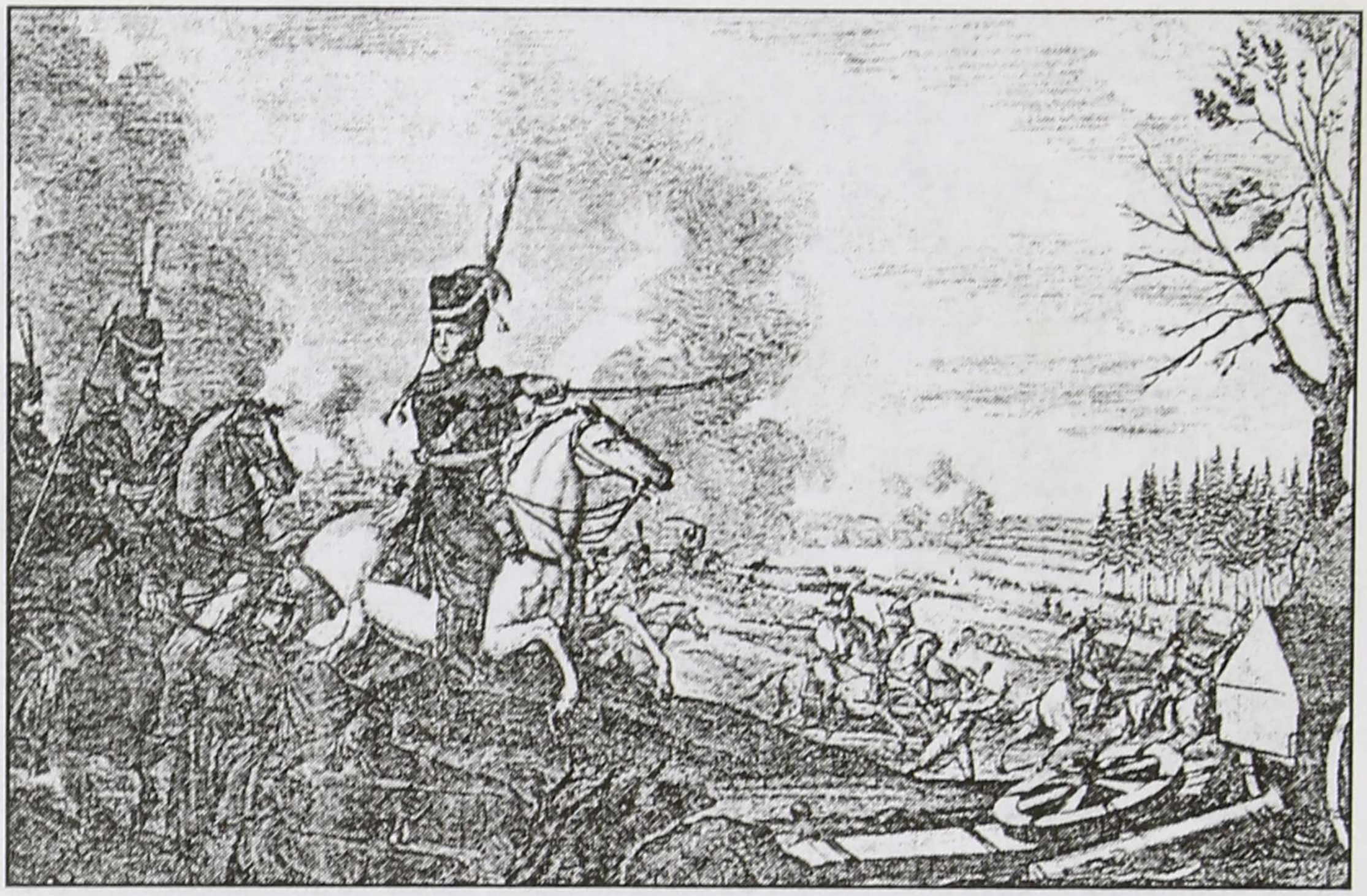
Бивуак казаков на Елисейских полях. 1814 г.

Нап. «Эдакаго мученья я сроду не терпѣлъ! меня скоблютъ и жарятъ, какъ в аду». Ратн. «Отдувайся, коли самъ полѣзъ въ русскую баню; попотѣй хорошенько, а мы не устанемъ поддавать пару». Солд. «Натремъ тебѣ и затылокъ, и спину, и бока; будешь помнить легкую нашу руку». Каз. «Побреемъ тебя, погладимъ, молодцомъ поставимъ». Художник И. Теребенев.

Разрушение всемирной монархии. Художник И. Теребенев.

Бегство французов из Москвы в 1812 г. Художник Д. Скотти.

Победа при городе Духовщине 26 октября 1812 г. Художник Д. Скотти.

В.Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

РАССКАЗЫ ОБ АТАМАНЕ ПЛАТОВЕ

В данный раздел сборника вошли прозаические произведения не только разных жанров, но и различного происхождения. Большую их часть представляют собой исторические анекдоты, однако есть здесь и предания (№ 1—3), и сказки (№ 31).

В большинстве своем эти тексты, в отличие от песен, представленных в сборнике, относятся к тому специфическому пласту фольклора, который связан не с традиционной крестьянской культурой, а с устной традицией определенных маргинальных (маргинальных, разумеется, лишь по отношению к основной народной массе) социальных и/или профессиональных групп. В основном это исторические анекдоты, бытовавшие в дворянской среде и сохранившиеся в мемуарах и дневниках если не самих участников событий, то, по крайней мере, людей, близко их знавших.

Если в песнях Платов представляется народным героем, то в историческом анекдоте его образ имеет совершенно другую окраску. Для народа, несмотря на реальный социальный статус Платова (графский титул, поместья, сотни крепостных), он остается «своим»; он прежде всего казак, а значит, представитель народа. Все, что он делает, он делает намного лучше, чем аристократы. Для дворянской среды, несмотря на тот же социальный статус Платова, он остается чужаком — он казак, а значит простолюдин и выскочка, получивший графский титул не по наследству, а по милости императора, да еще и выпросивший его (см. № 10). Таким образом, и для народа, и для дворянской элиты определяющей в восприятии Платова была социокультурная среда, к которой он принадлежал по происхождению и черты которой он сохранял в поведении, а не формально достигнутое им высокое положение. Именно поэтому исторические анекдоты о Платове посвящены главным образом его неадекватному поведению в высшем свете. Наиболее показательным здесь является рассказ о фарфоровой вазе (№ 13, 14, 15), который известен в нескольких вариантах. Везде подчеркивается, что Платов повел себя не так, как предполагает подобная ситуация. Светский человек, разбив китайскую вазу на приеме у вдовствующей императрицы, должен был смутиться и попросить прощения, а Платов отделался шуткой об особенностях казачьего нрава.

Нетактичное поведение Платова, выдающее в нем простолюдина, описывается и в анекдотах о встречах атамана с Наполеоном. Мало того, что разговор с Наполеоном Платов ведет через переводчика, т.е. не зна-

ет привычного для русского дворянина французского языка, он еще и совершает ряд опрометчивых поступков: говорит, что смотрит на коня, а не на императора (№ 16, 17), выламывает из табакерки, подаренной императором, драгоценные камни (№ 18), не принимает положенный по регламенту встречи союзных монархов с Наполеоном орден (№ 20). Смысл подобных «снижающих» историй очевиден: вознесенный «из грязи в князи» простолюдин остается простолюдином, существом низшего порядка (ценит в драгоценном подарке не оказанную честь, а «низменную» стоимость его материала и т.д.).

Как некий экзотический, непривычный для взгляда европейца (а заодно и уподобляющего себя европейцу русского дворянина — носителя анекдота) персонаж Платов изображается в анекдотах о его пребывании в Англии. Особенно показателен в этом отношении анекдот об обмене дарами между принцем-регентом, подарившим Платову часы, и казацким атаманом, который отблагодарил августейшую особу, отдав ему своего коня (№ 27, 28).

В то же время, хотя Платов и воспринимается чужим в светском обществе, во многих воспоминаниях, не являющихся анекдотами, атаман представлен человеком добродушным, честным, обязательным и любезным, хотя и недостаточно образованным.

«Он (Платов. — *В.Д.*) мне показался прямым потомком гуннов по своей азиатской наружности. Он только что возвратился вместе с государем из Англии, где Оксфордский университет поднес ему грамоту на звание доктора прав. Платов в своем казацком мундире сиял бриллиантовыми украшениями: ими осыпана была его сабля, атаманское перо на казацкой шапке и две звезды в кафтане»[1].

«Платов-казак, но его происхождение сказывается только в некоторой простоте обращения и в недостаточности образования; впрочем, это не бросается особенно в глаза, так как он человек совершенно беспритязательный и крайне добродушный: своим кротким характером и честностью он снискал всеобщую любовь, я редко встречала людей, которые были бы столь же услужливы, как он»[2].

Многие современники отмечают неискреннее отношение к Платову других высших военных чинов, чем обычно и объясняются частью мемуаристов рассказы о том, что Платов проспал, будучи беспробудно пьяным, Бородинскую битву. Генерал А.П. Ермолов поддерживал обвинение Барклаем Платова в пьянстве, в то же время оба они боялись, что Платов может если не увлечь казаков прямо на службу Наполеону, то увести их на Дон и удержать там от действий против французов. Поэтому они были

---

[1] *Свербеев Д.Н.* Записки Д.Н. Свербеева. М., 1899. Т. I. С. 154.

[2] Воспоминания В.И. Бакуниной // Русская старина. 1887. № 2. С. 363.

в сильном затруднении, как себя держать с атаманом. Неискреннее дурное отношение к атаману как бы заражало других, так что Д.В. Давыдов вполне поддался ему. Результатом этого была клевета, будто бы Матвей Иванович в день Бородинского сражения был совершенно пьян[1].

Особую оппозицию Платову составлял Ермолов (который, впрочем, мало о ком отзывался положительно), поэтому в основе многих отрицательных суждений о Платове лежат именно высказывания Ермолова (№ 10, 11). Между тем Ермолова и Платова связывала общая опала при Павле I, ссылка в Кострому и даже предложение Платова отдать одну из своих дочерей в жены Ермолову (№ 9). Сам атаман старался не конфликтовать с Ермоловым, да и генерал в присутствии Платова был дружелюбен (№ 11). «Я слышал от Граббе характеристический анекдот о Ермолове и Платове. Как известно, во время Отечественной войны Граббе был адъютантом Ермолова, который почему-то не доверял Платову, находя его поступки двусмысленными; к этому мнению еще сильнее побуждали его "прелестные письма" Наполеона, которыми он, при вступлении в пределы России обещал казакам разные милости и льготы. При рассказах Ермолова о двоедушии донского атамана вошедший ординарец доложил ему, что атаман Платов просит позволения войти. Когда двери открылись, Ермолов поднял руки и дружески обнял Платова. Граббе, хлопнув дверью, вышел из комнаты. По окончании аудиенции Граббе снова явился к своему месту. На вопрос Ермолова, почему он хлопнул дверью, Граббе ответил: "Я не могу выносить разлада в убеждениях и поступках: человек, которого я считаю двоедушным, никогда не получит моих объятий. Видя, что это сделали Вы, я ушел и, извините, неосторожно хлопнул...". — "Все это так, милый мой, — отвечал ему Ермолов, — но теперь время такое скрытное и сильные люди так нужны, что несмотря на нежелание и черта обнимешь"...»[2]. Ни для кого не безопасное острословие Ермолова было притчей во языцех, и всерьез доверять традиции, восходящей к его рассказам (в дворянской среде исключительно популярным и авторитетным), нельзя.

В противовес анекдотам, бытовавшим в дворянской среде, в народной среде не так уж много прозаических рассказов о Платове. В основном это предание о рождении атамана, зафиксированное в нескольких вариантах, которые, к сожалению, не являются аутентичными записями (№ 1—3).

Кроме того, в нашей подборке имеется текст сказки об атамане Платове, состоящей из нескольких эпизодов. Первый о том, сколько

---

[1] *Богачев В.В.* Платов М.И. // Донцы XIX века. Новочеркасск, 1907. С. 361—362.

[2] *А.К.* Воспоминания о П.Х. Граббе / Донская газета, 1875. Новочеркасск, № 59. С. 233—234.

времени нужно солдату, чтобы собраться в поход — весьма популярен в народной среде и обычно связывается с именем Петра Первого. Второй представляет собой пересказ на народный лад знаменитого сюжета о фарфоровой вазе. Здесь вместо вдовствующей императрицы появляется Кутузов, вместо вазы — макитра, расписанная цветочками, однако ответ Платова остается таким же: «...казак чего в полон с боя не возьмет, тогда уж он его вдребезги разобьет». Третий эпизод описывает встречу с английским королем. Если в анекдотах упор делается на особенности поведения Платова, нетипичные для представителя дворянской аристократии, то здесь представлены те черты характера атамана, которые являются положительными в глазах народа. Если в анекдотах Платов принимает подарок от англичанина и отдаривает его, то в сказке атаман отказывается от турецкой шашки, считая, что «своим оружием способнее врагов бить». Интересны здесь второй и третий сюжеты, бытующие (в иной окраске) и в дворянском анекдоте. Более или менее очевидно, что сюжеты такого рода формировались в военной среде, непосредственно связанной с атаманом (причем первоначально именно в офицерской), а оттуда расходились: через солдатскую и казачью массу — в народ, через офицерство — в дворянские круги (видоизменяясь в зависимости от круга носителей).

Безусловно, Платов в исторических анекдотах, преданиях и сказках отличается от своего реального исторического прототипа. Точно так же и однополярные воспоминания о нем современников не дают возможности представить истинный облик атамана. Устная история более оценочна, чем та, что известна по письменным источникам. Если в песнях образ Платова романтичен и идеализирован, то проза не дает столь целостного портрета казацкого атамана. Можно было бы подумать, что для одной части общества Платов — это выскочка, не умеющий вести себя в свете, пьяница, проспавший Бородинское сражение, для другой — недалекий, добродушный человек, честный и порядочный. На деле, однако, речь идет скорее о разных «жанрах восприятия» Платова одними и теми же лицами. Как «представитель простонародья», попавший не в свой круг, Платов воспринимается дворянами весьма сниженно (что и отражает анекдот), как реальный индивидуум — гораздо благоприятнее (здесь определяющую роль играют уже не социальные, а личные черты Платова, которые и отражаются в воспоминаниях о нем). Только в сознании простого народа (для которого индивидуальность Платова не существует вообще, зато его социальный облик оказывается возвышающим, а не снижающим фактором) образ Платова приобретает черты идеального героя, само рождение которого имеет сверхъестественный характер.

РАССКАЗЫ О ПЛАТОВЕ

РОЖДЕНИЕ ПЛАТОВА

№ 1

...В тот самый день, в который Платов должен был увидеть свет, отец его, занимавшийся судоходством, пошел посмотреть стоявшее на протоке Дона судно свое, в расстоянии от дома не более 100 саженей. На пути сем какая-то птица, летевшая над ним, выронила небольшой кусок ржаного хлеба, и прямо к нему на шапку. Почтенный старик перекрестился, сотворил молитву и спрятал этот кусок в карман. Потом едва приближился он к берегу, как новое чудо ему встретилось. К ногам его, без всякого видимого побуждения, выпрыгнула из воды рыба, сазаном именуемая, и столь была покорна, что он мог схватить ее и понести живую домой. Но едва подошел он к дому, как услышал радостные поздравления, что Бог даровал ему сына. Восхищенный старик, приняв тогда все с ним пред тем встретившееся за счастливое предзнаменование свыше, от полного сердца возблагодарил Бога. И потом с ближними своими, выпив по рюмке водки, закусил принесенным куском хлеба; а пойманною рыбой угостил друзей за обедом.

№ 2

Народное предание так рассказывает о дне его рождения. В этот день отец его, заслуженный войсковой старшина, имевший на Дону свои торговые суда, пошел к реке. Вдруг птица, летевшая над ним, уронила ему в шапку кусок хлеба.

— Добрая примета! — проговорил почтенный старик, перекрестился и положил этот кусок себе в карман.

Когда же он подошел к берегу, то к его ногам из воды выпрыгнул громадный сазан. Взволнованный этими необычными происшествиями, Платов отправился домой и узнал, что у него родился сын.

Старик собрал своих друзей и угостил их куском хлеба, оброненным птицею, и жареным сазаном, так чудесно ему доставшимся.

— Добрая примета! — повторяли его приятели и по старому казачьему обычаю дарили новорожденного — кто шашкой, кто пистолетом, кто седлом черкесским.

Родился казак-воин, и все это — про то каждый знал — скоро ему понадобится.

Орфография сохранена в соответствии с оригиналами (*ред.*).

№ 3

Народная фантазия украсила рождение своего героя — атамана Платова разными легендарными рассказами, предсказывающими будто бы славное его будущее. Передают, будто в то время, как родился мальчик, отец его был у реки; птица, пролетавшая над его головой, уронила кусок хлеба, а большая рыба бросилась на берег к его ногам.

ПЛАТОВ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

№ 4

Платов, уже украшенный знаками Святой Анны 1-й степени, Владимира 2-й степени, Святого Георгия 3-го класса, был сослан в Кострому по следующей причине: Государь, прогневавшись однажды на генерал-майоров Трегубова, князя Алексея Ивановича Горчакова и Платова, приказал посадить их на главную дворцовую гауптвахту, где они оставались в течение трех месяцев. Платов видел во время своего ареста следующий сон, который произвел на него сильное впечатление: закинув будто бы невод в Неву, он вытащил тяжелый груз; осмотрев его, он нашел свою саблю, которая от действия сырости покрылась большою ржавчиной. Вскоре после того пришел к нему генерал-адъютант Ратьков... Ратьков принес, по Высочайшему Повелению, Платову его саблю, которую Платов вынул из ножен, обтер об мундир свой и воскликнул: «Она еще не ржавела, теперь она меня оправдает...». Ратьков, видя в этом намерение казаков бунтовать против правительства, воспользовался первым встретившимся случаем, чтобы донести о том Государю, который приказал сослать Платова в Кострому. Между тем Платов, выхлопотавши себе отпуск, отправился через Москву на Дон, но посланный по Высочайшему Повелению курьер, нагнав его за Москвой, повез в Кострому.

ПЛАТОВ ИДЕТ В ИНДИЮ

№ 5

В одном доме после сытного обеда Матвей Иванович, по обыкновению немного подвыпивши, сел на диван со многими товарищами-генералами, а мы, молодежь, окружили эту любопытную группу. Кто-то спросил Платова, чем он был при Императоре Павле Петровиче. Матвей Иванович, почесав у себя в голове, с расстановкою, своим мало-

российским наречием сказал: «Я, господа, при Императоре Павле Петровиче по доносу одного из сослуживцев своих сидел в Петропавловской крепости вместе с Алексеем Петровичем Ермоловым. Я был тогда в чине генерал-майора и заправлял его донцами. Крепко грустил я в крепости, не зная, чем кончится эта участь. “Не грусти, казак, — атаманом будешь”, — сказал мне А.П. Ермолов. В одну ночь меня потребовали во дворец и ввели в кабинет Государя, пред которым я упал на колени. Государь велел мне встать и сказал: “Генерал Платов, вот тебе табакерка с моим портретом”. Не понимая причины такой милости, я однако же облобызал его царскую руку. Государь продолжал: “Поезжай на Дон, собери полки и выступай в поход. Перед выступлением получишь маршрут, карту, и узнаешь, куда идти, и тогда пришлешь мне рапорт с надежным офицером об исполнении моего повеления. Ступай...”. С Павлом шутить нельзя было, не такой был человек, но я чувствовал, что не к добру взвалил он на меня это поручение. Я знал, что Павел верил доносу на меня и был убежден, что дело идет о том, чтобы меня погубить. Так или иначе, а действовать было надобно. Поехал я на Дон, живо собрал 20 тысяч казачков, отслужил молебен и готовился потянуться в неизвестный путь, как получил по обещанию государя карту, маршрут и приказ: открыть путь в Индию... Легкое дело!... Я хранил все это в тайне по приказу царя. Вот прошли мы Саратовскую губернию, Астраханскую, и втянулись в необозримые киргизские степи. Пока были мы в своих границах, донцы мои были веселы, и песни их раздавались беспрестанно. Полковники и офицеры старались узнать, куда я их веду, но я крепко хранил тайну. Жары нас одолевали, провиант истощался, воды часто не было, и только отвратительные гадюки (змеи) ползали вокруг нас. Уже шесть недель мы в походе, а нет надежды к нашему возвращению, и, кажется, придется всем нам сложить свои головы. Сначала, правда, думал я, что государь хочет нас наказать небольшой прогулкой, а там помилует и возвратит. Но нет... И часто оглядывался я на родную сторонку, не пошлет ли она нам вестника возвращения... В одно утро старшины и сотники объявили мне, что полки уже два дня без воды, в войске ропот, что казачки отказываются идти далее. Полководцы просили меня сказать, куда я их веду... Плохо! “Погодите до завтра, детушки, — сказал я, — утром вынесу свой походный образ, отслужим молебен, и тогда скажу войску, куда мы идем”. Грустно разошлись мои товарищи, печально полез я в свой шатер, и, на бурке лежа, так рассуждал: или свои меня убьют, или Павел повесит за неисполнение приказания. Тут смерть и там смерть. Ежели завтра не будет нам приказа вернуться, то передамся я со своим войском туркам и буду служить новому царю. Так пролежал я целую ночь и не смыкал глаз.

Стало светать. Вдруг полы шатра моего зашевелились, и лезет ко мне на четвереньках человек не человек, черт не черт, зверь не зверь и мычит каким-то хриплым голосом: “Воды... воды...” Я вскочил на ноги и подал несчастному, лежавшему на земле, несколько глотков, и тогда только он проговорил: “Павел скончался... Императором — Александр, и возвращайтесь на Дон”».

ПЛАТОВ И ВЫСШЕЕ ОБЩЕСТВО

№ 6. Платов и Прусский Король

По сему случаю[1] между многими генералами, назначенными к встрече Короля, Государь Император повелеть соизволил быть и Графу Платову, с тем, чтобы он ожидал Его Величество при самом вступлении из Силезии в Герцогство Варшавское. Граф Платов при сем случае увидел новый опыт особого к себе благоволения, которое сей государь ему до того оказывал. Узнав, что его на границе ожидает Граф Платов, Король приказал поспешить — и, когда увидел его, то тотчас вышел из коляски, бросился его обнимать, с изъявлениями искреннего удовольствия, что видит его здоровым. Потом, изъявив ему благодарность от лица всей избавленной Пруссии, промолвил сии незабываемые слова: «Вам еще должно беречь себя, Граф, для блага Вашего отечества и всей угнетенной Европы».

№ 7. Платов и Великий Князь Михаил Павлович

Наконец 16 сентября, около шести часов вечера, жители Новочеркасска узрели вожделенное приближение знаменитого путешественника[2]. Граф Матвей Иванович, хотя весьма слабый здоровьем, ожидал однако ж Его Высочество у городских ворот, окруженный многочисленной свитой. Приближаясь к городу, Великий Князь заметил, что для встречи его поставлены казачьи полки, и потому пожелал въехать в город верхом. Три гонца, один за другим, прискакали к Графу с просьбой от имени Его Высочества, чтобы он поспешил выслать к нему верховую лошадь. Хотя заводные лошади были в готовности, но Граф однако ж отвечал посланным: «Как мне это сделать? Из пушек вдарят, народ родостный закричит, а лошадь может испугаться, да и шарахнуться,

---

[1] Встреча Александра I и Короля Прусского Фридриха-Вельгельма.

[2] Речь идет о Великом Князе Михаиле Павловиче.

особенно на мосту. Каково тогда мне будет! Как явлюсь я к Матушке Императрице, моей великой благодетельнице? Конечно, Его Высочеству, по летам своим и по свойству своему ко всему военному, угодно помолодцевать: это нам радостно и являет его к нам милость, но нам надо его беречь. Нет! Лучше я подвергнусь гневу его, а не дам лошади, и не дам!» И действительно лошади не выслал.

№ 8. Кутузов о Платове

Себастьяни (наполеоновский генерал. — *В.Д.*) после долгого сватовства, и фанфаронства, и исчисления монархов, покорных воле Наполеона, переменя речь, разговорился о Платове и вдруг, оборотясь к Кутузову, спросил его:

— Что такое казачий атаман?

— Это что-то похожее на вашего Вестфальского Короля, — отвечал Кутузов.

Себастьяни закусил губу. Это было в Яссах, в конце 1807 года за обеденным столом у главнокомандующего молдавской армией фельдмаршала князя Прозоровского. Себастьяни проезжал тогда из Константинополя в Париж.

№ 9

Однажды Платов, гуляя вместе с Ермоловым в этом городе (Костроме. — *В.Д.*), предложил ему после освобождения своего жениться на одной из своих дочерей; он в случае согласия обещал назначить его командиром Атаманского полка...

Платов, изумлявший всех своими практическими сведениями в астрономии, указывая ему на различные звезды небосклона, говорил: «Вот эта звезда находится над поворотом Волги к югу; эта — над Кавказом, куда бы мы с тобой бежали, если бы у меня не было столько детей; вот эта — над местом, откуда я еще мальчишкой гонял свиней на ярмарку».

№ 10

Князь Багратион, имевший всегда большое влияние на Платова, любившего предаваться пьянству, приучил его в 1812 году к некоторому воздержанию от горчичной водки — надеждой на скорое получение графского достоинства. Платов часто осведомлялся у Ермолова, не привезен ли был в числе бумаг указ о возведении его в графское достоинство.

№ 11. Платов о Ермолове

[В размолвках с Ермоловым Платов старался всегда погасить спор. Так он сказал однажды своему секретарю Смирному]: «Оставь Ермолова в покое, ты его не знаешь, он в состоянии сделать с нами то, что приведет наших казаков в сокрушение, а меня в размышление».

№ 12. По случаю награждения жены Платова

[По случаю награждения жены Платова орденом Св. Екатерины генерал Марков иронизировал]: «Прежде были штатс-дамы, а теперь штатс-бабы».

№ 13. О фарфоровой вазе

Раз он был в гостях у Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны и когда, выходя вместе с другими из ее покоев, стал раскланиваться с Императрицей, нечаянно задел саблей стоящую около дорогую фарфоровую вазу; она упала, разбилась и повалила еще несколько ваз, которые тоже разбились. Сам Платов, кинувшись поддержать вазу, поскользнулся на паркете и упал бы, если бы его не поддержала сама Императрица. Другой растерялся бы совершенно и дал бы пищу бесчисленным шуткам и разговорам. Платов же не потерялся. Поцеловав руку Императрице и благодаря ее за поддержку, он сказал присутствующим: «Верно правду говорит пословица: что казак не может взять с собой, то он разобьет».

На другой день все говорили о находчивости атамана Платова и повторяли его последнюю фразу.

№ 14

В бытность в Петербурге Платов был как-то приглашен на обед во дворец к Государыне Марии Федоровне. Раскланявшись после обеда с Императрицею, Платов нечаяно зацепил саблей за дорогую фарфоровую вазу. Последняя упала и разбилась вдребезги. Но Платов ничуть не смутился и заметил весело: «Недаром есть пословица: чего казак не возьмет, так разобьет...». Все присутствовавшие расхохотались.

№ 15

Однажды по неосторожности задел он во дворце саблею вазу, которая упала и разбилась. Вместо того чтобы смутиться, сказал он шутя: «Казак таков, если не унесет чего с собой, то разобьет».

ПЛАТОВ И НАПОЛЕОН

№ 16

В пребывание мое в 1807 году в Тильзите, стоял я с Графом Матвеем Ивановичем перед кабинетом в Бозе почившего Государя, как вдруг Его Величество изволил выйти с Наполеоном и представил ему Графа. Непонятно, что сделалось с Бонапартом: он изменился в лице, отскочил от него, и не ушел, а убежал в другую горницу. Граф со свойственным ему всегда равнодушием шепнул мне: «Что испугался он меня как кабана?». Через несколько минут входит Бонапарте и начинает разговор: «Est-ce que le Général est pour la première fois ici?», то есть «В первый ли раз генерал здесь?». Ответ Графа: «В первый и в последний». «Comment lui plaisent ces environs? Как ему нравятся здешние места?» Ответ: «Мне везде хорошо».

После таких отрывистых ответов оставил Бонапарте его с приметнейшим неудовольствием. Через час, когда Бонапарте вышел и садился на лошадь, Граф Матвей Иванович Платов, смотря со мной из окошка, не спускал с него глаз своих. Стоявший тут же Бертье (Герцог Нешательский и Ваграмский, заметив сие, обратился ко мне с сими словами: «Le Général fixe attentivement S.M. notre Empereur?», то есть «Генерал смотрит пристально на Его Величество нашего Императора?»

Когда я ему перевел, то он велел мне ему отвечать: «Нет, я смотрю на коня: должно быть персидской породы». Бертье понял его и ушел.

№ 17

Под Тильзитом был сделан войскам нашим генеральный смотр, на коем присутствовал Государь Император с Королем Прусским и с Наполеоном. Платов старался держаться в таком положении, чтобы удобно было высматривать сего последнего. Находившийся вблизи его один из Французских Маршалов, заметя столь пристальные взоры Платова на Императора своего, подъехал к нему и через переводчика сделал следующий вопрос:

— Конечно, атаману нравится Великий Наполеон, что он так пристально на него смотрит?

Платов по обыкновенной сметливости своей, тотчас понял силу вопроса его, и не давая ему далее распространяться, тотчас с видом простодушия, но тоном смелым и решительным ответствовал:

— Я вовсе не на Императора вашего смотрю; в нем нет ничего нео-

быкновенного; так же, как и прочие люди! Я смотрю на лошадь его; а как сам знаток, то весьма хочется мне отгадать, какой она породы, персидской, арабской, а может и египетской, или и другой какой нации.

№ 18

Вскоре после сего смотра, Наполеон, вероятно слышавший от своих генералов об искусстве, с каким Платов стрелял из лука, пожелал удостовериться в том своими глазами... Необыкновенная ловкость, искусство и проворство, с коим Платов показал умение свое стрелять из лука, привели Наполеона в удивление. В восторге он несколько раз подбегал к Платову, и напоследок, в изъявление своего удовольствия и признательности просил его принять от него на память табакерку со своим портретом, осыпанную драгоценными каменьями. Одна Высочайшая воля Государя Императора заставила Платова принять от Наполеона сей подарок. Но чтобы не остаться в долгу, Платов тотчас поднес Наполеону тот самый, прекрасно впрочем отделанный лук, из которого он стрелял...

Едва Платов после сего свидания возвратился на свою квартиру, как и выломал из подаренной табакерки каменья и при первой оказии отправил к дочерям своим...

№ 19

Неудовольствие Наполеона против Платова обнаружилось явно, когда при соблюдении взаимного этикета, надобно было русским генералам представиться Императору французов. Коль скоро дошла очередь до Платова, Наполеон бросил на него быстрый взгляд, и с необыкновенным смятением прошел мимо, не сказав ни одного слова в приветствие, как то обыкновенно бывает. Платов не огорчился сею встречею; но еще любил шутить над нею, говоря, что он не знает, отчего так странным показался Наполеону, когда ничем не различается наружностью от других людей.

№ 20

По заключении общего Тильзитского мира, при свидании Союзных Монархов с Наполеоном, сей последний известил Государю Императору желание свое, что ему бы хотелось, в знак уважения к некоторым отличившимся генералам Российской армии, наградить их французским Орденом Почетного легиона. Это намерение Наполеона передано

было Платову... Атаман донцов... сказал с твердостью: «Воля его, как ему угодно; но если бы в самом деле прислал он мне в награду свой орден, то я его не приму, и так доложу верноподданнически и Государю моему. За что ему меня награждать? Вишь я ему не служил, и служить не могу никогда; я служу верою и правдою своему Государю, и никогда ему ни в чем не изменял; я противу его за права нашего Ангела, бесконечного в милостях и отеческой к нам любви Государя, готов всегда проливать кровь свою до последней капли и издыхания, но за него [Наполеона] ни капли крови, ни минуты времени не пожертвую, и ничего меня к тому не принудит; в том каюсь и клянусь перед Всемогущим Богом».

1812 год

№ 21. Клятва Платова

31 августа [1812] Платов в почтовой бричке помчался на Дон поднимать на защиту все Войско Донское.

— Родную дочь отдам замуж за того казачишку, который возьмет мне в плен Наполеона, — повторял старый атаман.

№ 22. Проницательность Платова

Так удивил он нас однажды за обедом: присылается к нему по Высочайшему Повелению один беглый, объявивший себя из казаков, для допроса из какой он станицы. Граф взглянул на него; тот поклонился. Он тотчас сказал: «Нет, не наш, не по-нашему кланяется». А тот тут же признался, что он беглый солдат, а не казак.

№ 23. Отношение Платова к службе

Я (Смирной. — *В.Д.*) решил было однажды представить ему положение его и посоветовать, чтобы к сбережению здоровья своего, столь полезного и нужного для отечества, взял он на некоторое время покой от должности; но несмотря на его ко мне благосклонность и расположение, получил на сие с жаром произнесенный следующий ответ: «Чем вы меня хотите сделать — ребенком что ли? На что я буду похож, когда после таких неисчислимых милостей ко мне премилосердного Государя, посмею спрашивать у него хоть на минутку отдохновения от должности? Легче я умру, чем решусь произнести сие!»

ПЛАТОВ В АНГЛИИ

№ 24. Англичане носят Платова на руках

В 1814 году англичане пригласили в Лондон в гости нашего воинского атамана графа Платова. Навстречу ему выслали на пристань массы народа, а впереди их стояли лорды да сановники.

Думали они, как бы лучше почтить дорогого гостя. И вот кто-то из англичан, знавший казацкий обычай «качать на пиру», рассказал об этом лордам; те с радостью ухватились за казацкий обряд и порешили «принять на руки» Матвея Ивановича Платова прямо с корабля, на котором он уже подплывал к берегу.

Вдруг корабль остановился по причине мелководья за несколько сажень от берега. Однако же лорды, недолго думая, побрели в башмаках, чулках и подвязках, по пояс намочились, но добрались до корабля. Видят они, что на борту корабля, с краю стоит разукрашенный в золоте и орденах претолстый и преважный генерал — нечего долго думать, лорды схватили его на руки и побрели с ним на берег. Сделавши несколько шагов, они спросили: — Вы знаменитый казацкий атаман? — Нет, я Князь русский N.N.

Лорды с досадою швырнули его в воду и опять побрели к кораблю искать Платова; а Князь, окунувшись в воду с головой, чуть было не утонул и кое-как выбрался на берег, как мокрая курица.

Платова англичане нашли и на руках принесли на берег.

№ 25. Платов на скачках в Лондоне

[На ипподроме в Аскоте (Лондон) 1 июня (н.с.) 1813 г.] ...народ требовал Блюхера и Платова. Регент должен был уведомить, что они скоро будут. Через несколько минут «ура!» возвестило приезд сих героев, и все бросились к ним навстречу. Большого труда стоило Блюхеру удержать народ, чтоб не раскладывали (так! — *В.Д.*) его кареты; а Платова, который ехал верхом, так стеснили, что не мог он ни шагу подвинуться ни в одну сторону. Всякий хватал его за руку и почитал себя счастливейшим человеком, когда удавалось ему пожать ее. Часто пять человек держались за него, каждый за палец, и передавали оный знакомым и приятелям своим. Весьма хорошо одетые женщины отрезывали по волоску из хвоста графской лошади, и завертывали тщательно сию драгоценность в бумажку.

№ 26. Платов и английские дамы

В Лондоне [Платов] был удивлением гордых великобританцев, и здешние английские дамы за честь себе поставляли вырвать из гривы донского коня волосы, которыми украшали драгоценные свои склаважи (esclavage — здесь — золотая цепь на шее. — *франц.*), перстни и прочие убранства; забавно, что он чужеземец, а чтили в нем знаменитого победами мужа.

№ 27. Конь Платова

Его Высочество (Принц-Регент. — *В.Д.*) узнал потом, что тот величавый белый конь, на котором Граф Платов неоднократно являлся в Лондоне, был верным и неизменным его спутником не только в последнюю достославную войну, но и во всех прежних бывших, в которых сей герой участвовал, приказал срисовать сего коня, и картину сию поставить у портрета Графа Платова. Герой, чувствительный к тому вниманию обладателя Британии, не мог лучше показать ему своей признательности, как разлукою со своим верным товарищем, на котором столько лет носясь вихрем, по выражению известного поэта, «свистал врагам бедой в уши»: Граф подвел в дар Принцу-Регенту самого коня, в полном казацком уборе. Принц весьма довольный сим подарком, приказал сего донского Буцефала держать на своей конюшне и беречь особо.

№ 28. Часы и конь

Однажды Граф отозвался к хозяину дома, в котором жил, что желал бы знать такого часового мастера в Лондоне, у которого можно было бы купить самые лучшие английские часы, во что бы то впрочем ни стало. Британец показал вид, что верного сведения о том доставить не может, но постарается узнать. Не далее как на другой день, к немалому изумлению Графа Принц-Регент прислал к нему в подарок прекраснейшие часы со своим гербом; ибо догадливый хозяин Графа нашел случай неприметно довести до сведения Принца о желании своего постояльца.

Граф донес о полученном подарке Государю и лично возблагодарил Регента.

№ 29. О стальной блохе

В бытность в Англии императора Александра I мастера́ лондонского оружейного завода подарили Его Величеству миниатюрную стальную блоху замечательной работы с внутренним механизмом. Платов, горячо

любивший все русское, родное и менее всех восторгавшийся чудесами английской техники, уведомил Государя, что наши мастера не уступят англичанам в знании своего дела и в искусстве.

По возвращении в Россию Платов отвез эту блоху в Тулу и поручил одному из лучших мастеров сделать что-нибудь еще более замечательное. И мастер оправдал доверие Матвея Ивановича: он подковал английскую блоху на все ноги! При этом сделал это так искусно, что крошечные подковы можно было рассмотреть только с помощью сильного увеличительного стекла; на каждой подкове было вырезано имя мастера.

ЖЕЛАНИЕ ПЛАТОВА УМЕРЕТЬ НА РОДИНЕ

№ 30

Граф Матвей Иванович, не доезжая до города несколько верст, приказал остановиться у небольшого находившегося тут кургана, взошел на него, обратился к открывшимся крестам, на городских церквах сияющих, и сотворив три земных поклона, с пролитием слез, произнес следующие выразительные слова: «Слава Богу Всевышнему послужил царю и странствовал довольно; теперь в краю родном, благославит меня спокойно здесь умереть, и кости мои приберут в земле родной». Он взял потом гость земли и крепко поцеловал ее. В это мгновение, как бы нарочно, пошел сильный дождь и продолжался около пяти минут. Граф во все сие время стоял на месте с открытой головой и говорит, что случай сей, признает весьма хорошим предзнаменованием. По минованию тучи он поклонился на все стороны и отправился далее.

ДОНСКОЙ ГЕРОЙ ВИХРЬ-АТАМАН ПЛАТОВ

№ 31

Встретился как-то французский генерал со славным донским вихрь-атаманом Платовым и говорит ему:

— Удивляюсь я, как мои славные солдаты, побеждавшие всех царей и королей, немало их войска в плен побравшие, не могут осилить и одолеть твоих казаков. Моих солдат всегда в два, а то и в три раза больше бывает, а казак всегда их одолевает.

Улыбается славный донской вихрь-атаман Платов, свои усы покручивает:

— А ты думал как же, французский генерал, что же мы, лыком что ли шиты, из гнилой мочалы виты? Будь твоих солдат и в десять раз больше донских казаков, голову я на отсечение дать готов, всех они их одолеют, не тратя лишних слов. Нрав у них таков...

— Не может этого быть, чтобы один твой донской казак моих десять славных воинов стоил, чтобы он в бою мог их всех одолеть. Не поверю я этому никогда.

Славный донской вихрь-атаман Платов свои усы опять покручивает, шашечку на себе поправляет:

— Это твое дело, хоть верь, хоть не верь, а вот скажи мне теперь, сколько времени нужно твоему солдату, чтобы в поход собраться и до своего ему врага добраться.

Задумался французский генерал. В уме прикинул и по пальцам сосчитал.

— Моему славному солдату потребуется в поход собраться и до врага добраться ни много и ни мало — целых три дня.

Славный донской вихрь-атаман Платов так и закрутил головой. — Да ты, верно, французский генерал, с ума спятил, когда на сборы своему солдату столько времени отметил.

Французский генерал к нему:

— Сколько же времени надо твоему казаку?

Не стал тут с ним славный донской вихрь-атаман Платов слов тратить.

— Пойдем лучше старого да бывалого служивого казака спросим. Он тебе скажет, а лучше всего укажет, сколько ему времени на сборы в поход требуется.

Согласился французский генерал с донским вихрем-атаманом Платовым. Пошли они старого да бывалого казака спросить, сколько ему времени требуется в поход собраться, до своего врага добраться. Подошли к палатке, а возле нее сидит старый да бывалый служивый казак, уздечку чинит. Глядит на казака французский генерал, дивится, как это он один десять его солдат может одолеть. Глядел-глядел и спрашивает:

— Скажи, служивый казак, старый да бывалый, сколько времени тебе потребуется в поход собраться, до своего врага добраться?

Служивый казак старый да бывалый сам дюже перед французским генералом не робеет, да тут и славный донской вихрь-атаман Платов подбодряет.

— Ты, если хочешь, расскажи, а еще лучше французскому генералу самолично покажи, сколько тебе времени потребуется в поход собраться, до своего врага добраться. Да при этом не поленись, как надо подтянись.

Служивый казак, старый да бывалый, починил уздечку смаху и говорит:

— Хоть сейчас готов. Шашка с нами, ружье за плечами, пику поднял, в руки взял. Конь напротив стоит и на меня глядит. Я на него уздечку надел, ногой в землю уперся и сел. Куда ехать укажите, какого врага бить мне прикажите.

Французский генерал на часы свои здоровые глядит, глаза как баран вылупил, стоит и славному донскому вихрю-атаману Платову говорит:

— Да и не может же этого быть, на моих здоровых часах и десяти минут не прошло, а твой служивый казак, старый да бывалый, сумел в поход собраться. Он и часа еще не пройдет — врага найдет.

Не выдержал тут славный донской вихрь-атаман Платов, рассмеялся и говорит французскому генералу:

— Где мне с моими казаками за тобою и твоими солдатами угнаться, когда они у тебя по три дня в поход любят собираться!

А сам все усы покручивает да смеется.

— Служивому казаку, старому да бывалому, недолго в поход собраться, до врага добраться. Не сумеет стриженая девка косы себе заплести, как он уж на коня успеет сесть. Сядет, поедет, врага узрит, на него ненароком налетит и победит.

Задумался французский генерал.

— Если так, то твоя правда, один казак моих десять солдат одолеть может, он их всех изничтожит.

Стал тут славный донской вихрь-атаман Платов прощаться, стал с ним ручкаться и говорит ему:

— Ты навсегда это заметь, на своем французском длинном носу отметь, что не скопом и ордою врага бьют, не разом все на него идут. Вся моя наука состоит в том, что надо не робеть и не зевать, и будешь ты врага всегда побеждать.

Вызвал раз к себе Платова сам главнокомандующий всею русской армией генерал и фельдмаршал Кутузов. Как получил Платов от конно-нарочного пакет с бумагою, где сообщалось, что он должен не медля ни одной минуты к нему в самый главный штаб скакать, выскочил тут же Платов из палатки, коня плетью через лоб вытянул и, что было у него силы, поскакал. Прискакал, коня за повод у крыльца одним махом прикрутил и идет по чулану, плетью помахивает, себя по сапогу бьет. Вошел в переднюю горницу и говорит ординарцам:

— Идите Кутузову сейчас докладывайте, к нему Платов приехал.

Побежали ординарцы к Кутузову говорить, что к нему Платов приехал. А Платов тем временем все по передней горнице похаживает, не

сидится ему, да поглядывает, чем эта горница у Кутузова убрана. Видит он, полы все у него коврами мягкими устланы. Наступишь на ковер ногою, а она в нем, как в траве, вся тонет. Подошел к окну, а возле него на особом маленьком столе какая-то белая здоровая макитра чудная стоит и синими, и красными, и желтыми, и голубыми цветочками вся изукрашена. Стоит Платов перед окном и дивится на эту самую чудную макитру. В это время возьми да и выйди в переднюю горницу Кутузов. Заторопился Платов, хотел он поскорее с Кутузовым поздравствоваться, ручка за ручку с ним поручкаться. Поспешил да шпорами за ковер зацепился, шашкою промеж ножек стола запутался. Потянул ковер за собою, повалил стол на бок. Белая да здоровая макитра чудная на пол упала да так вся на самые мелкие черепушки и разлетелась. Закачал головой Кутузов, закрутил.

— Что же ты это, Платов, наделал? Мою самую дорогую китайскую вазу разбил, на самые мелкие черепушки она разлетелась. Так разлетелась, что теперь ее самому мудреному мастеру ни слепить, ни склеить не удастся.

Хоть и неловко было Платову, да он не робеет.

— Ничего не сделаешь, Ваше Сиятельство, я уж и врагов своих всех привык так бить, что их самый мудреный мастер ни слепить, ни склеить не сумеет. А то что бы я и за вояка тогда был.

Улыбнулся Кутузов. Приободрился Платов, усы свои не так ли покручивает.

— Так уж оно, Ваше Сиятельство, повелось спокона веков, если казак чего в полон с боя не возьмет, тогда уже он его вдребезги разобьет.

Рассмеялся Кутузов, за бока себя хватает, на глазах слезы утирает.

— Молодец, казак Платов, что не растерялся, своей неловкости не испугался.

Когда окончилась Отечественная война и русские войска, а вместе с ними и донские казаки, какими в то время Платов командовал, вступили во французскую столицу город Париж. Пригласил в то время Платова к себе в гости английский король, какой в то время с французским царем не дружил и его войска тоже французов били. Больно уж ему хотелось Платова повидать. О его храбрости и удали он был дюжа наслышен. Прислал он во Францию свой корабль. Сел на него Платов и поехал прямо морем в английскую столицу. Приехал, слез с корабля и пошел в королевский дворец. Тут его королевские слуги со всех сторон окружили и прямо без задержек к королю повели. Не знал английский король, где ему дорогого гостя донского казака Платова посадить. Сажал он его на стульчик золоченый. Угощал самыми редкими кушаньями, потчевал винами заморскими. Сидит себе донской казак Платов у

английского короля на золоченом стульчике, самые редкие кушанья его подъедает, себе вином заморским его запивает, не робеет ничуть, с английским королем речи гутарит. Говорит ему английский король:

— Знаешь что, донской казак Платов, слыхал я, что ты удалой и бесстрашный человек, а такие люди мне в моем английском государстве завсегда требуется. Переходи ты ко мне от русского царя, сколько хочешь спросишь себе жалования, все тебе буду чистым золотом платить из своей казны королевской без всякой задержки и проволочки.

Услыхал такие слова, обиделся донской казак Платов и говорит он английскому королю:

— Послушай ты меня, английский король, говорю тебе честно, такие слова от другого услышав, я за обиду себе почел бы, голову бы ему недолго думая шашкою срубил, но так как ты с нами дружишь и французов вместе бил, то скажу тебе я, ничего не потаю: не русскому царю, всей России-матушке я честно и правдиво служу, и такая моя служба, король английский, ни за какие деньги не покупается. Собери все золото, какое на земле есть, и то ты за него такой службы, как моя, нигде не купишь.

Понял тут английский король, что донской казак Платов такой человек, дружбу и службу какого ни за какие блага на свете, ни за какое золото не покупается. Обнял он его и расцеловал в самые губы. Потом и говорит он ему:

— Проси у меня чего хочешь, всем тебя за твои правдивые слова одарю.

Улыбается себе Платов и говорит:

— Ничего-то мне не надо, ничего-то мне от тебя, английский король, не требуется.

Все предлагал ему английский король — и золото, и серебро, и жемчуг, и драгоценные камни. Ничего себе не берет от него донской казак Платов. Опечалился английский король, не знает он, чем одарить ему донского казака Платова. Потом глянул на стену, а на ней висит шашка турецкая кривая, ручка у нее из чистого золота, ножны жемчугом и драгоценными камнями сплошь везде изукрашены. Поднялся из-за стола тут английский король, снял со стены эту драгоценную шашку, подошел к донскому казаку Платову, надел на него и говорит:

— Прими хоть эту шашку от меня в подарок.

— Нет, английский король, хоть и хороша твоя шашка, но мне ее не надо, у нас самих есть свои мастера оружейники и поискуснее твоих они будут. Да и прямо в глаза тебе скажу, что своим оружием способнее врагов бить, а я завсегда их бить люблю без промаха. И поехал тут Платов домой, своей России-матушке служить. Так и служил он ей по самый гроб своей жизни, честью и правдою.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БЫЛИНЫ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

№ 1

Как ездил Илья Муромец во чистом поле,
Во чистой поле ездил за охвотою,
Стрелял Илья гусей да лебедей,
Стрелял малыих перелетных серых утушек,
Он не мог убить ни гуся, ни лебедя,
Ни малой перелетной серой утицы;
А встретился калика, калика перехожая,
И говорит Илья таково слово:
«Ай же ты, калика, калика перехожая!
Давно ль ты бывал на святой Руси,
На святой Руси, в славном Киеве,
Давно ль ты видел князя Владимира
Со стольной княгиней Апраксою?»
Да спроговорит калика перехожая:
«Ай же, старый казак Илья Муромец!
Недавно я был на святой Руси, третьеводни,
И видел я князя Владимира
Со стольной княгиней Апраксою;
Над нима несчастьице случилося:
Сидит татарин между князем и княгинею,
Не дает волюшки князю со княгиней думу подумати.
А голова у татарина, как пивной котел,
А глазища у татарина, как пивные чашыщи,
А нос-то у татарина, как кислой пирог.
А по греху учинилося:
В Киеве богатырей не случилося».
Спроговорит Илья, да Илья Муромец:
«Ай же ты, калика, калика перехожая!
Молодца в тебе в два меня,
И силы-то у тебя в три меня,
А смелости нет и в пол-меня.
Скидывай ты платьеце каличьское,
Скидывай-ко подсумочки рытаго бархата,
Скидывай-ко ты гуню сорочинскую,

Разувай-ко лапотики шелковые,
И надевай платье богатырское,
Садись на моего добра коня
И поезжай-ка в Муром-град
К тому подворью богатырскому».
И думал-подумал калика перехожая:
«Не дать Илье платьице, силой возьмет,
Силой возьмет, да мне-ка бок набьет».
И складывал подсумки рытаго бархата,
И разувал он лапотки шелковые,
И втыкнул он клюшку волжанку
Во матушку сыру земли, —
И уходила та клюшка до коковочки;
И скидывал он шляпу греческую,
И одевал он платье богатырское,
Садился на добра коня.
И поехал во Муром-град,
Ко тому подворью богатырскому.
Обувал Илья лапотики шелковые,
Одевал Илья гуню сорочинскую,
Одевал Илья подсумки рытаго бархата,
Одевал Илья шляпу греческую
И выдернул клюшку волжанку
Со матушки сырой земли...
Как скоро скажется, тихо деется...
И будет он в стольном городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
У него ли палат княженецкиих;
Закричал Илья громким голосом:
«Солнышко Владимир стольно-киевский!
Сотвори-ко мне милостыню:
Было бы калике чего есть да пить,
Да чего калике волочится!»
Тут татарин бросался по-плечь в окно:
«Ай же вы, горланы русские!
Что вы здесь заведали,
Что вы стали почасту учащивать?
Ступай-ко, калика, прямо во высок терем».
Проходит калика во высок терем,
Крест кладет по писаному,
Поклон ведет по ученому,

Здравствует князя со княгиною,
А тому ли татарину челом не бьет.
Говорит Идолище поганое:
«Ай же ты, калика, калика перехожая!
Давно ль ты бывал на святой Руси,
Давно ль ты видел Ильи Муромца?
Каков у вас есть Илья Муромец?
А мне бы Илью видеть надо,
Я бы клал Ильинку на долонь,
Я ударил бы другой долонью сверху,
И сделал бы Ильинку как овсяный блин».
Говорит ему калика перехожая:
«Недавно я был на святой Руси, третьеводни,
И видел я Илью, Илью Муромца.
Илья есть мне братец названыий:
Он мне есть братец больший,
А я ему братец меньший.
Я за своего брата хочу постоять».
Это слово татарину не слюбилося:
Как схватил он со стола булатний нож
И кинул нож в Илью, Илью Муромца.
Тут-то Илье не к суду пришло:
Увернулся он за печку муравленую,
А нож-от улетел во стоечку,
Стоечка улетела в задний тын,
И задний тын весь порассыпался.
Тут выходил Илья, Илья Муромец
Из-за печки, печки муравленой,
Как брал через стол, дубовый стол
Брал татарина за желты кудри,
И здынул его выше буйной головушки,
И бросил татарина о кирпичный пол.
И тут ему руки и ноги повыломал,
И глаза-то ему повыкопал,
И из платья вон повытряхнул.
Поехала Хупова та крынская,
Со земли российския,
И сама говорит таково слово:
«Здесь чорт — не борцы и не удалы добры молодцы!
Почто было рукама ломать?
Почто было глаз воротить?»

ДОБРЫНЯ И АЛЕША ПОПОВИЧ

№ 2

Добрынишка — тот матушке говаривал,
Да Никитинич-от матушке наказывал:
«Ты, свет, государыня да родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна!
Ты зачем меня Добрынишку несчастного спородила?
Породила государыни бы родна матушка
Ты бы беленьким горючим меня камешком,
Завернула государыни да родна матушка
В тонкольняный было белый во рукавцичек,
Да вздынула государыни да родна матушка
Ты на высоку на гору сорочинскую
И спустила государыни да родна матушка
Меня в Черное бы море, во турецкое, —
Я бы век бы там Добрыня во мори лежал,
Я отныне бы лежал да я бы до веку,
Я не ездил бы Добрыня по чисту полю,
Я не убивал, Добрыня, неповинных душ,
Не пролил бы крови я напрасная,
Не слезил, Добрыня, отцей матерей,
Не вдовил бы я, Добрынюшка, молодых жон,
Не спущал бы сиротать да малых детушок».
Ответ держит государыни да родна матушка,
Та честна вдова Офимья Олександровна:
«Я бы рада бы тя дитятко спородити:
Я талантом-участью в Илью Муромца,
Я бы силой в Святогора да богатыря,
Я бы смелостьи во смелого Алешу во Поповица,
Я походкою тебя щапливою
Во того Чурилу во Пленковица,
Я бы вежеством в Добрыню во Никитича,
Столько тыи статьи есть, а других Бог не дал,
Других Бог статей не дал, да не пожаловал».
Скоро-наскоро Добрыня он коня седлал,
Садился он скоро на добра коня,
Как он потнички да клал да на потнички,
А на потнички клал войлочки,
Клал на войлочки черкальское седелышко,
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,

Он тринадцатой-отклал да ради крепости,
Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил,
Добра молодца в чистом поле не вырушил.
Подпруги были шелковыи,
А спеньки у подпруг все булатнии,
Пряжи у седла да красна золота.
Тот да шелк не рвется, да булат не трется,
Красно золото не ржавеет.
Молодец-то на кони сидит, да сам не стареет.
Провожала-то Добрыню родна матушка.
Простиласи и воротиласи,
Домой пришла, сама заплакала.
А у тыя было у стремины у правыя,
Провожала-то Добрыню любима семья,
Молода Настасья дочь Викулична
(Она была взята из земли политовския),
Сама говорит да таково слово:
«Ты, душка, Добрынюшка Микитинич!
Ты когда, Добрынюшка, домой будешь?
Когда сожидать Добрыню из чиста поля?»
Ответ держит Добрынюшка Никитинич:
«Когда меня ты стала спрашивать,
Так тепереча тебе я стану сказывать:
Сожидай меня Добрынюшку по три года.
Если в три года не буду, жди по друго три,
А как сполнится то время шесть годов,
Как не буду я, Добрыня, из чиста поля,
Поминай меня Добрынюшку убитого.
А тебе-ка-ва, Настасья, воля вольная:
Хоть вдовой живи, да хоть замуж поди,
Хоть ты за князя поди, хоть за боярина,
А хоть за русьскаго могучаго богатыря,
Столько не ходи за моего за брата за названаго
Ты за смелаго Алешу за Поповица».
Его государыни-то родна матушка,
Она учала как по полати-то похаживать,
Она учала как голосом поваживать,
И сама говорит да таково слово:
«Единое ж было да солнце красное,
Нонь теперь за темны леса да закотилоси,
Стольки оставлялся млад светел месяц.
Как едино ж было да чадо милое

Молодой Добрыня сын Никитинич,
Он во далечи, далечи, во чистом поли,
Судит ли Бог на веку хоть раз видать?
Еще стольки оставлялась либима семья,
Молода Настасья дочь Микулична,
На роздей тоски великоя крушинушки».
Стали сожидать Добрыню из чиста поля по три годы,
А и по три годы, еще и по три дни,
Сполнилось время цело три годы,
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Стали сожидать Добрыню по другое три,
Тут как день за днем да будто дожь дожжит,
А неделя за неделей как трава ростет,
Год тот за годом да как река бежит.
Прошло тому времени другое три,
Да как сполнилось времени да цело шесть годов,
Не бывал Добрыня из чиста поля,
Как в тую пору, да во то время,
Приезжал Алеша из чиста поля,
Привозил им весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитица,
Он убит лежит да на чистом поли:
Буйна голова да испроломана,
Могучи плеча да испростреляны,
Головой лежит да в част ракитов куст.
Как тогда-то государыня да родна матушка
Слезила-то свои да очи ясный,
Скорбила-то свое да лицо белое
По своем рожоноем по дитятки,
А по молодом Добрыни по Никитичи.
Тут стал солнышко Владимир-то похаживать,
Да Настасьи то Викуличной посватывать,
Посватывать да подговаривать:
«Что как тебе жить да молодой вдовой,
А и молодый век да свой коротати,
Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за руськаго могучего богатыря,
Хоть за смелого Алешу за Поповича».
Говорит Настасья дочь Микулична:
«Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевской!
Я исполнила заповедь ту мужнюю —
Я ждала Добрыню цело шесть годов,

Я исполню заповедь да свою женскую:
Я прожду Добрынюшку друго шесть лет.
Как сполнится времени двенадцать лет,
Да успею я в те поры за муж пойти.
Опять день за днем да будто дожь дожжит,
А неделя за неделей как трава растет,
Год тот за годом как река бежит.
А прошло тому времени двенадцать лет,
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Тут стал солнышко Владимир тут похаживать,
Он Настасьи той Викуличной посватывать.
Посватывать да подговаривать:
«Ты, эй, молода Настасья дочь Микулична!
Как тебе жить да молодой вдовой,
А молодой век да свой коротати.
Ты поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русьскаго могучего богатыря,
А хоть за смелого Алешу да Поповица».
Не пошла замуж не за князя, не за боярина,
Не за русьскаго магучаго богатыря,
А пошла замуж за смелаго Олешу за Поповица.
Пир идет у них по третий день,
А севодни им ити да ко божьой церквы,
Принимать с Олешей по злату венцу.
В тую-ль было пору, а в то время,
А Добрыня-то случился у Царяграда,
У Добрыни конь да подтыкается.
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ах ты, волчья сыть, да ты медвежья шерсть!
Ты чево севодня подтыкаешься?»
Испровещится как ему добрый конь,
Ему голосом да человеческим:
«Ах ты, эй, хозяин мой лабимыя!
Над собой незгодушки не ведаешь:
А твоя Настасья королевична
Королевична она замуж пошла
За смелаго Олешу за Поповича».
Как пир идет у них по третий день,
Севодня им итти да ко божьей церкви,
Принимать с Олешей по злату венцу,
Тут молодой Добрыня сын Никитинич,
Он бьет бурка да промежу уши,

Промежу уши да промежу ноги,
Что стал его бурушка поскакивать,
С горы на горы да с холма на холму,
Он реки и озеры перескакивал,
Где широкии роздолья — между ног пущал.
Буде во граде во Киеве.
Как не ясный сокол в перелет летел,
Добрый молодец да в перегон гонит,
Не воротми ехал он — через стену,
Через тую стену городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому придворью ко вдовиному;
Он на двор заехал безобсылочно,
А в палаты идет да бездокладочно,
Он не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников;
Всех он взашей прочь отталкивал,
Смело проходил в полаты во вдовиныи,
Крест кладет да по писаному,
Он поклон ведет да по ученому,
На все три, четыре да на стороны,
А честной вдове Офимье Олександровне да в особину:
«Здравствуешь, честна вдова, Офимья Олександровна!»
Как вслед идут придверники да приворотники,
Вслед идут, все жалобу творят,
Самы говорят да таково слово:
«Ах ты, эй, Офимья Олександровна!
Как этот-то удалый добрый молодец
Он наехал с поля да скорым гонцом,
Да на двор заехал безобсылочно,
В палаты-ты идет да бездокладочно,
Нас не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Да всех взашей прочь отталкивал,
Смело проходил в полаты во вдовиныи».
Говорит Офимья Олександровна
«Ты, эй, удалой добрый молодец!
Ты зачем же ехал на сиротский двор да безобсылочно,
А в полаты ты идешь да бездокладочно,
Ты не спрашиваешь у ворот да приворотников,
У дверей не спрашиваешь придверников,
Всех ты взашей прочь отталкиваешь?

Кабы было живо мое чадо милое,
Молодой Добрыня сын Микитинич,
Отрубил бы он тебе-ка буйну голову
За твои поступки неумильнии».
Говорил удалый добрый молодец:
«Я вчерась з Добрыней поразъехался,
А Добрыня поехал ко Царю-граду,
Я поехал да ко Киеву».
Говорит честна вдова Офимья Олександровна:
«Во тую ли было пору во перво шесть лет
Приезжал Алеша из чиста поли,
Привозил нам весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича,
Он убит лежит да во чистом поли:
Буйна голова его испроломана,
Могучи плеча да испростреляны,
Головой лежит да в част ракитов куст.
Я жалешенько тогда ведь по нем плакала,
Я слезила-то свои очи ясныи,
Я скорбила-то свое да лицо белое
По своем роженоем по дитятки,
Я по молодом Добрыне по Никитичи».
Говорил удалый добрый молодец:
«Что наказывал мне братец-от названыя,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Спросить про него про любиму семью,
А про молоду Настасью про Микуличну».
Говорит Офимья Олександровна:
«А Добрынина любима семья замуж пошла
За смелого Олешу за Поповица
Пир идет у них по третий день,
А сегодня им ити да ко божьой церквы,
Принимать с Олешкой по злату венцу».
Говорил удалый добрый молодец:
«А наказывал мне братец-от названыя,
Молодой Добрыня сын Никитинич:
Если случит Бог быть на пору тебе во Киеве,
То возьми мое платье скомороское,
Да возьми мои гуселошка яровчаты
В новой горенке да все на стопочке».
Как бежала тут Офимья Олександровна,
Подавала ему платье скомороское,

Да гуселошка ему яровчаты.
Накрутился молодец как скоморошиной,
Да пошел он на хорош почестной пир,
Идет как он да на княженецкий двор,
Не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Да всех взашей прочь отталкивал,
Смело проходил во полаты княженецкие:
Тут он крест кладет да по писаному,
А поклон ведет да по ученому,
На все три четыре да на стороны,
Солнышку Владимиру да в собину.
«Здравствуй, солнышко, Владимир стольный киевский
С молодой княгиней со Опраксией!»
Вслед идут придверники да приворотники,
Вслед идут, все жалобу творить,
Сами говорят да таково слово:
«Солнышко, Владимир, стольне-киевский!
Как этая удала скоморошина
Наехал из чиста поля скорым гонцом,
А теперичу идет да скоморошиной,
Нас не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей он нас не спрашивал придверников,
Да всех нас взашей прочь отталкивал,
Смело проходил в палаты княженецкие».
Говорил Владимир стольный киевской:
«Ах, ты, эй, удала скоморошина!
Зачем идешь на княженецкий двор да безобсылочно,
А й в палаты идешь бездокладочно,
Ты не спрашиваешь у ворот да приворотников,
У дверей не спрашиваешь придверников,
А всех ты взашей прочь отталкивал?»
Скоморошина в речам да не вчуется,
Скоморошина к ричам не примется,
Говорит удала, скоморошина:
«Солнышко, Владимир стольный киевский!
Скажи, где есть нашо место скомороское?»
Говорит Владимир стольне-киевской:
«Что ваше место скомороское
А на той на печке на муравленой,
На муравленой на печке да на запечке».
Он скочил скоро на место на показано,

На ту на печку на муравлену,
Он натягивал тетивочки шелковые,
Тыи струночки да золоченые,
Он учал по струнках похаживать,
Да он учал голосом поваживать.
Играет-то он ведь во Киеви,
А на выигрыш берет во Царигради,
Он повыиграл во́ града во Киеви,
Он во Киеви да всех поименно,
Он от старого да всех до малого.
Тут все на пиру игры заслухались,
И все на пиру призамолкнулись,
Самы говорят да таково слово:
«Солнышко Владимир стольне-киевской!
Не быть это удалой скоморошины.
А какому ни быть надо русьскому
Быть удалому да добру молодцу».
Говорит Владимир стольне-киевской:
«Ах ты, эй, удала скоморошина!
За твою игру да за веселую,
Опущайся-ко из печки из-запечека,
А садись-ко с нами да за дубов стол,
А за дубов стол да хлеба кушати,
Теперь дам я та три места три любимыих:
Перво место сядь подли мене,
Друго место сопротив мене,
Третье место куды сам захошь,
Куды сам захошь, эще пожалуешь».
Опушалась скоморошина из печки из муравленой,
Да не села скоморошина подле князя,
Да не села скоморошина да сопротив князя,
А садилась в скамеечку
Сопротив княгины-то обручныя,
Против молодой Настасьи да Никуличны,
Говорит удала скоморошина:
«Ах ты, солнышко Владимир стольне-киевской!
Благослови-ко налить чару зелена вина,
Поднести-то эту чару кому я знаю,
Кому я знай, эще пожалую».
Говорил Владимир стольне-киевской:
«Ай ты, эй, удала скоморошина!
Была дана ти поволька да великая,

Что захочешь, так ты то делай,
Что ты задумаешь, да эще и то твори».
Как тая удала скоморошина
Наливала чару зелена вина,
Да опустит в чару свой злачен перстень,
Да подносит-то княгины порученыя,
Сам говорил да таково слово:
«Ты эй, молода Настасья, дочь Микулична!
Прими-ко сию чару единой рукой,
Да ты выпей-ко всю чару единым духом.
Как ты пьешь до дна, так ты ведашь добра,
А не пьешь до дна, так не видашь добра».
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила вся чару единым духом,
Да обсмотрит в чары свой злачен перстень,
А которыим с Добрыней обручаласи,
Сама говорит таково слово:
«Вы эй же, вы, князи, да вы бояра,
Бы же князи вы и дворяна?
Ведь не тот мой муж, да кой подли мене,
А тот мой муж, кой сопротив мене:
Сидит мой муж да на скамеечке,
Он подносит мне-ко чару зелена вина».
Сама выскочит из стола да из-за дубова,
Да и упала Добрыни во резвы ноги,
Само говорит да таково слово:
«Ты эй, молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты прости, прости, Добрынюшка Никитинич,
Что не по твоему наказу да я сделала,
Я за смелого Олешенку за муж пошла.
У нас волос долог, да ум короток,
Нас куда ведут, да мы туда идем,
Нас куда везут, да мы туда едем.
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Не дивую разуму я женскому:
Муж-от в лес, жена и замуж пойдет,
У них волос долог, да ум короток,
А дивую я солнышку Владимиру
Со своей княгиней со Опраксией,
Что солнышко Владимир тот сватом был,
А княгиня-то Опраксия да была свахой,
Они у жива мужа жону да просватали».

Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
Он повесил свои буйну голову,
Утопил ясны очи во сыру землю.
Говорит Олешенко Левонтьевич:
«Ты прости, прости, братец мои названыя,
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Ты в той вине прости меня во глупости,
Что я посидел подли твоей любимой семьи,
Подли молодой Настасьи да Викуличной».
Говорил Добрыня сын Микитинич:
«А в той вины, братец, тебя Бог простит,
Что ты посидел подли моей да любимой семьи,
Подли молодой Настасии Микуличны.
А в другой вины, братец, тебя не прощу.
Когда приезжал из чиста поля во перво шесть лет,
Привозил ты весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича:
Убит лежит да на чистом поле.
А тогда-то государыни да моя родна матушка
А жалешенько она да по мне плакала.
Слезила-то она свои да очи ясныя,
А скорбила-то свое да лицо белое,
Так во этой вины братец тебе не прощу».
Как ухватил он Олешу за желты кудри,
Да он выдернет Олешку через дубов стол,
Как он бросит Олешу о кирпичен мост,
Да повыдернет шалыгу подорожную,
Да он учал шалыгищем охаживать,
Что в хлопанье-то охканья не слышно ведь,
Да тольки-то Олешенка и женат бывал,
Ну стольки-то Олешенка с женой сыпал.
Всяк-то, братцы, на веку видь женится,
И всякому женитьба удавается,
А не дай Бог женитьбы той Олешиной.
Тут он взял свои да любиму семью,
Молоду Настасью да Микуличну,
И пошел к государыни да родной матушке,
Да он здыял добро здоровьице.
Тут век про Добрыню старину скажуть,
А синему морю на тишину,
А вам добрым людям на послушанье.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVIII ВЕКА

ПЕТРА I УЗНАЮТ В ШВЕДСКОМ ГОРОДЕ

№ 3

Как никто-то про то не знает, не ведает,
Что куда-то наш государь-царь собирается:
Чистым серебром кораблики изнаполнил,
Красным золотом суденышки изукрасил,
Он берет-то с собой силушки очень мало,
Что одних только преображенскиих гренадеров.
Как приказ-то дает наш батюшка царь белый:
«Ой вы слушайте, офицерушки и солдаты!
Не зовите вы меня ни царем своим, ни государем,
А зовите вы меня заморским купчиной».
Уж и грянул государь-царь по морю гуляти.
Как носило-то царя по морю неделю,
Что носило царя белого в другую.
Принесло-то его ко Стекольному государству,
Что к тому ли шведскому королевству.
Не купчинушка по городу гуляет,
Что никто-то купчинушку не узнает;
Узнавал только его гетман земли шведской,
Поскорехонько он к королевнушке́ метался:
«Ах ты гой еси наша матушка королевна!
Не купчинушка по городу гуляет,
Что гуляет-то по городу царь белый!»
Как на красное крылечко королевна выходила,
Она семи земель царей портреты выносила,
По портрету царя белого узнавала,
Закричала королевна громким голосом:
«Ой вы гой еси мои шведские генералы!
Запирайте вы воротечки покрепче,
Вы ловите царя белого скорее!»
Уж и тут-то наш батюшка не пугался,
Обо всех он шведских замыслах догадался,
Ко крестьянину он на двор скоро бросался:
«Ты бери-ко, бери, крестьянин, денег вдоволь,
Ты вези меня на край синя моря!»
Скоро вывез его крестьянин да на край синя моря,
А скорей того в кораблик государь-царь садился,

Закричал он своим матросам и солдатам:
«Ой вы гряньте-ко, ребятушки, дружнее,
Вы гребите и плывите поскорее!»
Как и первая погоня царя белого догоняет,
А другая-то погонюшка настигает;
Как возговорит погоня к царю-государю:
«Ты возьми-ко, возьми, царь белый, нас с собою,
А не возьмешь ты нас, батюшка, с собою,
Уж не быть-то нам, горьким, живым на свете!».
И тут же вся погоня в сине море побросалась,
А наш царь-государь во святую Русь возвратился.

КРАСНОЩЕКОВ В ГОСТЯХ У ПРУССКОГО КОРОЛЯ

№ 4

Ты российская земля,
Много нужды приняла!
За то ее сударыня
Жаловала.
Краснощеков-от-король
К пруссу в гости заезжал.
Он без спросу, без докладу
Во палатушки вбежал.
Пруцкой король не узнавал,
На резвы ноги вставал,
На резвы ноги вставал,
Рюмку водки наливал,
Купчиной называл:
«Ах ты выкушай, купчинушко,
Купеческий сынок!
Как у вас ли я во России,
Во российской во земле,
Во российской во земле
Генералов знаю всех:
Одного только не знаю
Краснощекова-короля.
Много бы, много бы казны дал —
Краснощекова спознал!»
Краснощеков-ат-король
Таки речи говорит:

«На что казны давать?
Можно так его признать:
Кудёрушки на нем,
Как на батюшке на родном;
Черна шляпынька на нем,
Как на братце на моем».
Выходил же Краснощеков
На высок красён крылец,
Закричал, засвистал,
Своим громким голосом:
«Ах вы гой еси, робята,
Мои верные слуги!
Вы подайте поскорее
Мого доброго коня,
Мого доброго коня
Ко высокому крыльцу,
Ко высокому крыльцу,
Ко точеному столбу!»
На коня он стал садиться,
Что ясён сокол взлетел.
Со двора он стал съезжать,
Насмехаться над ним стал:
«Ты ворона, ты ворона,
Подгумённый грач!
Не умела ты, ворона,
Ясного сокола пымать,
Ясного сокола пымать,
В когтях крепко держать!»

№ 5

Как на лу́гу, на лугу́,
Стоит армия в кругу.
Лопухин ездит в полку,
Курит трубку табаку.
Он не для того курит,
Чтобы пьяному быть;
Для того трубку курит,
Чтоб смелее поступить,
Чтоб смелее поступить,
Да всю армию избить.
Святорусские палят —

С огнем ядрышки летят,
А как шведски-то палят —
Выше лесу дым валит.
Только видно-то в дымку,
Капитан ездит в полку.
Они бились, рубилися
Четырнадцать часов.
На пятнадцатом часу
Стали тела разбирать,
Стали армию считать:
Нашли, братцы, убитых
Енаралов до пяти,
Полковничков до семи.
Уж как наш-то капитан
К шведу в гости наезжает,
Уж как к шведу ли, к злодею,
К Краснощокому-королю.
Ко двору его приехал,
Под окошком колотился,
Ночевать к нему просился.
Король шведский не признал,
На резвы ножки становил,
Он ворота отворял,
Купчинушку встречал:
«Купчинушка молодой!
Уж я в вашем полку
Капитанов знаю всех,
Полковничков до пяти.
Одного тебя не знаю.
Сколько хошь казны бери,
Про одного капитана скажи!»
«Мне на что казна твоя —
Я и так могу сказать!»
Со двора-то он сходит,
Насмехается,
На добра коня садится,
Да ругается:
«Ах ворона ты, ворона,
Молодой шведский король!
Не умела ты ворона,
В саду сокола имать,
Ручки-ножки-то связать,
Голову со плечек снять!»

№ 6

Краснощеков у пруцкого (короля) загулял,
В белых каменных палатах побывал.
Они пили там, гуляли, прохлождалися.
За дубовым столом, за скатертью шелковой
Они сами собой выхвалялися.
Как возговорил король Федор Федорович:
«Я всех в Москве знаю: и князей, и бояр,
И всех сотников, всех полковников,
Одного только не знаю я, донского казака,
Донского казака, Краснощекова сынка.
Если б я его узнал, я б голову ему снял».
Краснощеков догадался — из полатей убирался;
Он вскричал-взгичал своим громким голосом:
«Уж вы слуги, мои слуги, вы донские казаки,
Вы пойдите, приведите мово верного коня,
Мово верного коня, сизокрылого орла».
Краснощеков на конь сел, песню королю отпел:
«Ты ворона, ты ворона, загумённая карга!
Не умела ты, ворона, ясна сокола ловить,
В руках его держать, сизы перышки щипать».

№ 7

Ты Россия ли, Россия,
Мать российская земля!
Много крови пролила,
Много славы нажила.
За то тебя мать-царица
Много жаловала,
Краснощекова казака
Генералом назвала,
По-купечески убрала,
К пруссу в гости послала;
А прусс его не узнал,
За купчика принимал,
За дубовый стол сажал,
Драгим питьем угощал.
Он просил гостя драгого

Правду-истину сказать:
Сколько в армии есть войска,
Краснощекова показать.
Обещал ему в награду
Злато, шубу дорогу
Да жене его в подарок
Серги, цепь из жемчугу.
«Стой, батюшка, — возразила
(Дочь отцу так говорила), —
На что злато нам терять:
Можно так его сыскать.
Взглянь, родимый, в кабинет,
Это чей висит портрет?
Он лицом-то смугловат,
Волосами кудреват,
Глаза точно сокола,
Как вот этого орла».
Со крыльца казак сбежал,
Громким голосом вскричал:
«Ой вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои!
Вы скорей, скорей подайте
Мово верного коня!».
Краснощеков на конь сел,
Будто сокол полетел;
Под окно он подскакал,
Короли он честь отдал,
Громкий голосом вскричал:
«Ты ворона, ты ворона,
Ты ворона, прусс-король!
Не умел ты молодца
Во руках своих держать,
А теперь я, Краснощеков,
Уж на волюшке своей!».
Тут король их осерчал —
Повелел его догнать,
Краснощекова поймать,
Велел его расстрелять,
Соломой натолкать,
К государыне послать.

№ 8

Эх ты Россея, матушка Россея,
Ты российская земля!
Эх по тебе ли, матушка Россея,
Много силушки прошло,
Много силы, силушки прошло,
Много крови пролито.
Как и шла-то там, прошла царица,
Государыня сама,
Казака-то Краснощекова
Генералом назвала.
Краснощеков-то наш генерал
К пруссу в гости приезжал.
Он без спросу-то, без докладу
К королю в гости попал.
Король прусский его не узнал,
За купчика его признавал.
За дубовый стол купца сажал он,
Рюмку водки наливал:
«Выпей рюмку, выпей, купец, две,
Расскажи всю правду мне.
Во российской вашей во сторонке
Генералов знаю всех.
Одного только не знаю —
Краснощекова-казака.
Уж я много, много бы казны дал,
Кабы его увидал».
Краснощеков-то наш генерал
Таки речи выражал:
«Зачем деньги ты будешь давать,
Его можно так признать.
Куделюшки растут у него,
Как у батюшки мово;
Черна шляпа, шляпонька на нем,
Как на братце на родном».
Не успел король прусский очнуться —
Краснощеков на коне.
Соезжает со двора он соколом
И смеется над пруссом:
«Ты ворона, ты, пруссак, ворона,
Подгуменный, пруссак, грач!
Не сумела, глупая ворона,
Ясна сокола поймать,
Ясна сокола, меня, поймать,
В когтях своих удержать».

№ 9

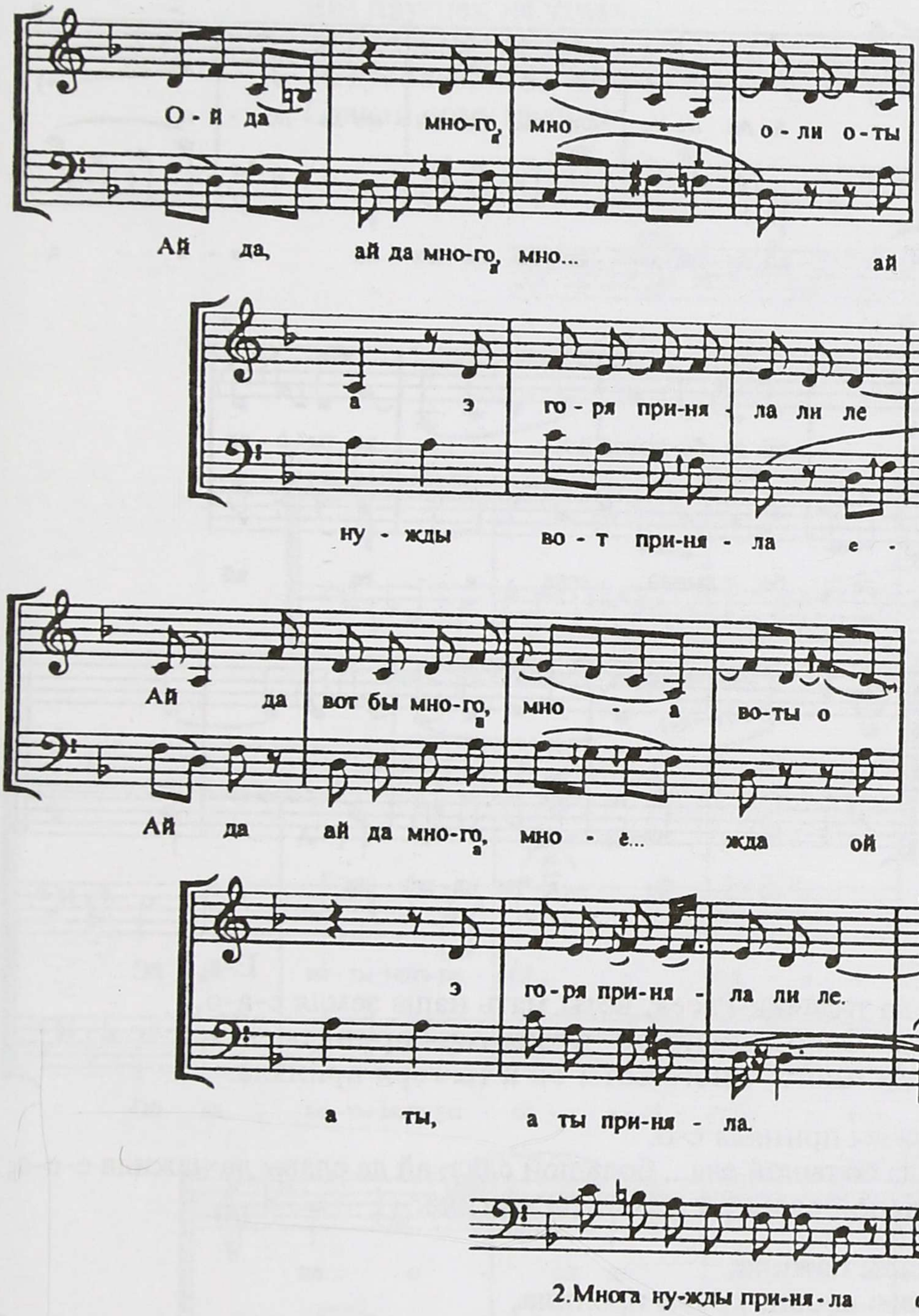
Краснощекова-казака
Енералом его назвала,
По-купечески убрала,
Пруцку в гости послала.
Пруцкай король не узнал,
За купчика признавал,
За дубовый стол сажал,
Чару вина ему наливал.
«Уж, ты купчик,
Ти сизай голубчик,
Может, с купчиком гулял,
Краснощекова-казака знавал?
Я бы много злата, серебра дал,
Тольки Краснощекова-казака узнал».
У него дочь была Арина,
Отцу речи говорила:
«На что златицу терять,
Его можно так узнать:
Краснощеков ростом невелик,
Круглолик и белый лик».
Краснощеков-казак догадался,
По палатушкам бросался,
На крилечко выходил,
Три словечка говорил:
«Уж вы слуги, мои други,
Вы донские казаки,
Вы подайтя, оседлайтя
Маво бурого коня».
Краснощеков-казак на коня сел,
Ромна ясный сокол полетел.
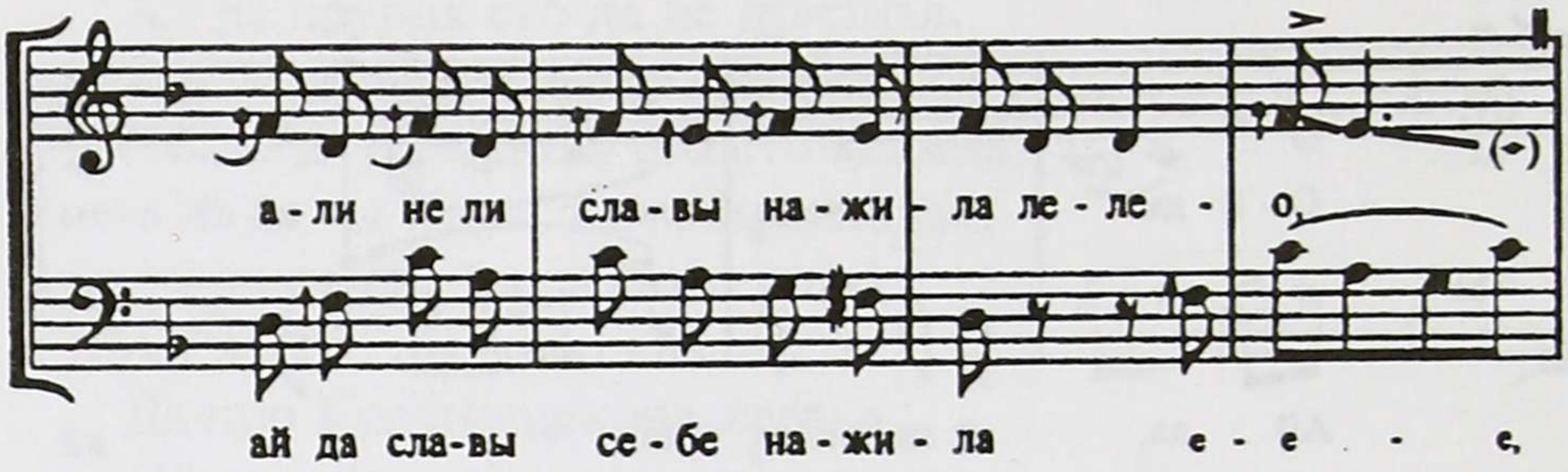
№ 10
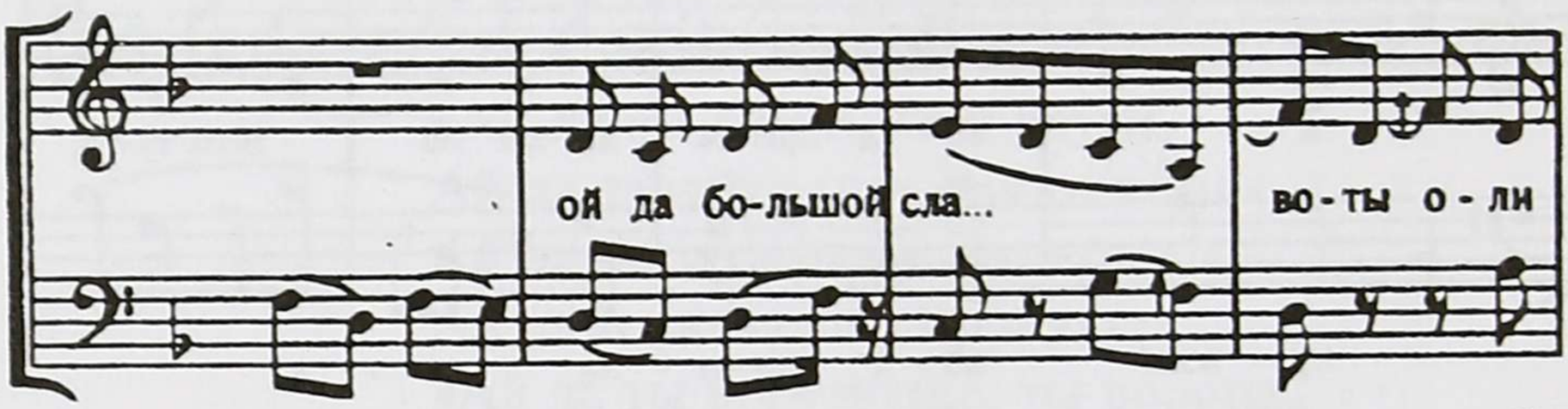
Ой да ты матушка наша Россия,
Ой да ты российская наша земля,
Ой да много, много нужды приняла,
Ой да много крови, крови пролила.
Ай да Краснощекова-казака
Ай по купеческому его убрала,
Ай да к пруцу в гости его послала.
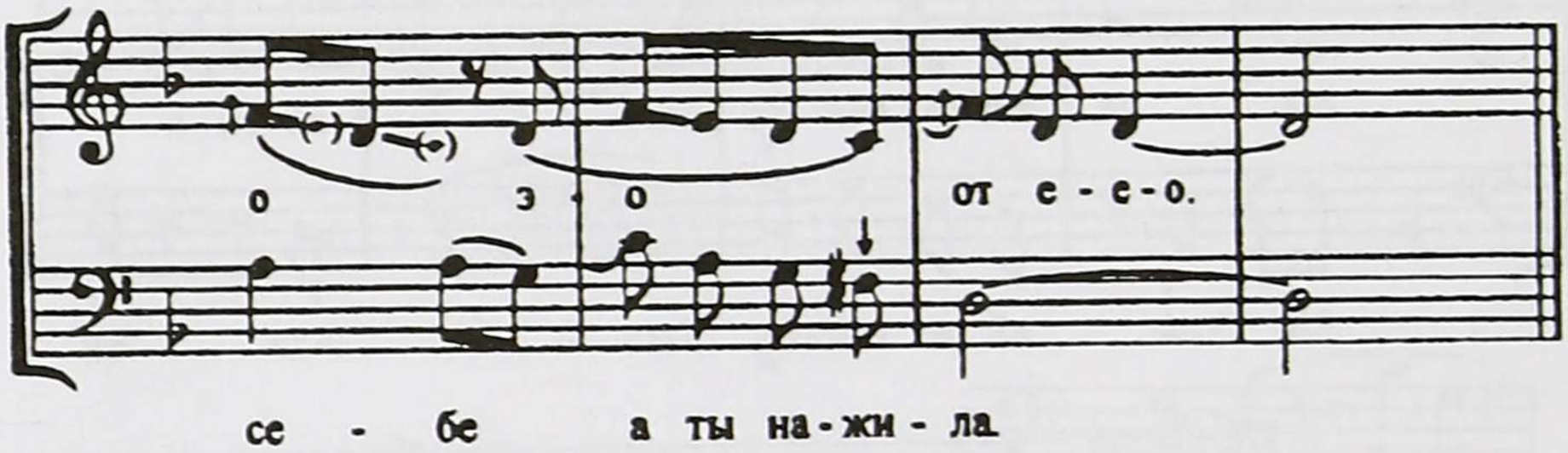
Ай да пруцак его да не признал,
Ай да за купчика его принимал,
Ай да за убранный его стол сажал:
«Ой да ты Катя, ты моя молодая,
Ай да подай-ка разного вина,
Ай да кто бы мне сказал
Да про Краснощекова-казака,
Ой да я бы его златом наделил».
«Ай да на что же зря золото терять:
Его можно и так узнать».
«Ай да вы слуги, мои слуги,
Ай да давайте мне серого коня».
Ай да он сел на своего коня,
Ай да и сказал он пруцаку:
«Ай да ты вороночка, ты ворона,
Ай да загумённая ты карга,
Ай да не умела ты, ворона,
Не умела брать ты у себя орла».

№ 11

О - й да мно-го, мно о - ли о - ты
Ай да, ай да мно-го, мно... ай
а э го - ря при-ня - ла ли ле што ту-та,
ну - жды во - т при-ня - ла е - а,
Ай да вот бы мно-го, мно - а во-ты о
Ай да ай да мно-го, мно - е... жда ой
э го-ря при-ня - ла ли ле.
а ты, а ты при-ня - ла.
2.Многа ну-жды при-ня-ла е о,
ай да во-ты сс - бе о - а о-ты о-ты
Ай да, ай да бо-льшой сла... бо-льшой сла...

Е-е,
Ай да, ай да толечки Расея, воты мать наша земля е-а-о,
Ай да, ай да много, много ай нужды-горя приняла е-а,
Ай да, ай да много, много воты ой а ты горя приняла.

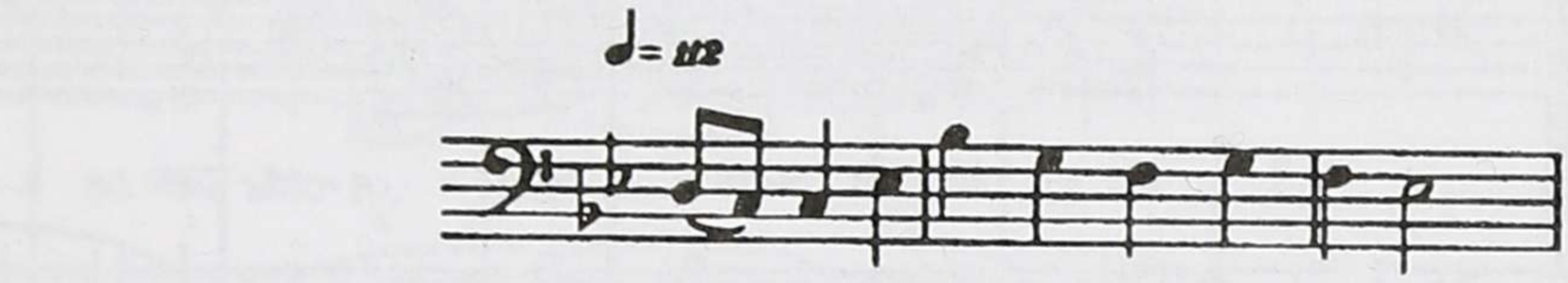
Много нужды приняла е-о,
Ай да, ай да большой сла... большой сла... ай да славы да нажила е-е-е,
Ай да большой слава ай себе а ты нажила.

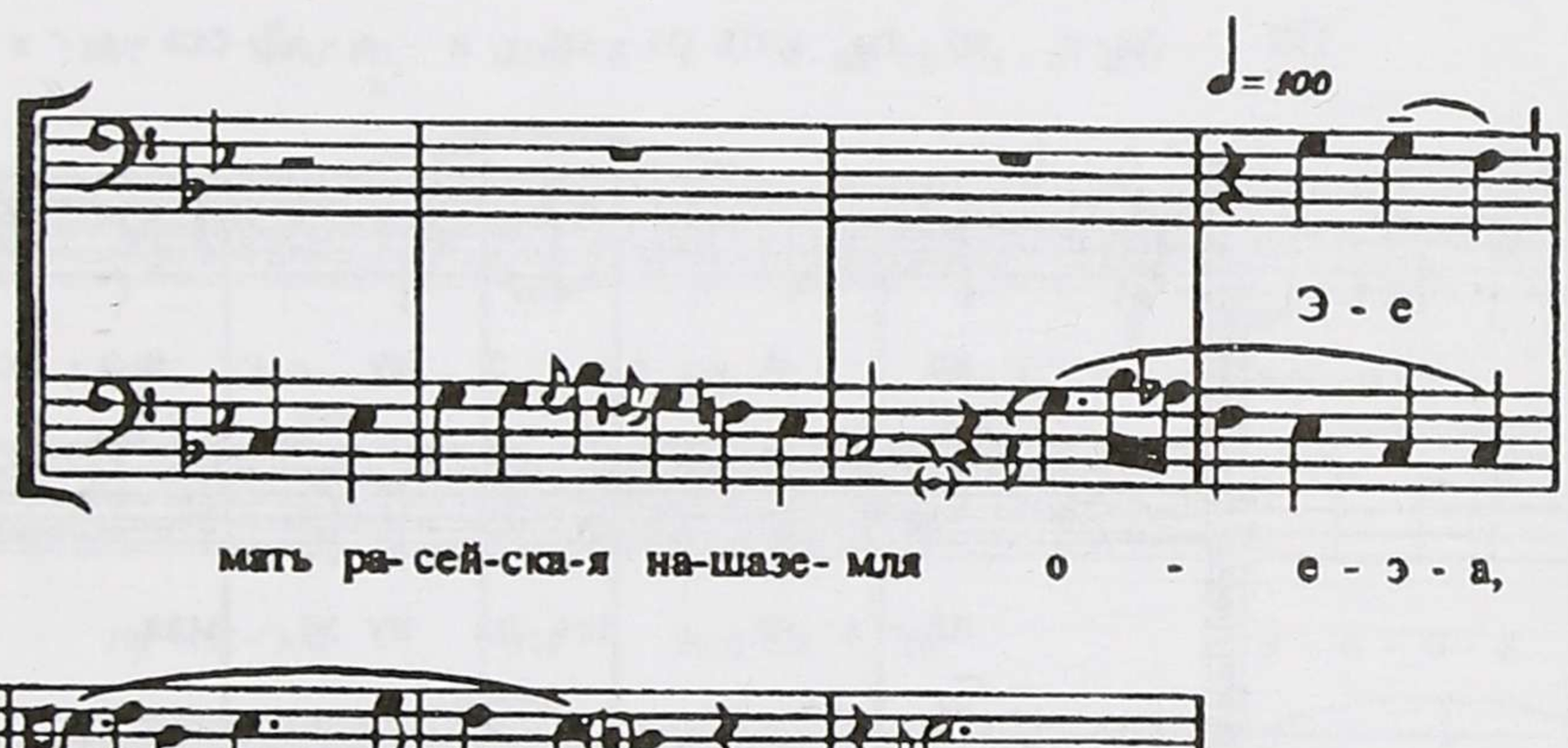
Много славы нажила,
Ой да много крови, крови пролила,
Ой да много крови, крови пролила.
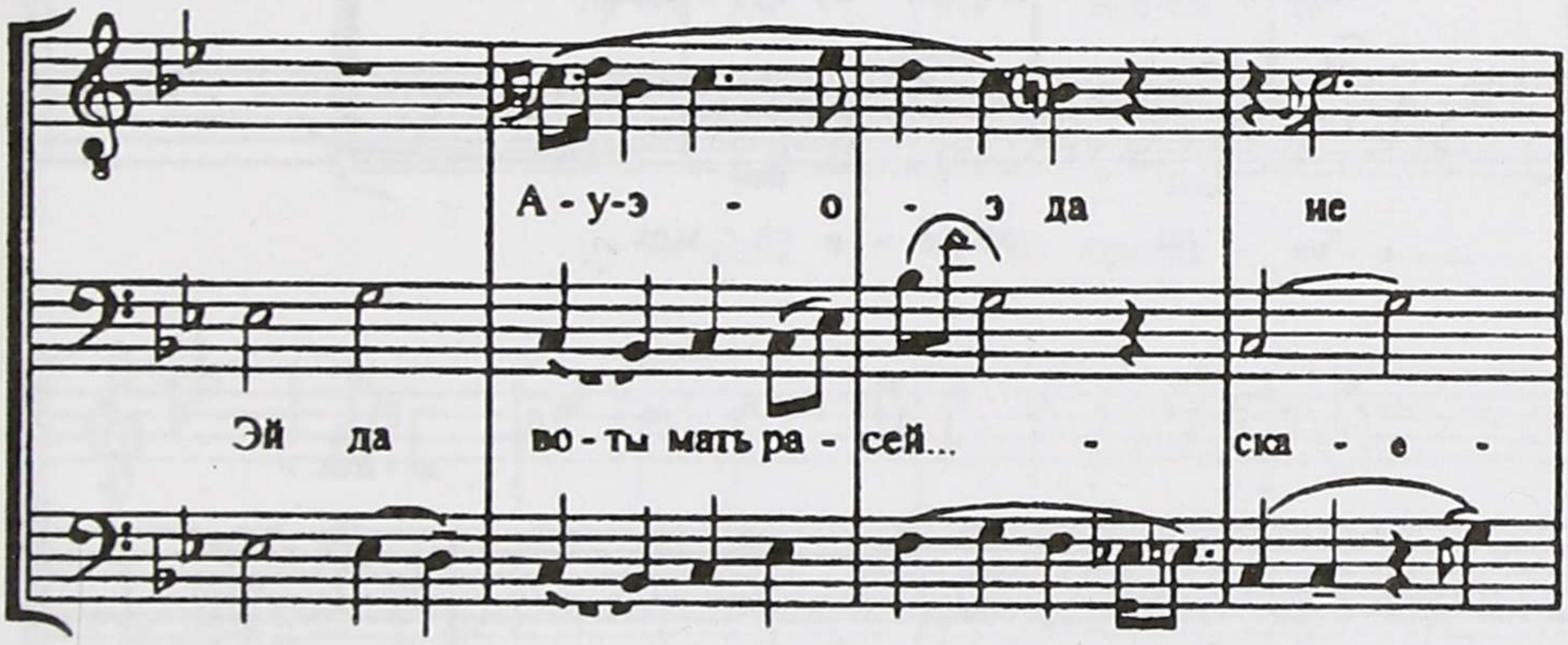
Много крови пролила,
Ай да себе сына родила
Ай да Краснощёкова себе казака.
Генералом его назвала,
По купечески его убрала,
К прутцу в гости послала.
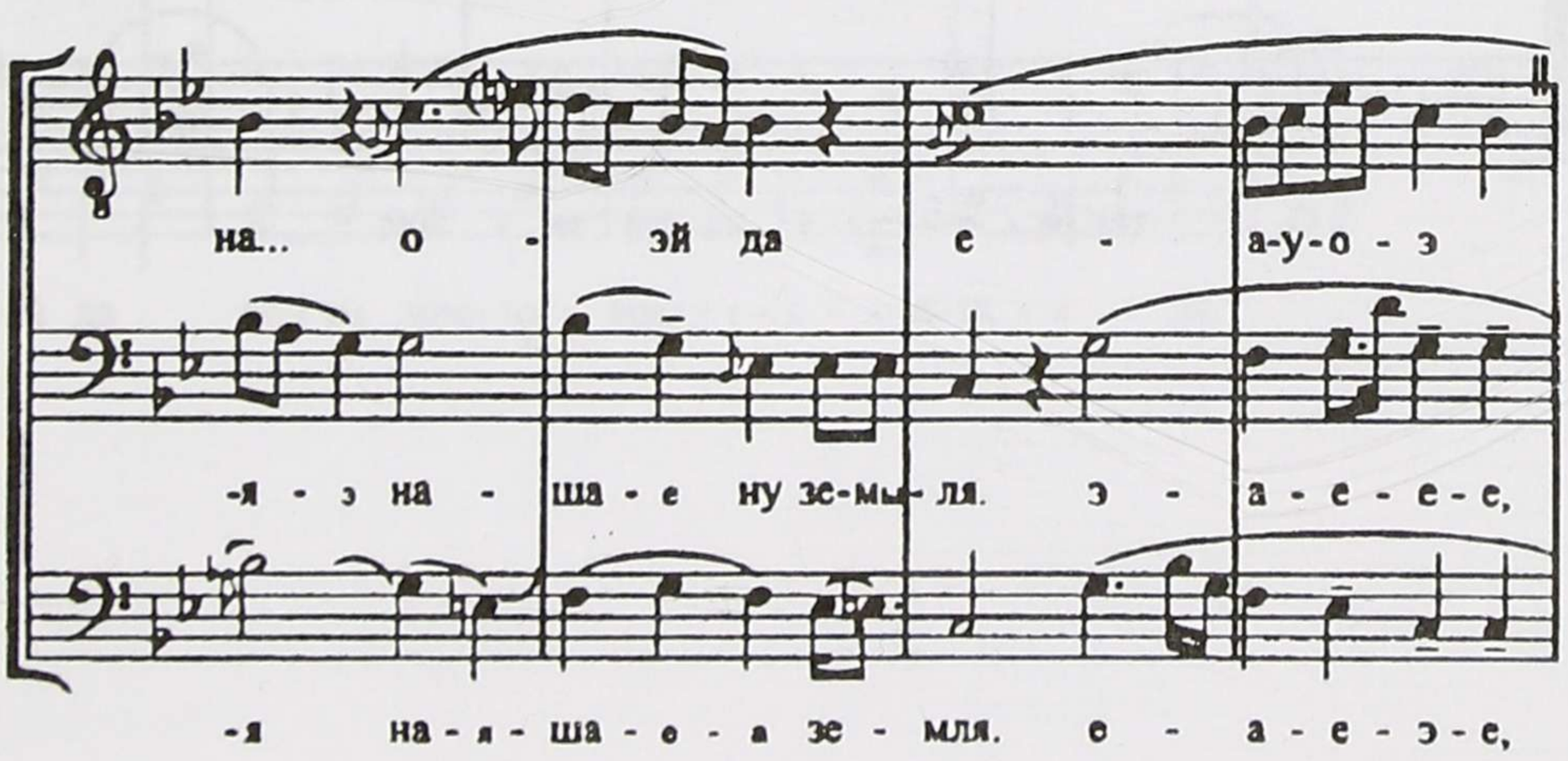
Его прутцак не узнал,
За купчика признавал,
За дубовый стол сажал,
Стакан рому наливал...
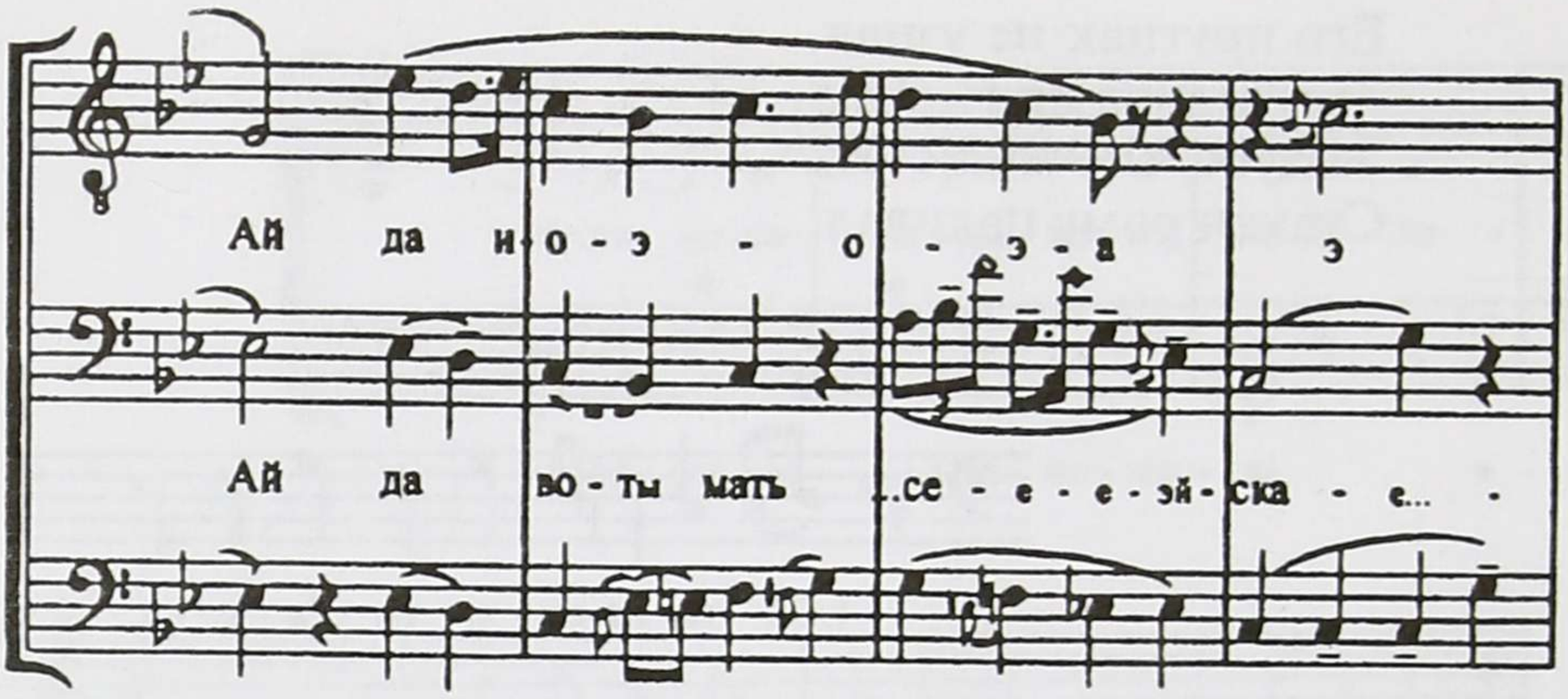
№ 12
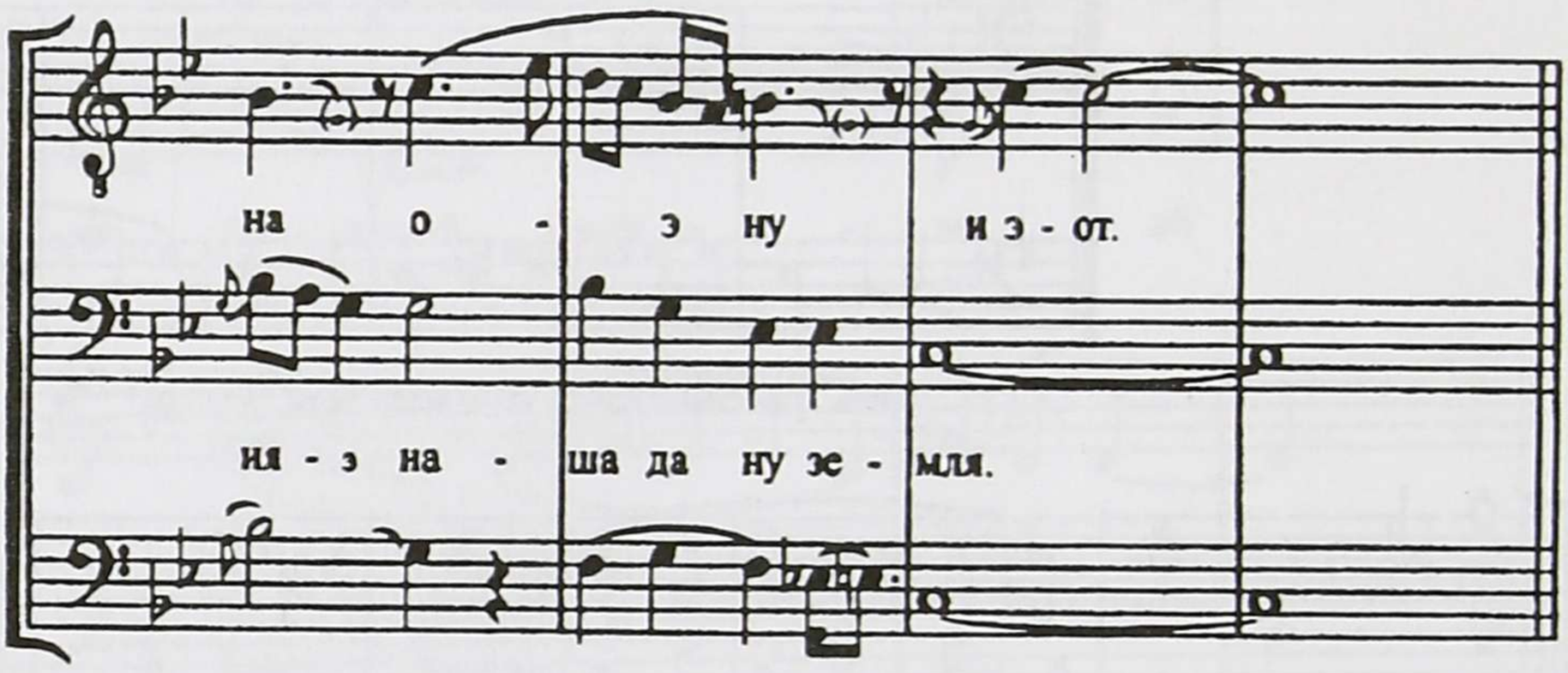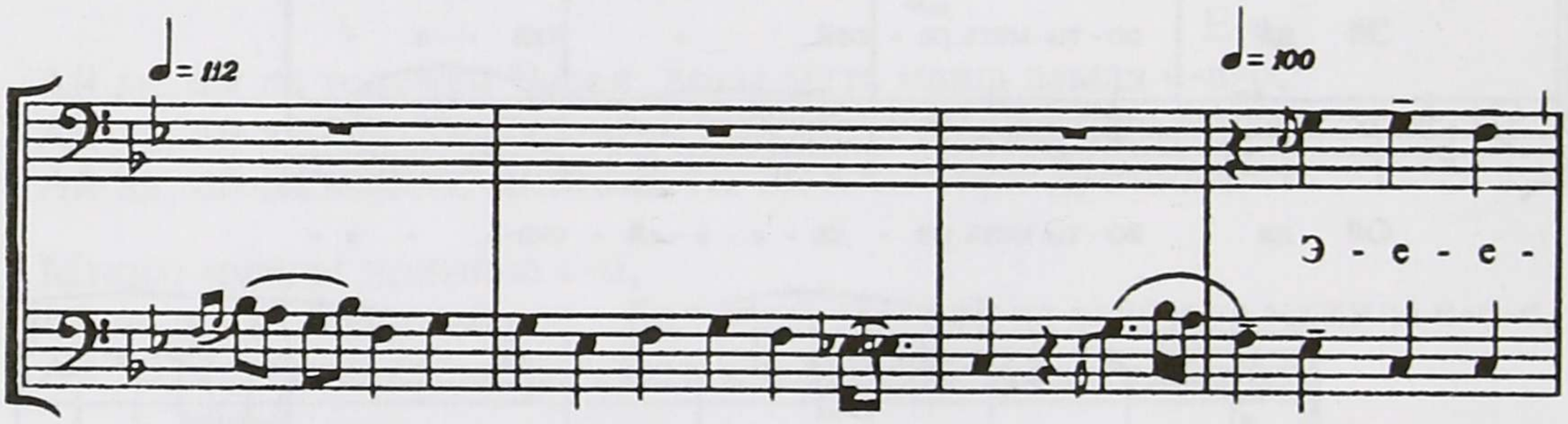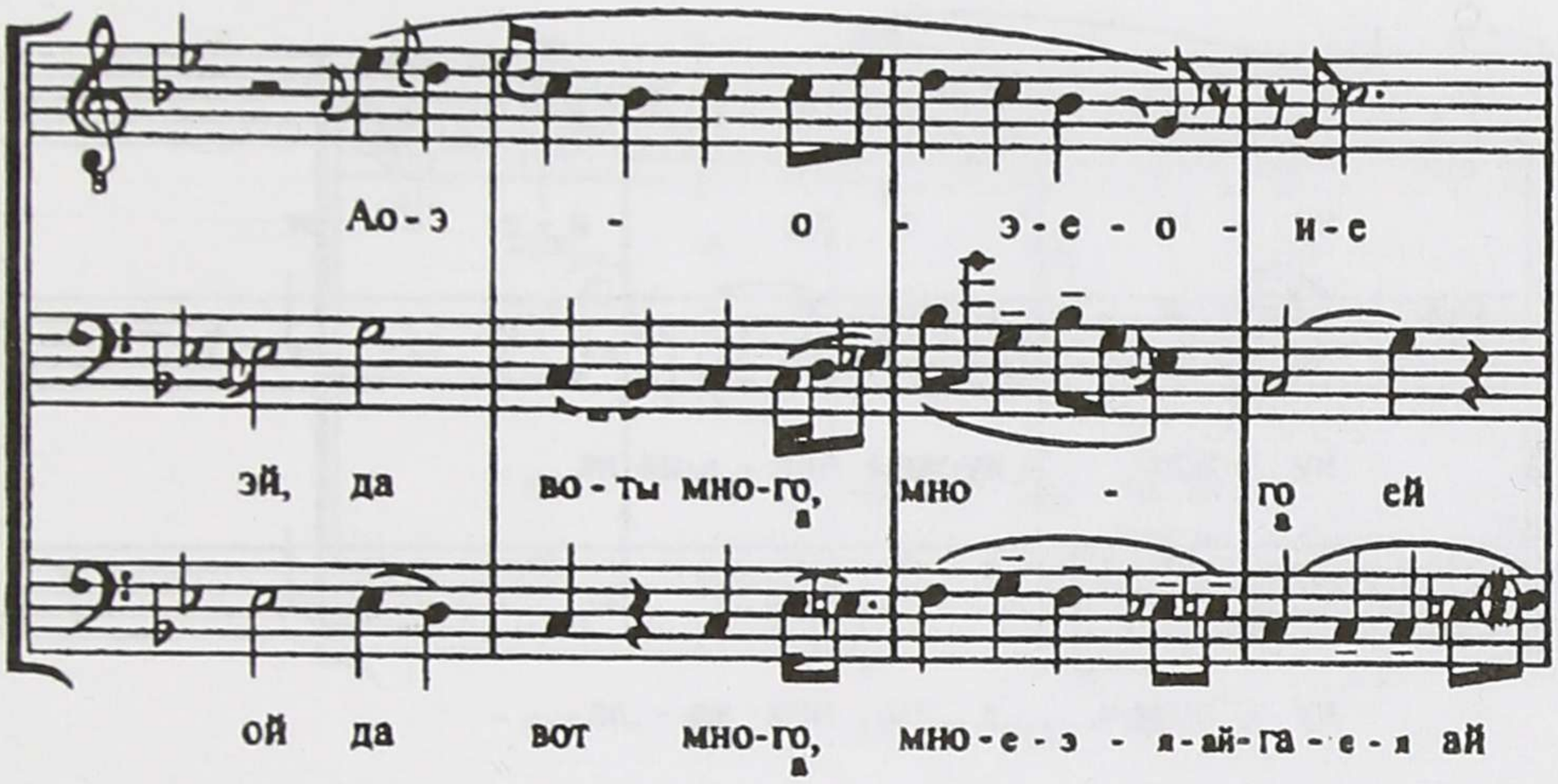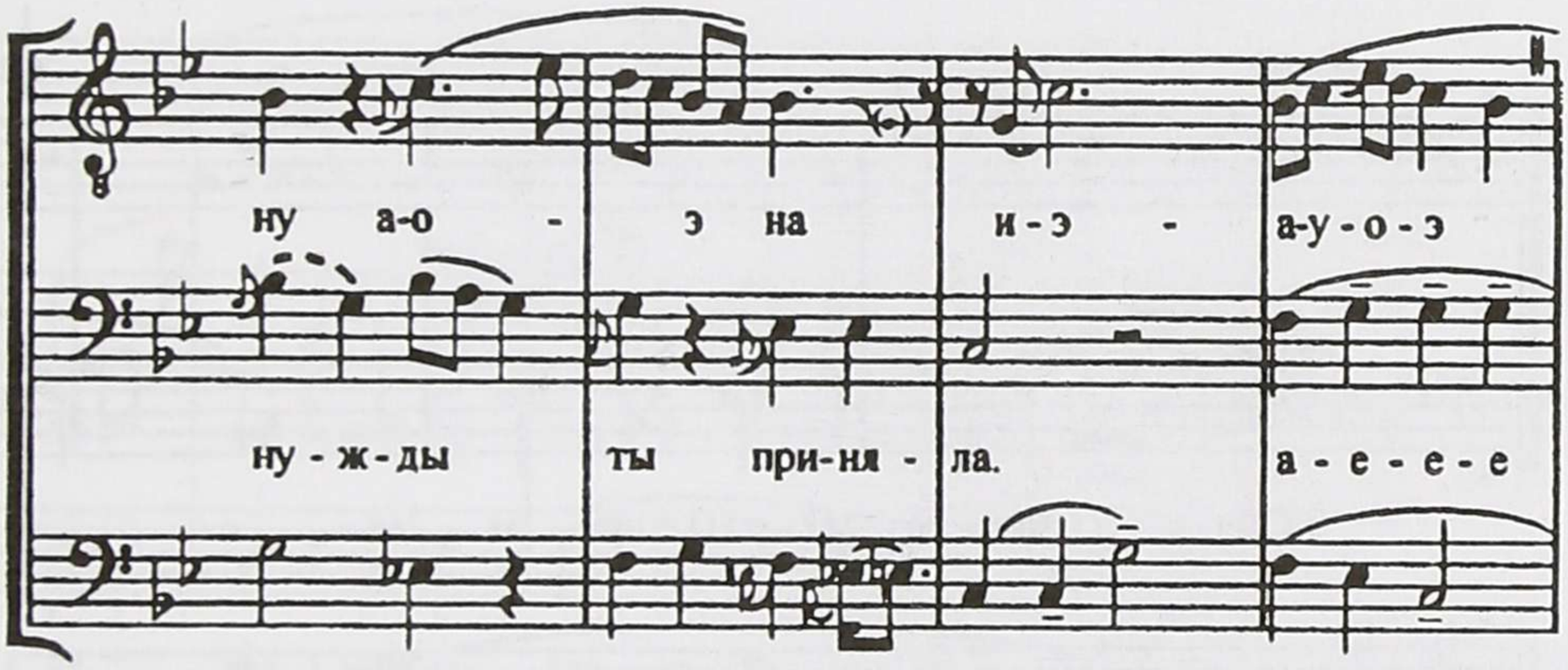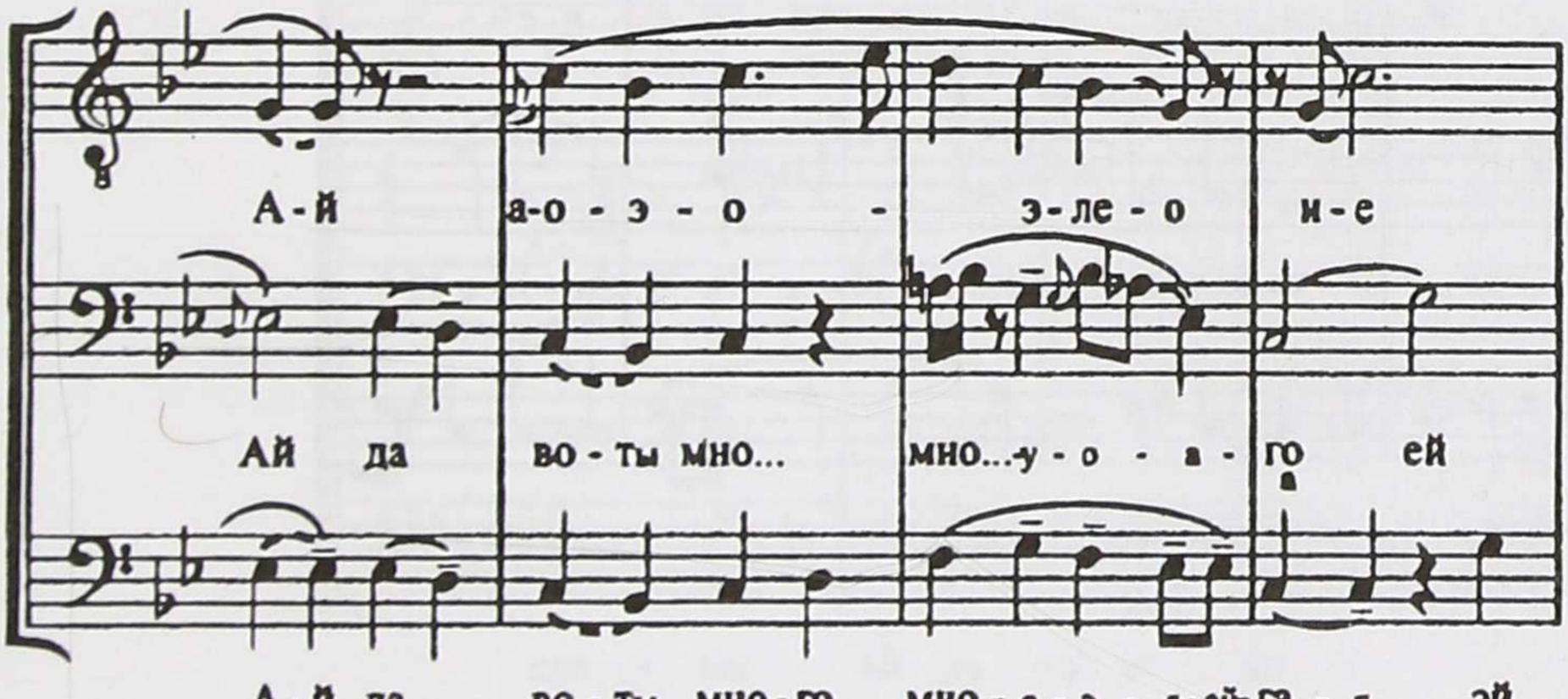

Ай да и-о-э-о-э-а э
Ай да во-ты мать ..се-е-е-эй-ска-е... .
Ой да-я во-ты мать ра-се-и-э-ай-ска-я-я-е-
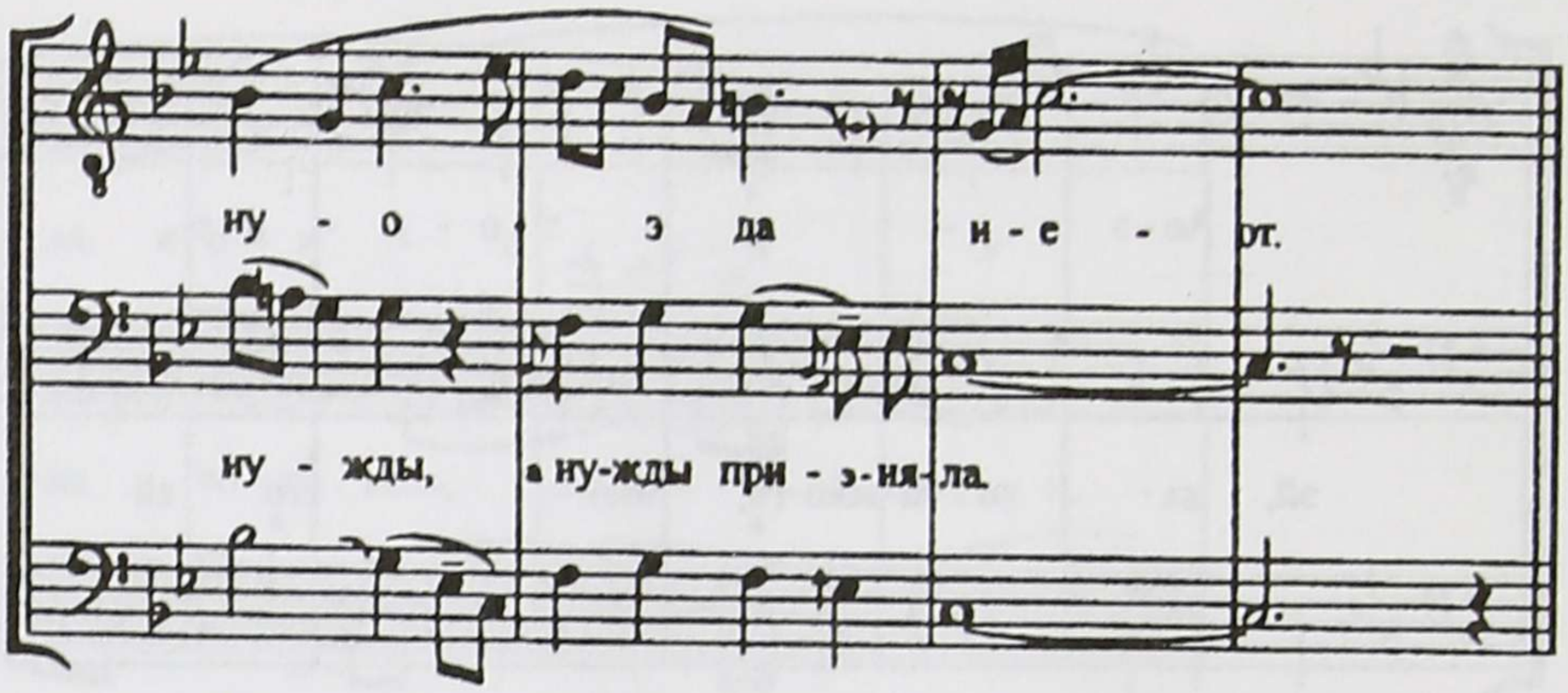

на о-э ну и э-от.
ия-э на-ша да ну зе-мля.
я на-ша-е-а зе-мля.

♩= 112
♩= 100
Э-е-е-
2.О, ты ра-сей-ска-я на-ша зе-мля о-е-э-е
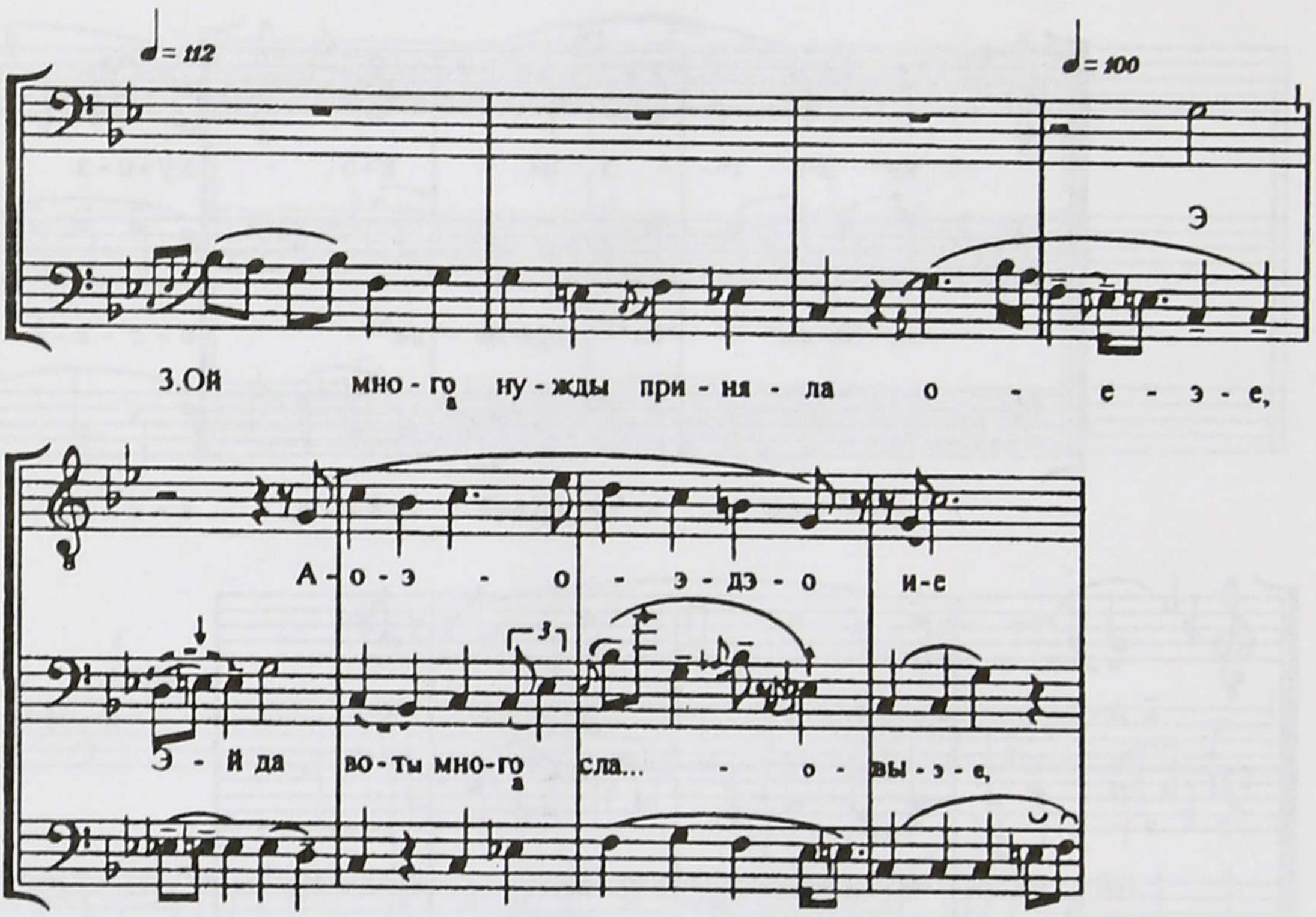

Ао-э - о - э-е-о - и-е
эй, да во-ты мно-го, мно - го ей
ой да вот мно-го, мню-е-э - я-ай-га-е-я ай

ну а-о - э на и-э - а-у-о-э
ну-ж-ды ты при-ня - ла. а-е-е-е
ну - жды а ты при-ня - ла-е-е, а-е-э -

А-й а-о-э-о - э-ле-о и-е
Ай да во-ты мно... мно...-у-о-а-го ей
А-й да во-ты мно-го, мно-е-э - я-ай-га - я эй
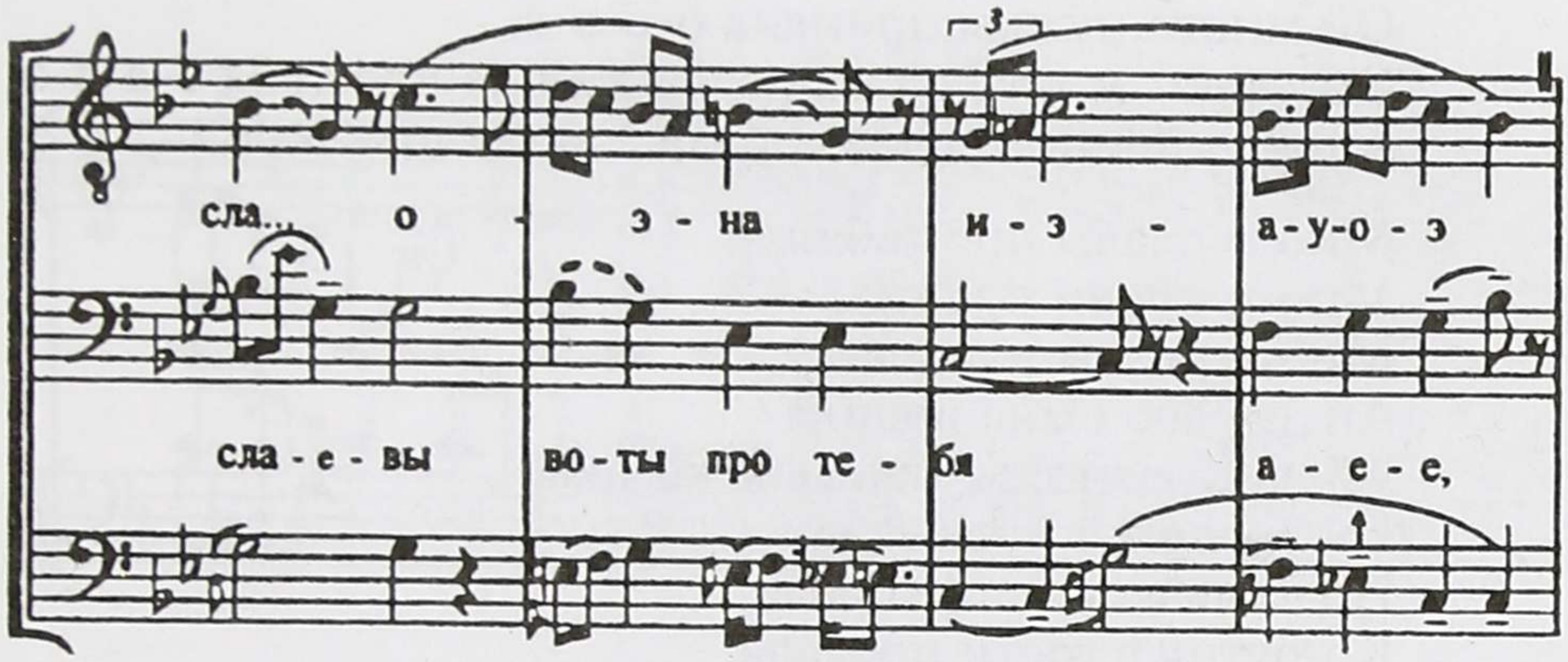

ну - жды-е, а ты при - ня - ла.
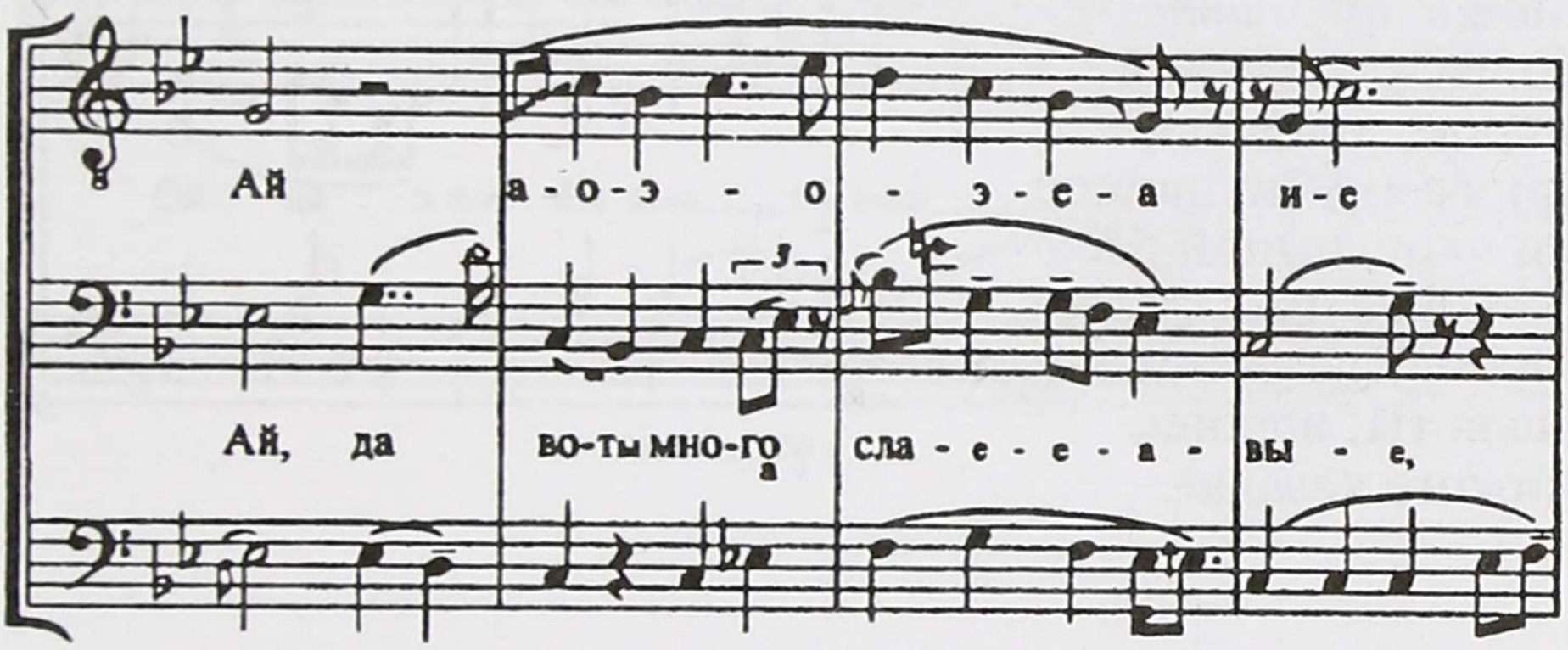

3.Ой мно - го ну - жды при - ня - ла о - е - э - е,
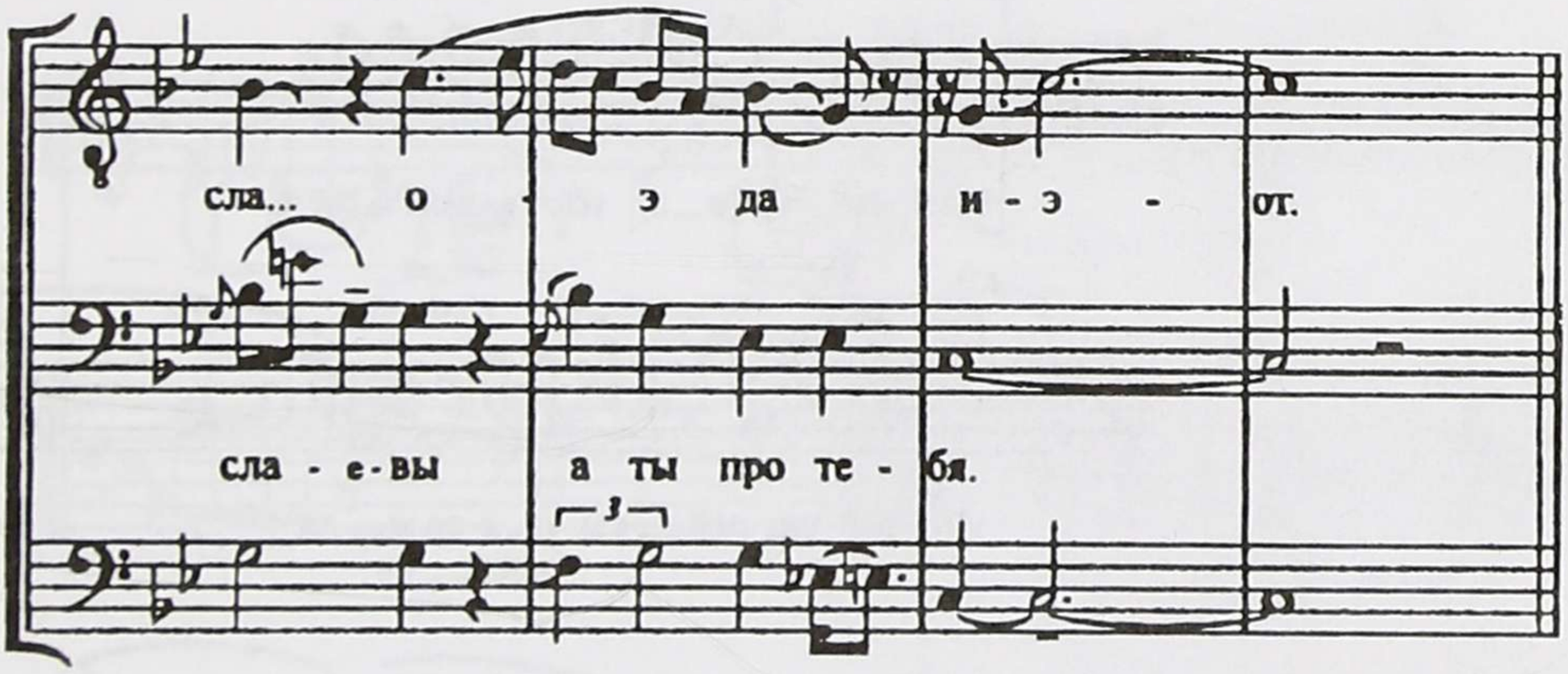
О-и-е да вот мно-го сла - е - е - а - вы - е - е - е,

сла - вы, ай да про те - бя - я е - а - а - е - э,

Ай да вот мно-го сла - е - е - а - вы - е - е - е,

сла - вы ай да про те - бя - е.
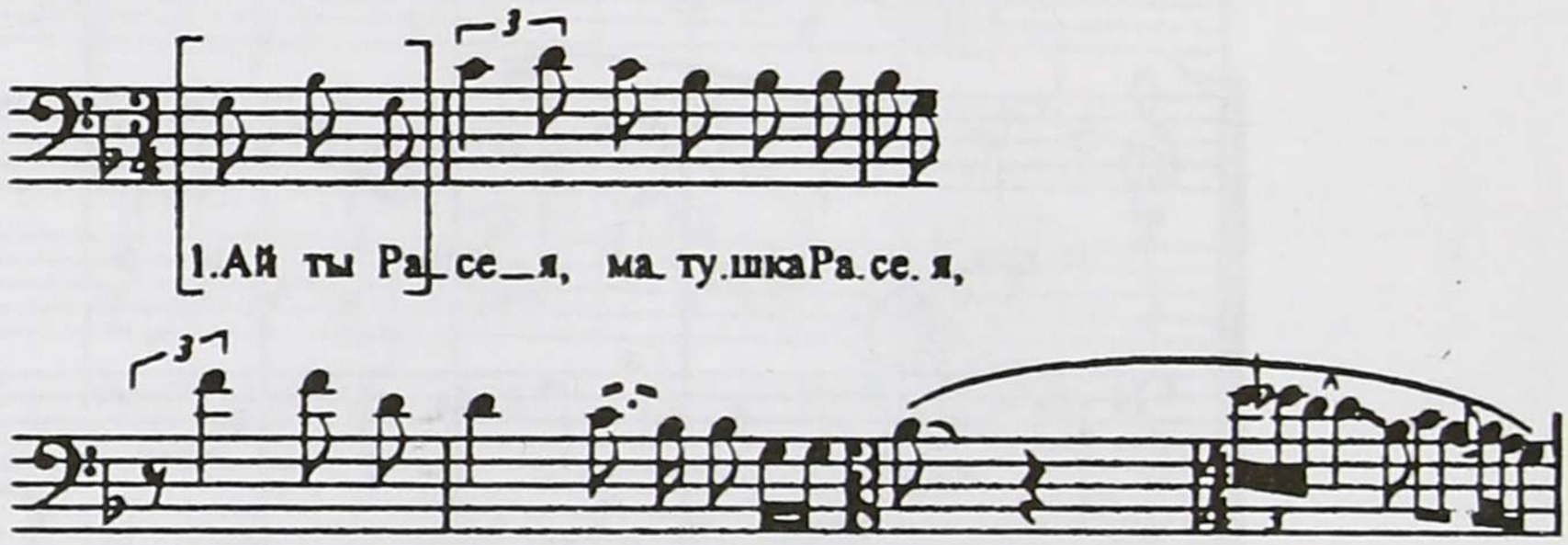
Ой ты Расея, ты Расея, мать расейская наша земля о-е-э-а,
Ой да вот мать расейская наша ну земля е-а-е-э-е,
Ой да вот мать расейская наша да ну земля.
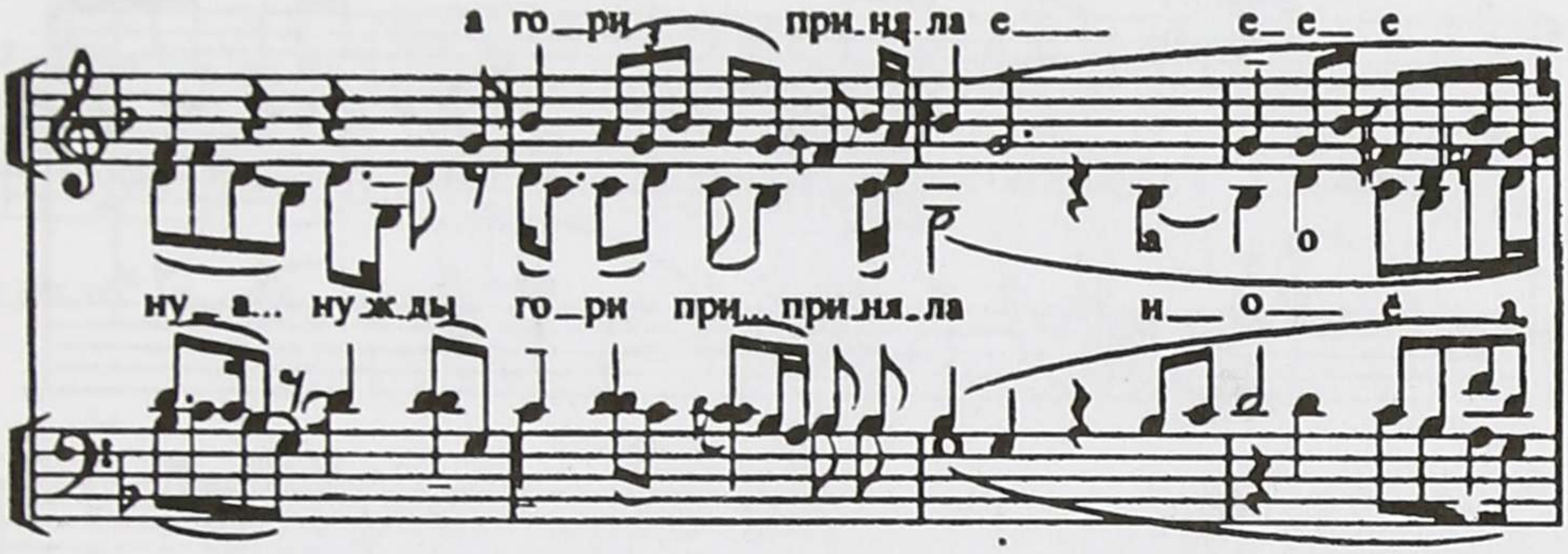
О, ты расейская наша земля о-е-э-е,
Ой да вот много, много ай нужды а ты приняла е-е, а-е-э,
Ай да вот много, много эй нужды а ты приняла.
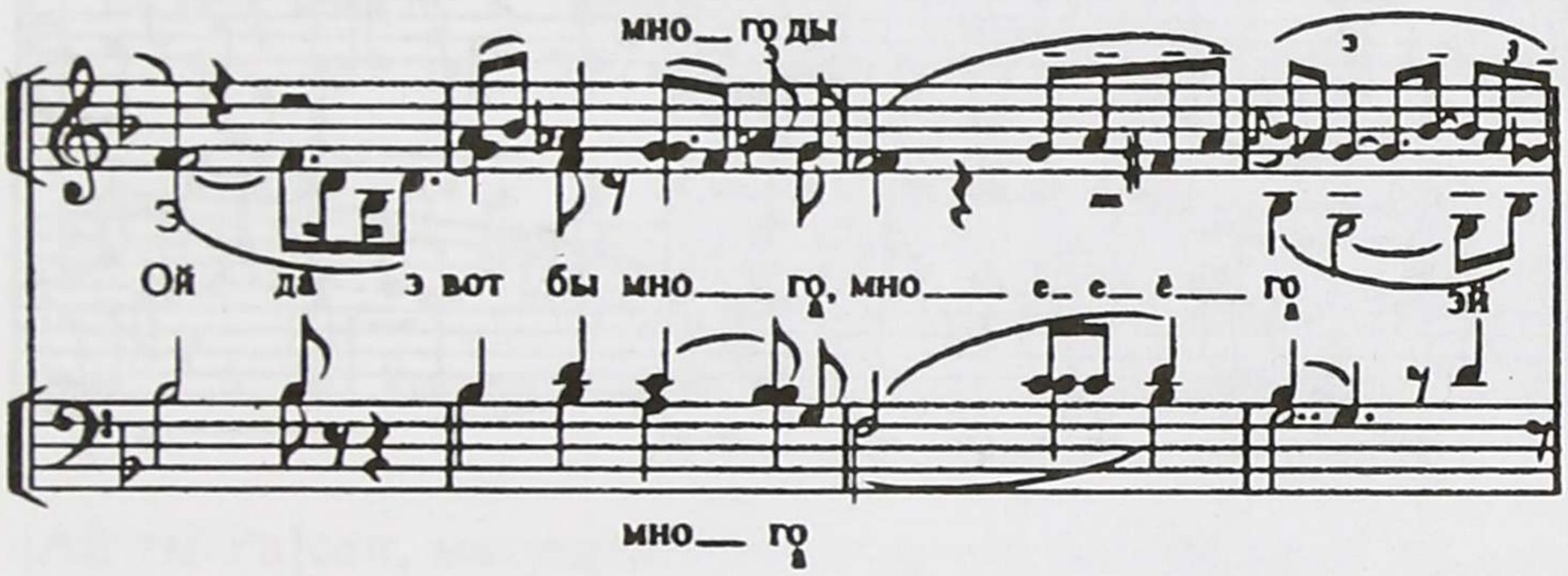
Ой много нужды приняла о-е-э-е,
Ой да вот много славы, славы ай да про тебя е-а-е-э,
Ай да вот много славы, славы ай да про тебя.
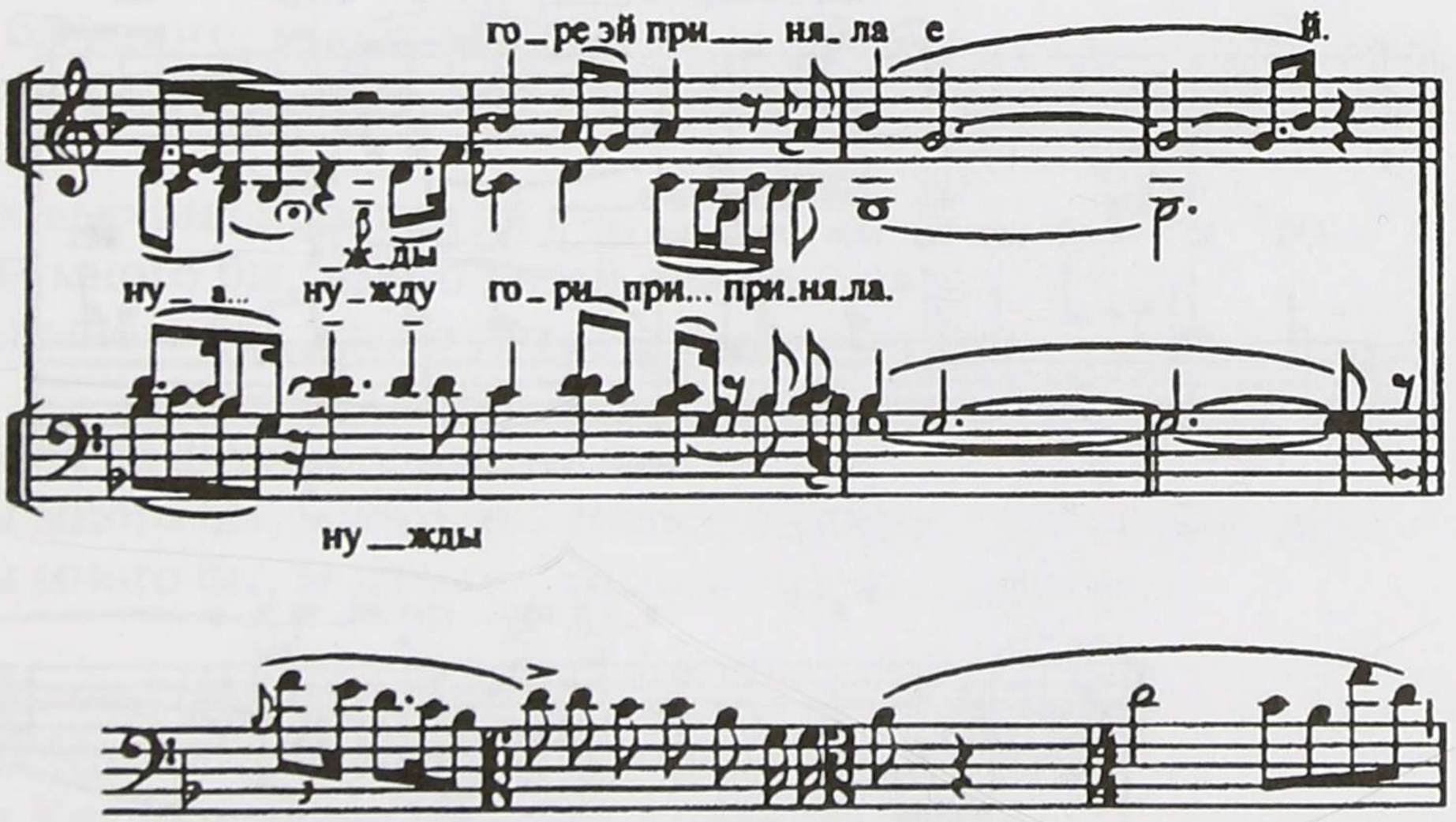
Много славы про тебя,
Много крови пролила —
Много славы нажила.
Ай да себе сына родила
Ай да Краснощёкова себе казака.
Генералом его назвала,
По купечески его убрала,
К прутцу в гости послала.
Его прутцак не узнал,
За купчика признавал,
За дубовый стол сажал,
Стакан рому наливал,
На разносе ему подносил:
«Выпей чару, выпей две,
Расскажи всю правду мне». —
«Ты ворона, загумённая карга!
Не узнала ты, ворона,
Ты донского казака».

№ 13
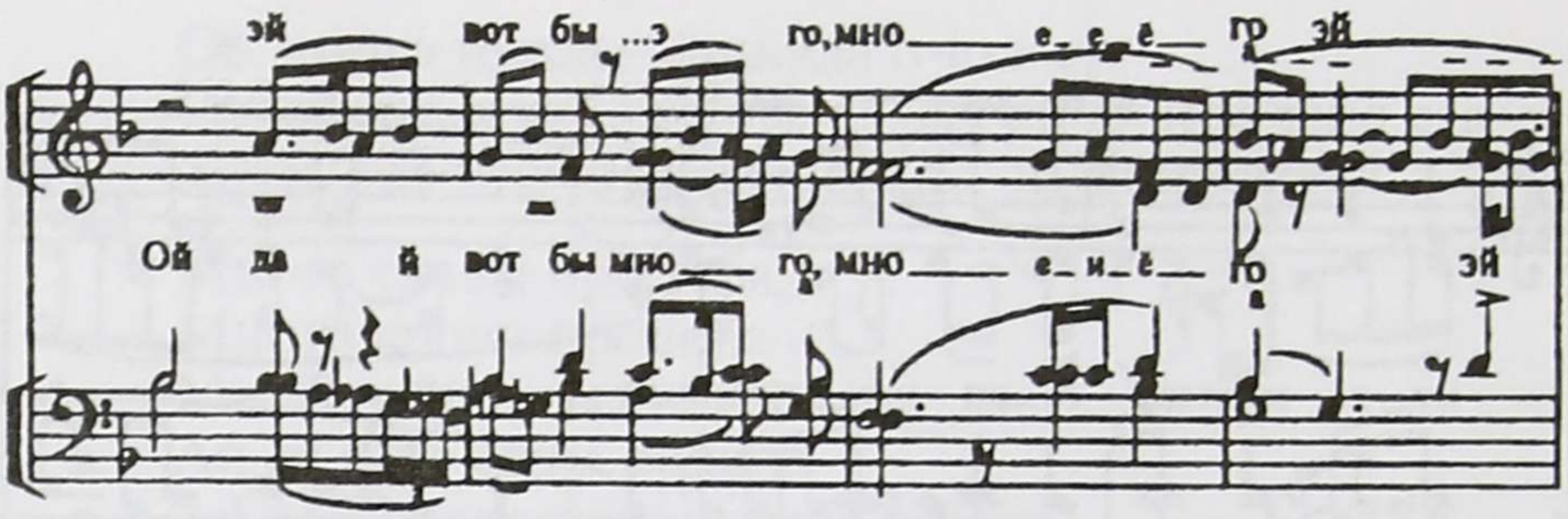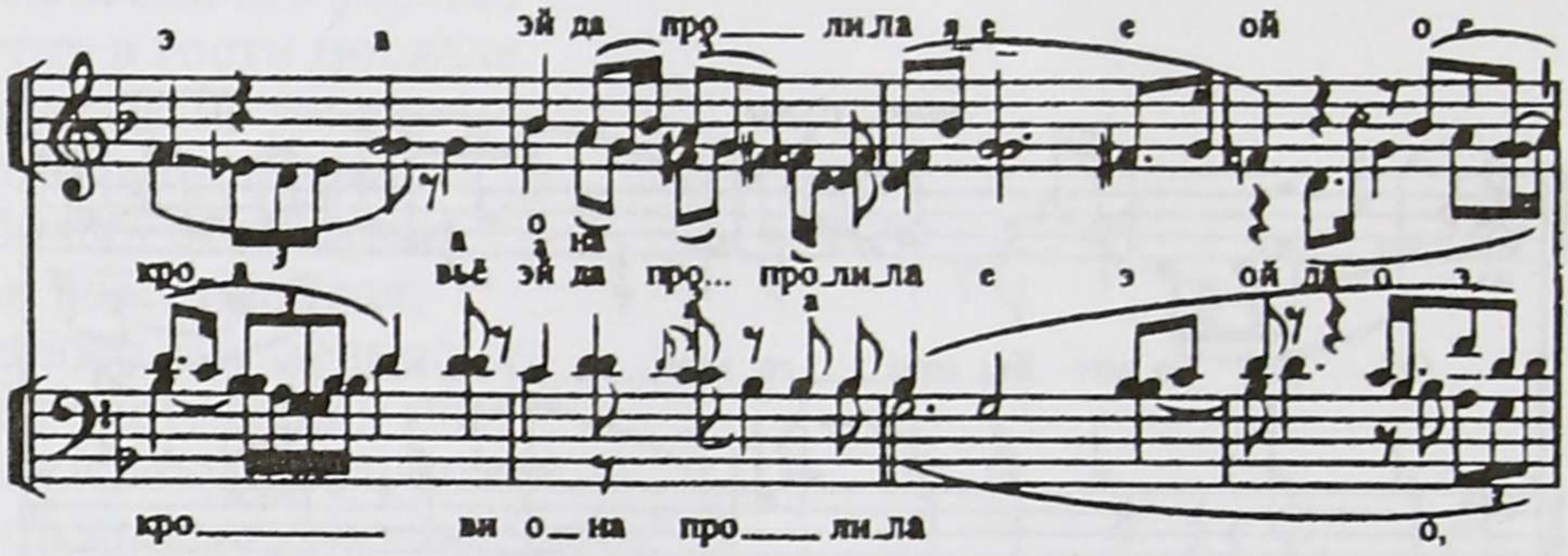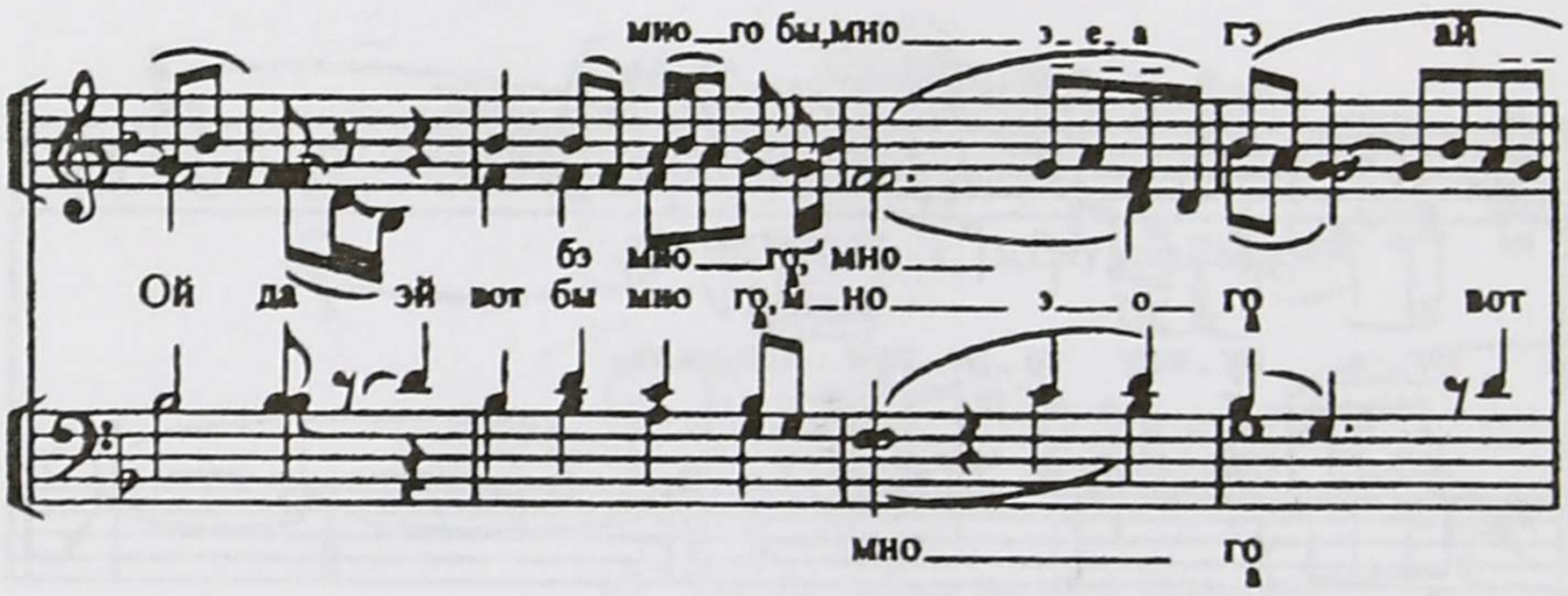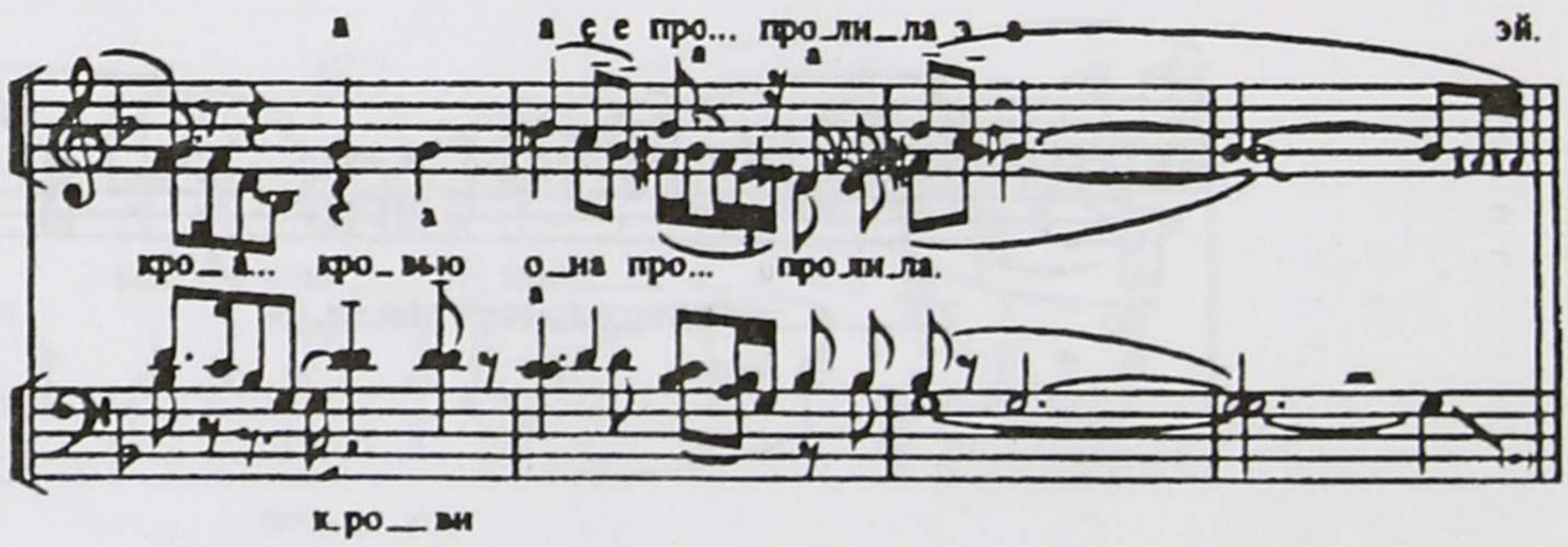

2.Е_ а_ ой ну жды горя при_ня_ла э_ о_ а.
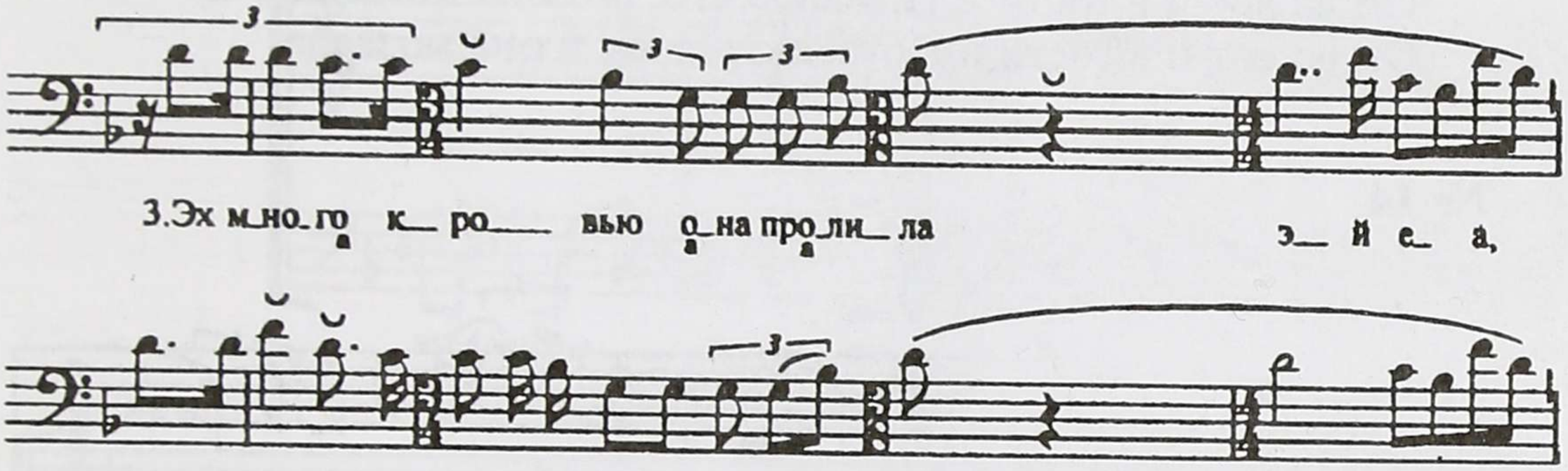

эй вот бы ...э го,мно___ е_е_е___ го эй
Ой да й вот бы мно___ го, мно___ е_и_е___ го эй

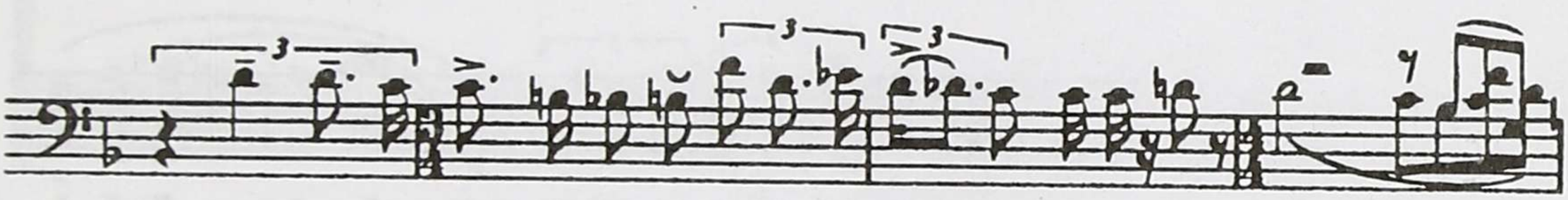

э а эй да про___ лила я е е ой о е
кро_я всё эй да про... про_ли_ла е э ой да о э
кро_____ вия о_на про___ ли_ла о,

мно_го бы,мно___ э_е_а гэ ай
без мно___го, мно___
Ой да эй вот бы мно го,мно___ э___ о___ го вот
мно_____ го

а а е е про... про_ли_ла э эй.
кро_я... кро_вью о_на про... про_ли_ла.
к_ро___ви

Примеры запева:

[Ай ты Ра]сея, матушка Расея, эй всё расейсыкая земля э-а,
Ой да вот бы много, много эй ну... нужды-гори при... приняла и-о-ё-а,
Ой да э вот бы много, много эй ну... нужду-гори эй при... приняла.

Е-а-ой нужды-горя приняла э-о-а,
Ой да й вот бы много, много эй крови эй да про... пролила е-э-ой да о-э,
Ой да эй вот бы много, много вот кро... кровью она про... пролила.

Эх много кровью она пролила эй е-а,
Ой да вот бы много бы, много дитей она родила э-о,
Ох да вот бы много бы, много дитей сабе да родила.

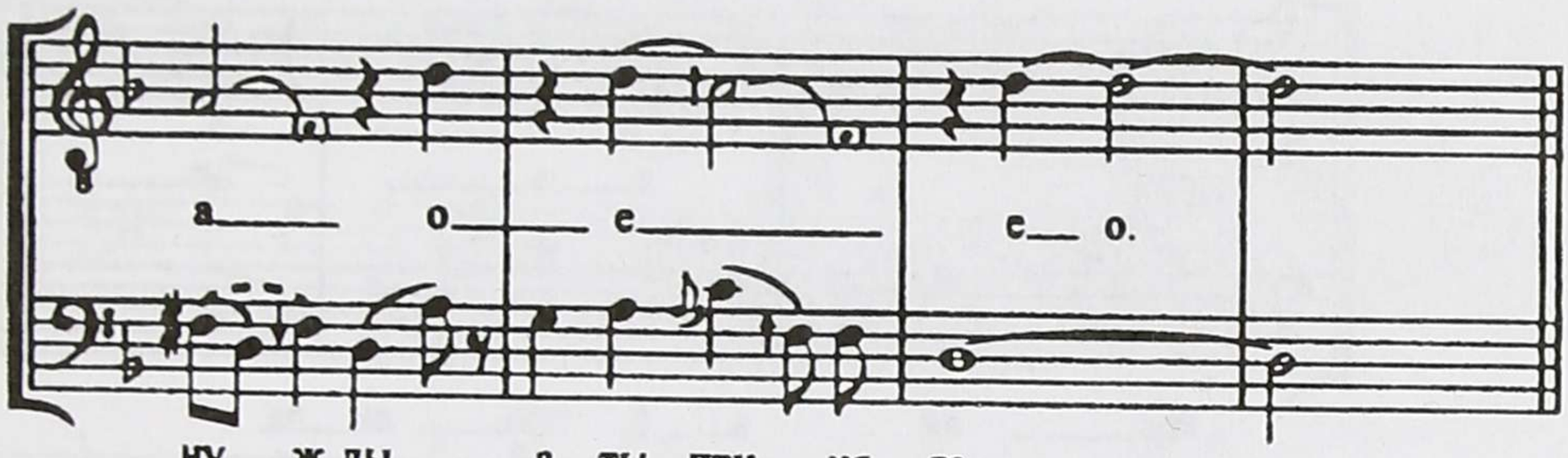
Ведь много она да дитей родила э-а-э,
Ой да вот бы много бы, много го... господ она жал... жалвала о-ой,
Ой да вот бы много бы, много го... господ она жа... жалвала.

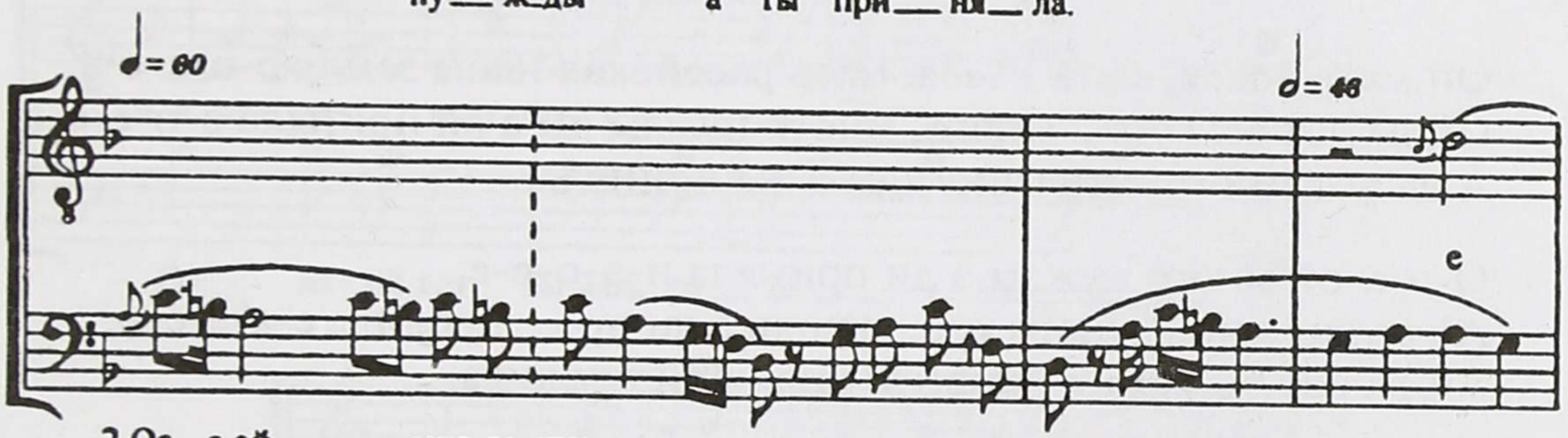
Ведь много господ она жалвала а-э,
Вот ба вот бы Краснощёкова, е... его тольки казачка о-эй,
Ой да вот бы Краснощёкова, е... его тольки вот казачка.
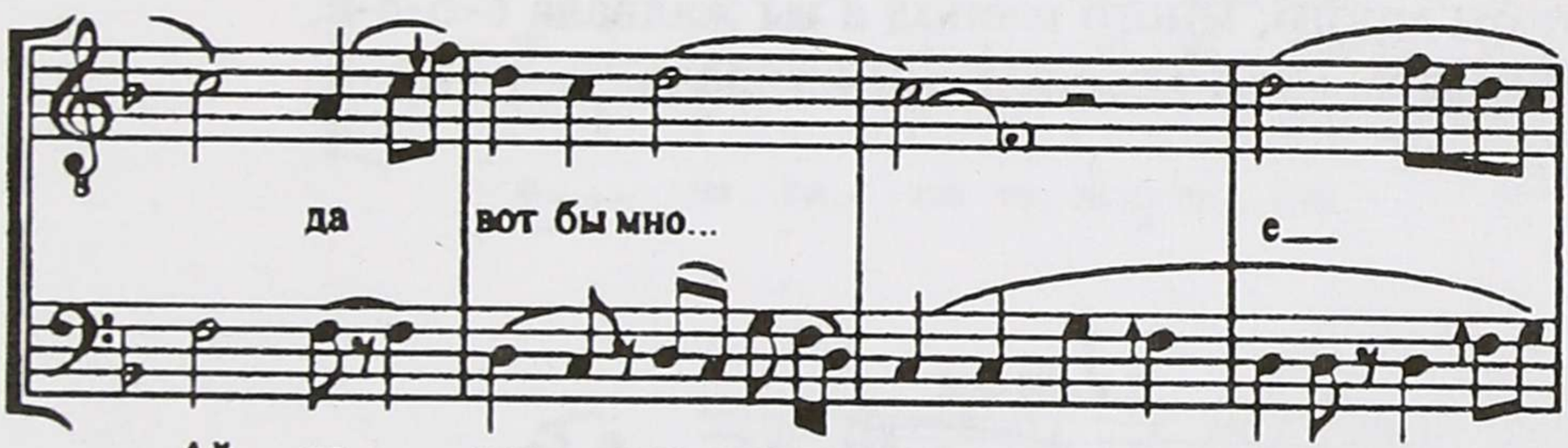
Эх Краснощёкыва, такого хорошенькего, ах! Э-а-о-а,
Ой бы вот бы по купечески е... его тольки убрала о-э-о,
Ой бы вот бы по купечески е... его тольки она убрала.
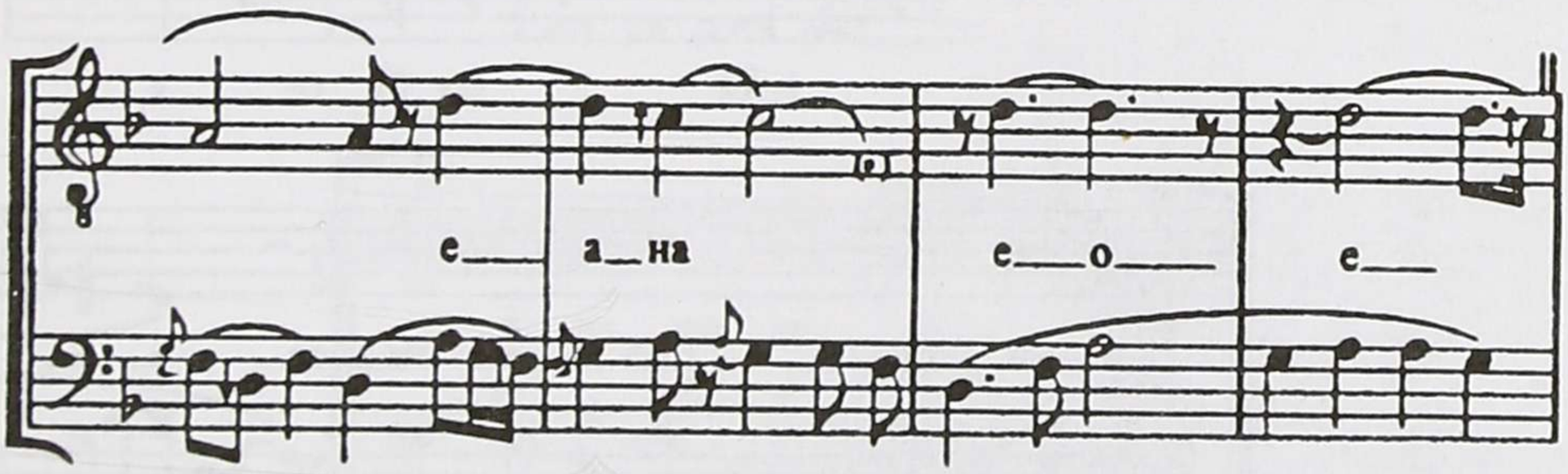
Эх по купечески его убрала э-о-э,
Ой да вот и в гости в Пруссию его, его она позвала э-а,
Ой да вот и в гости в Пруссию его-от и она позвала.

№ 14
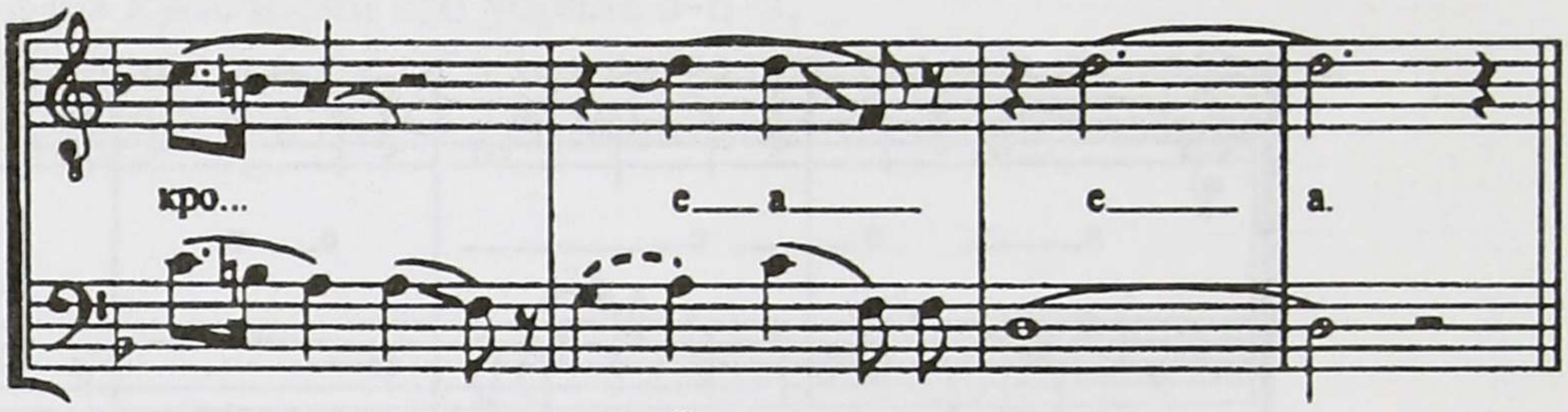

а о е е о.
ну ж-ды а ты при ня ла.

♩= 60
♩= 48
е
2.Оэ а-ой мно-го нуж-ды э э ли при-ня ла и-э о е е,

да вот бы мно...
е
Ай да вот мно..мно-го кро-ё я е е е...

е а на е о е
кро ви а ли про..про-ли ла е а е е а,

Ой да ой мно-го, мно...
А й да вот бы мно-го, мно-ўа а (г)о е е

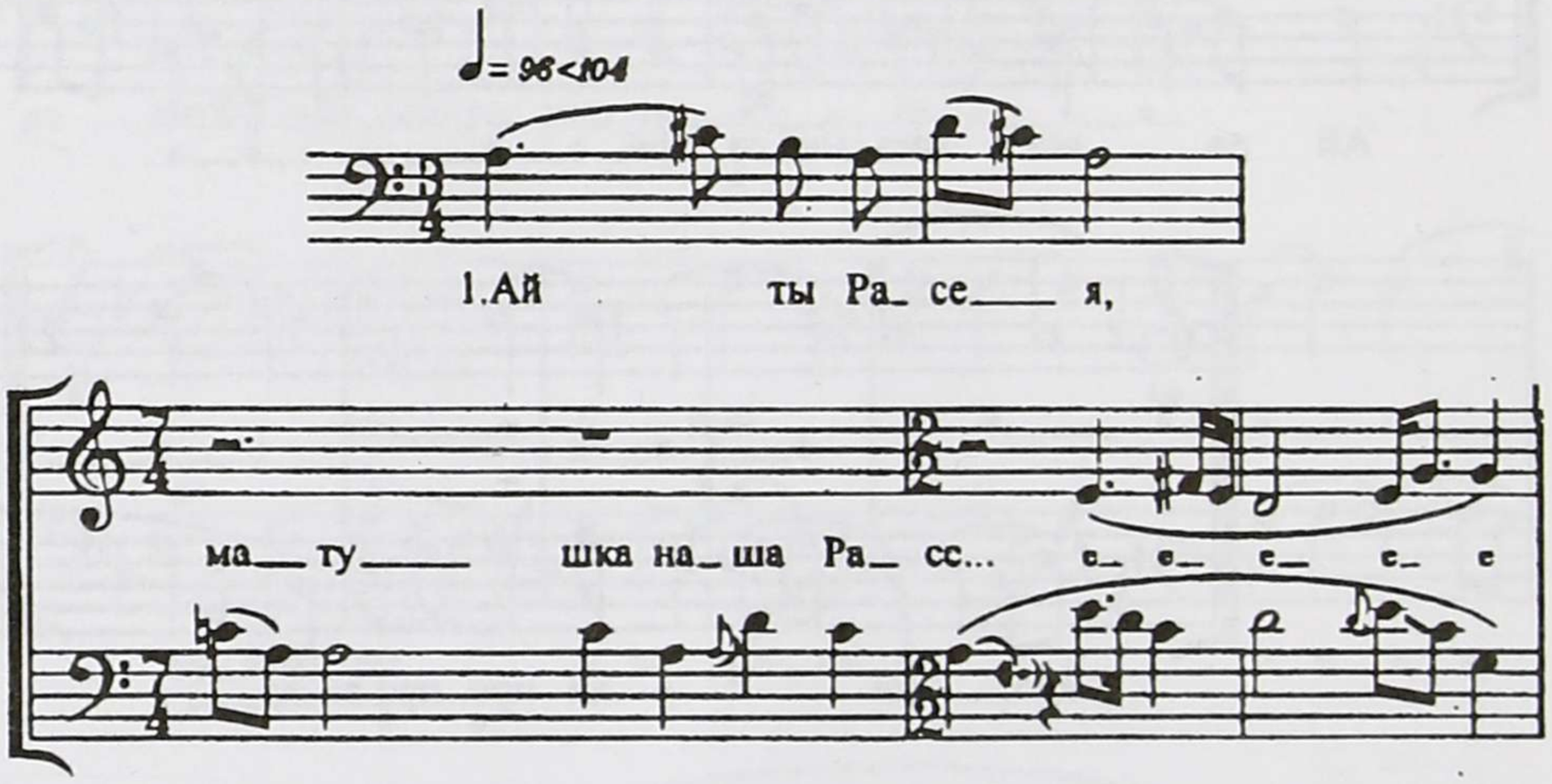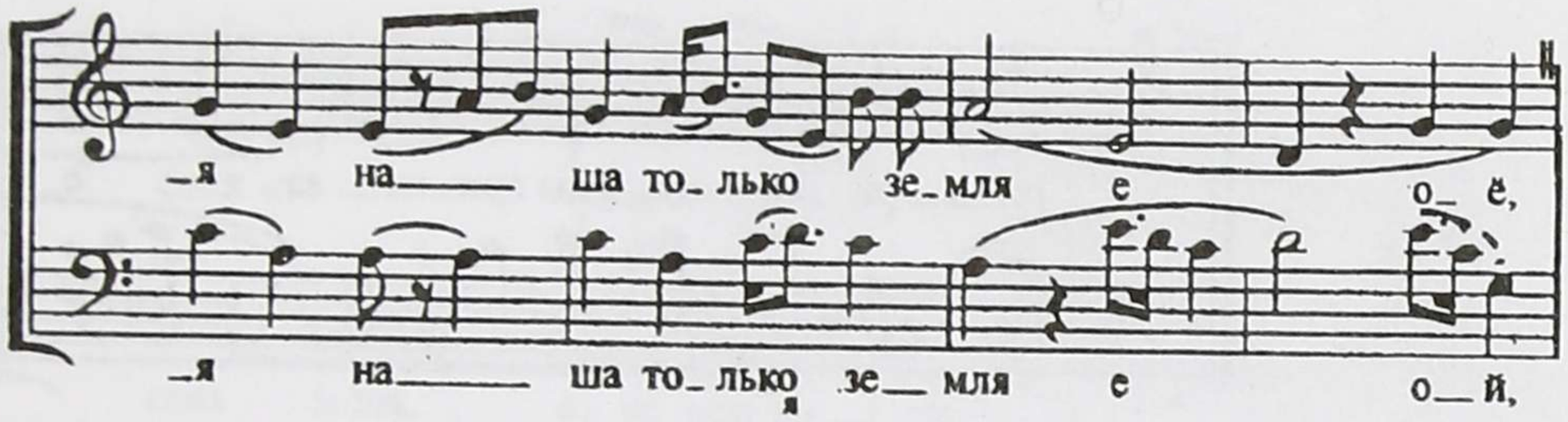

Ой мать Расея, мать Расея, мать расейская наша земля е-о-е-е-а,
Ой да вот бы мно... много, много нужды ды а ли приняла е-о-е-е-а,
А да вот много, много нужды а ты приняла.

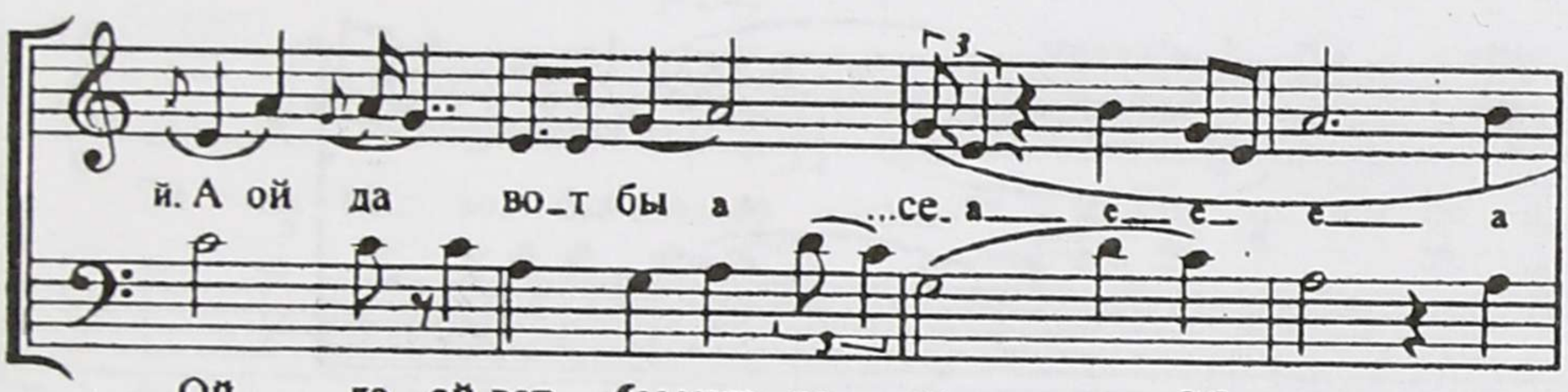
О-э-а-ой много нужды э ли приняла и-э-о-е-е,
Ай да вот мно... много кро... крови а ли про... пролила е-а-е-е-а,
Ай да вот бы много, мно(г)о крови ай пролила.
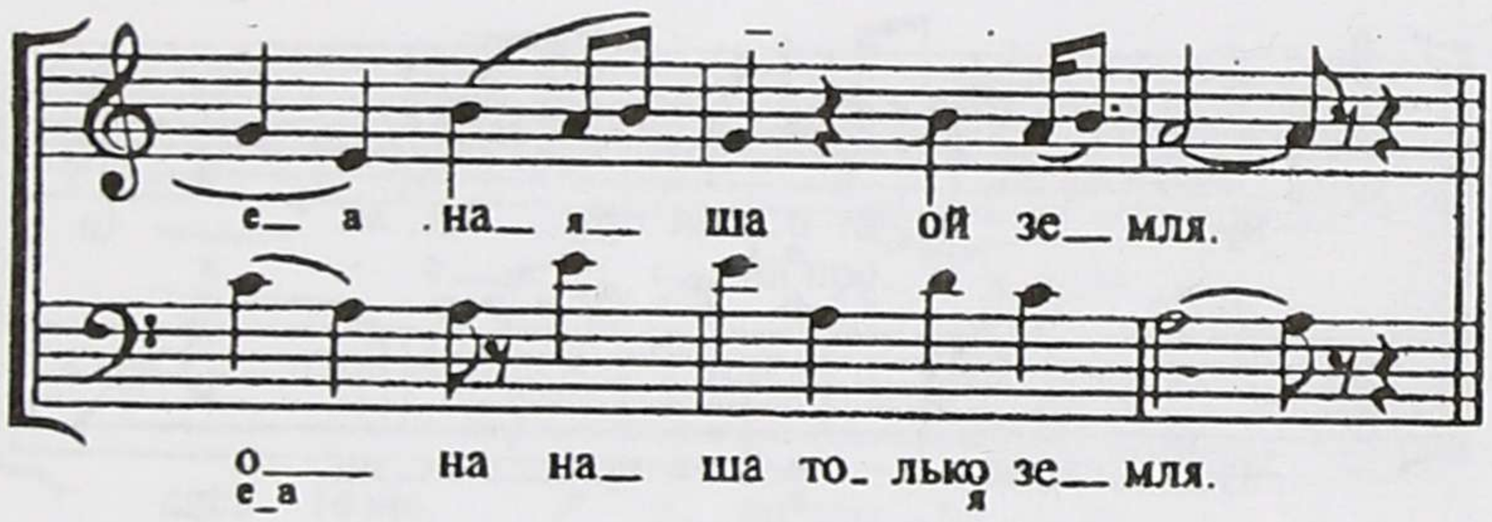
Ой много крови пролила е-а-е-е-а,
Ой да вот бы много, много господ а ты жалвала е-о-е-е,
Ай да вот много, много господ али жалвала.

№ 15
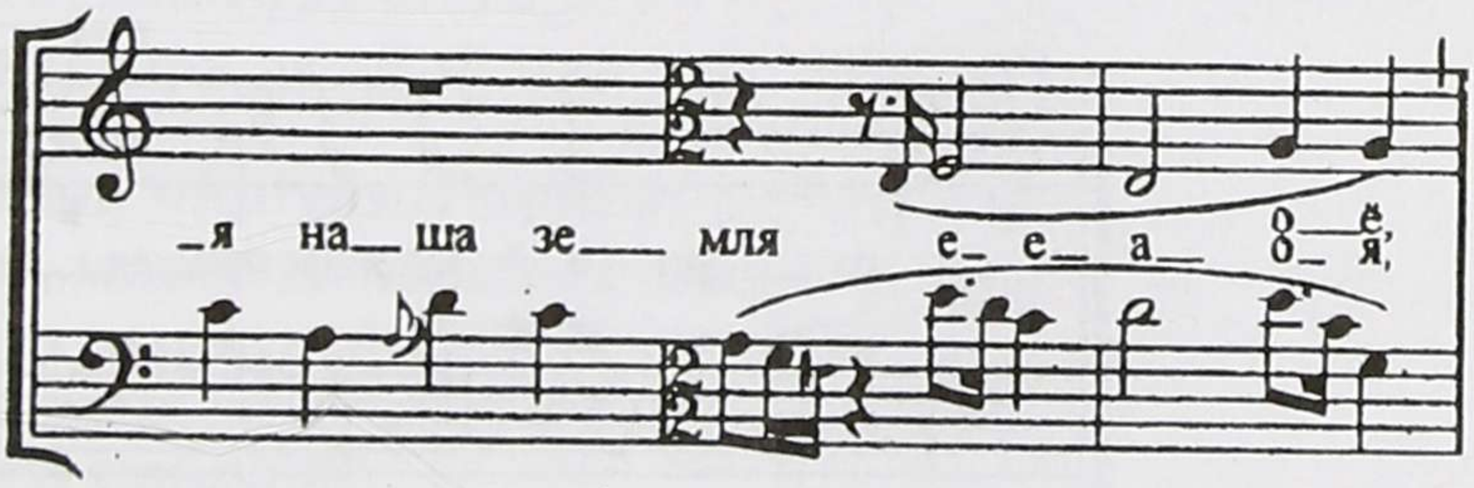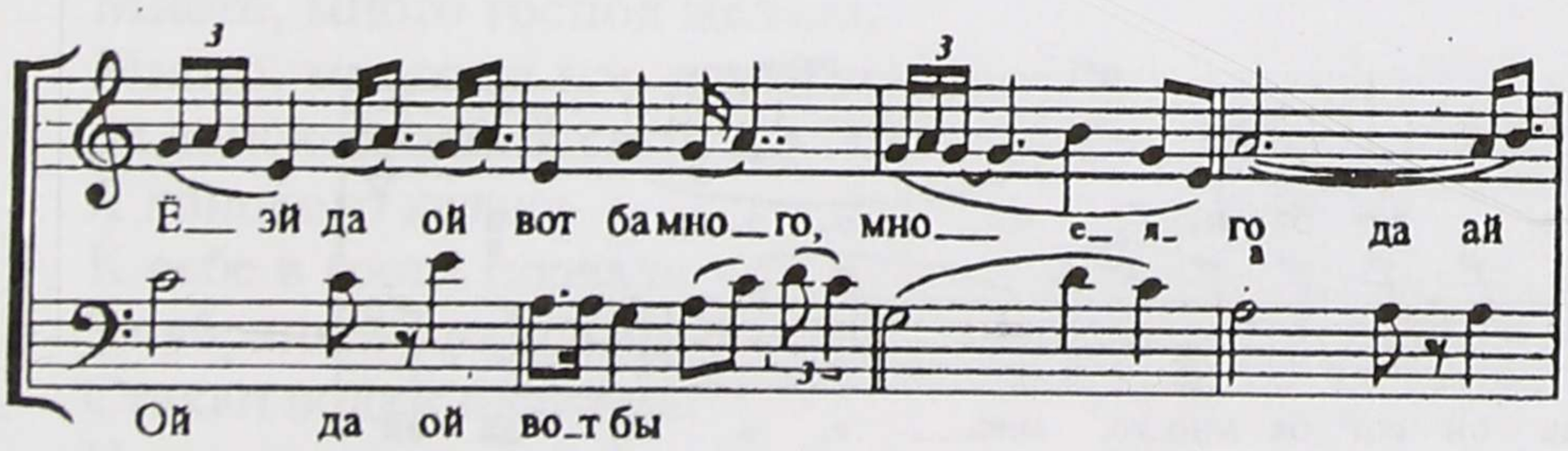

_я на_____ ша то_ лько зе_мля е о_ е,
_я на_____ ша то_ лько зе__ мля е о__ й,

3
й. А ой да во_т бы а ...се_ а___ е__ е_ е___ а
Ой да ой вот бы мать ра___ се_____ е_ е[й]_ ска_____ я

е_ а .на_ я__ ша ой зе__ мля.
о_____ е_а на на_ ша то_ лько я зе__ мля.

2.Ай да мать рос___си_____а_ е_ ска____

_я на__ша зе____ мля е_ е__ а__ о_ е, о_ я,

3
3
Ё__ эй да ой вот бамно__го, мно___ е_ я_ го да ай
Ой да ой во_т бы

го_а_ри ой ну_жды при_ня_ла_я_ с_а_ е,

А_ой да ой мно_го мно_го го_ е_ ря й

Ой да ой мно_го мно_го го_ е_ ря да ай

ну_а.. о_й о_на при_ня_ла.

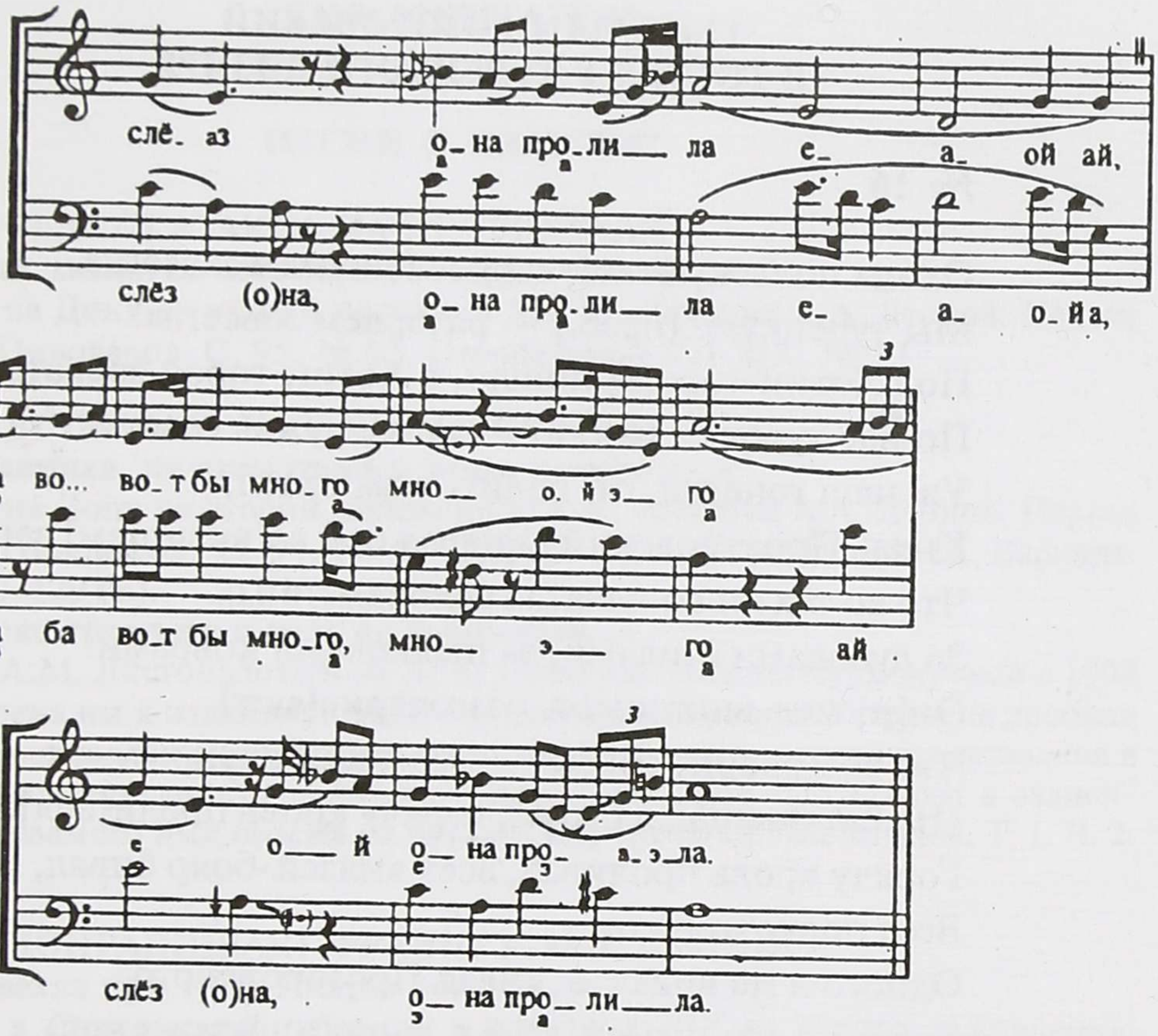
ну_а_жды о_на при_ня_ла.

3.Ай да мно_го, мно_ го

го_ ри о_й ну_жды при_ня_ла с_ е_ а_ е_ е,

Е_ ай да вот ба мно_го, мэ_ о_ э_ го

Ой да ой вот ба мно_го, мно_ е_ а_ го да ай

Ай ты Расея, матушка наша Расе... е-е-е-е-е
Ой да ой вот ба мать расейская наша только земля е-ой,
Ой да ой вот бы мать расе[й]ская она наша только земля.

Ай да мать российская наша земля е-е-а-о-я,
Ой да ой вот бы много, много да ай гори ой нужды приняла я-е-а-е,
Ой да ой много, много горя да ай нужды она приняла.

Ай да много, много гори ой нужды приняла е-е-а-е-е,
Ой да ой вот ба много, много да ай слез (о)на, она пролила е-а-ой а,
Ой да ба вот бы много, много ай слез (о)на, она пролила.

Много, много слез она пролила,
Много, много господ желала,
Много, много за нас крови пролила,
За донского казака.
Я донского казака
К себе в гости позвала
За убраный стол сажала,
Стакан водки наливала
И с честью-славой поздравляла.

ГЕНЕРАЛ ПРОЗОРОВСКИЙ В ГОСТЯХ У ТУРЕЦКОГО ВИЗИРЯ

№ 16

Ох мы польскую земельку наблюдаем завсегда,
Мы турецкую, [нрзб.] — разоряем завсегда.
Под Хотин-горо[д] пошли, в Хотин-город воевать.
По нас турочки палят — только ружья говорят.
Уж наш генерал, он палить нам велел,
Князь Прозоровский-генерал сам со визир[ем] загулял,
Что во тех ли во палатах белокаменных,
За дубовами столами, за шелковами коврами.
Он[и] мед-вина пьют, разговарив[ают].
Что возговорит собака — турецкий визир:
«На батальицах я бывал, горячу кровь проли[вал],
Горячу кровь проливал, всех князей-бояр бивал,
Всех полковничков.
Одного я не видал — князя Прозоровского.
Если б я его пымал, то б с живого шкуру снял».
Что возговорит купец, у[да]лой молодец:
«Погляди-ткось на меня — уж я весь у те[бя]».
Словно, словно, как такой, ровно матери одной.
Что возговорит купец удалой молодец:
«Ох вы слуги, мои слуги, вы донские казаки,
Вы пойдите, приведите моего доброго коня».
На коня купец садился, чежелюшенько вздохнул.
Со двора купец съезжал, он визира обругал:
«Ты собака, собака, турецкой визир!
Не умела ты, собака, ясна сокола ловить,
Ясна сокола ловить, князя Прозоровского».
Что возговорит собака турецкой визир:
«Уж я силу изберу и в погоню погоню».
Что возговорит купец, удалой молодец:
«Уж ты силы не теряй и в коне не ступай,
Уж я милости прошу в чисто поля погулять,
Батальецу одержать».

КОММЕНТАРИИ

ПЕСНИ О ПЛАТОВЕ[1]

ПЛАТОВ ВЕДЕТ КАЗАКОВ НА НЕПРИЯТЕЛЯ

1. «Вот как хвалится-похваляется генерал Платов...»

Записана на Дону во второй половине XIX в.; сообщил А.А. Леонов. Первая публикация: Пивоваров. С. 95, № 93. Перепечатка: ИП XIX, № 13.

ПЛАТОВ ВСТРЕЧАЕТ КАЗАКОВ ПОСЛЕ БОЯ

2. «Не травушка, не кавылушка к земле клонится...»

Записана на Дону во второй половине XIX в.; сообщил А.А. Леонов. Первая публикация: Пивоваров. С. 94, № 92. Перепечатка: ИП XIX, № 12. Вариант: Мякутин, I. С. 129 (Б).

3. «Ой да не травушка в поле не ковылушка...»

Записана А.М. Листопадовым на Дону в станице Нижне-Курмоярской в 1902 г. и подготовлена им к изданию в виде хоровой аранжировки. Устранена дробная тактировка, имеющаяся в источнике. Форма напева здесь и далее представлена в вертикально-ранжированном изложении по стихам либо полустихам в зависимости от занимаемого ими объема на письме. Перепечатка: Листопадов. Т. 1. Ч. 2. С. 377—378.

ПЛАТОВ ДОПРАШИВАЕТ ФРАНЦУЗСКОГО МАЙОРА

4. «Как поехал наш граф Платов воевати...»

Записана в Саратовской губернии в середине XIX в. Первая публикация: Киреевский, 10. С. 48—49. Перепечатка: ИП XIX, № 70. Вариант: ИП XIX, № 69.

ПЛАТОВ ВО ВРЕМЯ БИТВЫ

5. «Мы гуляли во лужках, забавлялись во кружках...»

Записана П.В. Киреевским в Московской губернии, Московском уезде, с. Ильинском в 1832 г. Первая публикация: Киреевский, 10. С. 40. Перепечатка: ИП XIX, № 71.

6. «От своих чистых сердец...»

Записана А.М. Языковым в Симбирской губернии в середине XIX в. Первая публикация: Киреевский, 10. С. 37—38. Перепечатка: ИП XIX, № 72.

7. «Совьем Платову венец из своих чистых сердец...»

Записана П.В. Киреевским в Московской губернии, Звенигородском уезде, с. Воронки в 1833 г. Первая публикация: Киреевский, 10. С. 38. Перепечатка: ИП XIX, № 73.

8. «Про Платова-казака прошла слава хороша»

Записана А.А. Догадиным у астраханских казаков в станице Пичуженской от Д.А. Горшнева и аранжирована для хора или фп. Первая публикация: Догадин, III, № 12. Перепечатка: ИП XIX, № 75.

9. «Мы во армии живали, не об чем горечка не знали»

Записана П.В. Шейном в Саратовской губернии, Хвалынском уезде, с. Безобразовка в 1872 г. от крестьянина О.С. Вдовина. Архив РАН. Ф. 104. Оп. 1. Дело

---

[1] Список сокращений на с. 237—238.

668. Царствование Александра I. Двенадцатый год (Платов, Царевич Константин). Ч. 3. Л. 3-3 об. Публикуется впервые.

10. «Запоем мы, запоем, как в армеюшке живем...»

Записали Ю. Грейдинг, Т.И. Ярембаш в Карельской АССР, Пудожском р-не, д. Новинки (на Сумозере) в 1960 г. Исп. А.М. Федулова, 76 л., род. в д. Канзаналок на Водлозере, переехала на Сумозеро в 1959 г. АКФ МГУ им. М.В. Ломоносова, ФЭ 9784—9785. Тетр. 18, № 18. Публикуется впервые. Возможная реконструкция строфической формы текста, сравн. с № 11 («Платон-казак наш отец»):

Запоем мы, запоем, как в армеюшке живем.
Мы в армеюшке живали, ни об чем горя не знали.

Мы в армеюшке живали, ни об чем горя не знали,
Ни об чем горя не знали, провиянты получали.

Ни об чем горя не знали, провиянты получали:
Получали пуль-картечь, нам не для чего беречь.

Получали пуль-картечь, нам не для чего беречь.
Начинай, наши ребята, палить с правого плеча!..

11. «Платон-казак наш отец, мы совьем ему венец...»

Записал на мгф. А.Н. Иванов в Ставропольском крае, Левокумском р-не, пос. Кумская Долина в 1988 г. Исп. казачка-некрасовка М.А. Бабаева, 1925 г.р. Архив собирателя. Нотировал А.Н. Иванов. Публикуется впервые.

РУССКИЕ ВОЙСКА РАЗБИВАЮТ ФРАНЦУЗОВ

12. «Не пыль во поле пылит...»

Записана П.В. Киреевским в Орловской губернии в середине XIX в. Первая публикация: Киреевский, 10. С. 35—36. Перепечатка: ИП XIX, № 76.

13. «Похвалился вор-французик Россию взять...»

Записана А.М. Языковым в Симбирской губернии в 1830-е гг. Перепечатка: Киреевский—Языковы, № 128.

14. «Заводилася война...»

Записана К.Д. Кавелиным в Тульской губернии в середине XIX в. Перепечатка: Киреевский, 10. С. 33—35.

15. «Господа вы, енералы!»

Записана К.Д. Кавелиным в Тульской губернии. Перепечатка: Киреевский, 10. С. 39—40.

16. «Восхвалялись злы французы...»

Записана А. Зыряновым в Пермской губернии, Шадринском уезде в 1864 г. Перепечатка: ИП XIX, № 104.

17. «Обещался наш французик...»

Записана В. Таушевым в Симбирской губернии в с. Мурзицы в 1885 г. Перепечатка: ИП XIX, № 102.

18. «Наполеон, наш Наполеон...»

Записана А.М. Листопадовым в Ростовской области. Перепечатка: ИП XIX, № 106.

19. «Похвалялся вор-французик...»

Записана П.А. Некрасовым в Пермской губернии, Соликамском уезде, Александровской волости в 1890—1891 гг. Опубликована: Некрасов. С. 200—201. Перепечатка: ИП XIX, № 103.

20. «Восхвалился вор-французик...»

Записана войсковым старшиной Н.К. Бухариным в Оренбургской губернии, ст. Нижнеозерной в начале XX в. от урядника Андрея Гавриловича Яковлева. Перепечатка: Мякутин, I. С. 81 (В).

21. «Похвалялись злы французы...»

Записана И.Я. Стяжкиным в Свердловской области в г. Каменск-Уральский в 1946 г. от М.С. Суворкова, 67 лет. Опубликована: Уральский фольклор. Свердловск, 1949, № 9. Перепечатка: ИП XIX, № 105.

22. «Ай, вот, хвалится да француз, да выхваля... выхваляется»

Записана А.М. Листопадовым на Дону в станице Бело-Калитвенской в 1905, 1911 гг. и подготовлена им к изданию в виде хоровой аранжировки. Перепечатка: Листопадов. Т. 1. Ч. 2. С. 374—375.

23. «Слава Платова-героя, победитель был врагам...»

Записали С.В. Пряслина, О.Н. Панюшкина в Волгоградской обл., Фроловском р-не, станице Молодельской в 1990 г. Исп. С.Е. Забрунов, 1914 г.р. (запевает), Н.И. Балуша, 1925 г.р., А.Н. Гуковская, 1928 г.р., М.Д. Дронова, 1925 г.р., О.П. Забрунова, 1917 г.р., А.В. Канашина (г.р. не указан), М.С. Киреева, 1916 г.р., А.А. Махонина, 1922 г.р., И.В. Ульянов, 1924 г.р., А.И. Ульянова, 1924 г.р., В.И. Федосова, 1918 г.р. Фонограммархив РАМ им. Гнесиных, 3098—03. Нотировал А.Н. Иванов. Публикуется впервые.

24. «Слава Платову-герою, победитель был врагам...»

Записали Е.Б. Кожухова, С.А. Пономарева, Л.Н. Черкашина в Ростовской обл., Багаевском р-не, станице Багаевской в 1984 г. Исп. Н.В. Богучарова, 1920 г.р., М.И. Кислякова, 1914 г.р., Е.Я. Храброва, 1924 г.р., О.И. Чечель, 1918 г.р., А.Н. Ясыркина, 1914 г.р. Архив РАМ им. Гнесиных, тетр. 477. Звукозапись исполнения не обнаружена, напев, надо полагать, соответствует № 25 из хутора Елкино станицы Багаевской. Публикуется впервые.

25. «Знаем Платова ж да героя, победитель был врагам...»

Записали на мгф. Е.Б. Кожухова, С.А. Пономарева, Л.Н. Черкашина в Ростовской обл., Багаевском р-не, хуторе Елкино в 1984 г. Исп. А.А. Топилина, 1904 г.р. (запевала), Т.Г. Буаллаури, 1940 г.р., Л.М. Волкова, 1910 г.р., Т.П. Грецева, 1941 г.р., А.Х. Жила, 1913 г.р., Т.С. Корникова, 1941 г.р., В.И. Полякова, 1934 г.р., М.С. Попова, 1939 г.р., М.В. Семагина, 1914 г.р., Е.А. Субботина, 1918 г.р., А.Х. Тутенкова, 1918 г.р. Фонограммархив РАМ им. Гнесиных, 2127—02. Нотировал А.Н. Иванов. Публикуется впервые.

ПЛАТОВ В ГОСТЯХ У ФРАНЦУЗА

26. «Далеко слава прошла...»

Рукописный сборник начала XIX в. — ГИМ ОПИ. Ф. 440. (Собрание Забелина). Ед. хр. 1235, № 11. Л. 14об—16. Припев повторяется после каждого двустишия. Перепечатка: ИП XIX, № 162.

27. «Святорусская земля...»

Записана в Оренбургской губернии в середине XIX в. Доставлена П.В. Киреевскому В.И. Далем. Первая публикация: Киреевский, 10. С. 50—52, № 1. Перепечатка: ИП XIX, № 134.

28. «Мать Россея, мать Россея...»

Собрание П.И. Савваитова «Простонародные вологодские песни». ГПБ, XVII, 230. Л. 11. Перепечатка: ИП XIX, № 132.

29. «Милой не жив, не здоров...»

Записана А.М. Языковым в Предуралье в середине XIX в. Опубликована: Киреевский, 10. С. 61—65. Перепечатка: Киреевский—Языковы, № 132.

30. «Польская земля...»

Записана в Вологодской губернии. Сообщено П.И. Савваитовым. Первая публикация: Москвитянин. 1841. Ч. III, № 5. С. 7—8. Перепечатка: ИП XIX, № 131.

31. «Платов-генерал...»

Записана П.И. Якушкиным в Орловской губернии, Малоархангельском уезде, д. Тетеря в 1843 г. Первая публикация: Киреевский, 10. С. 67—68. Перепечатка: ИП XIX, № 159.

32. «Как французская земля...»

Первая публикация: Терещенко. Ч. II. С. 417. Перепечатка: ИП XIX, № 160. Пелась на свадьбе.

33. «Уж не пыль во поли пылит...»

Записана в Нижегородской губернии. Сообщено В.И. Далем. Архив РАН. Ф. 104 (Собрание П.В. Шейна). Оп. I, № 668. Л. 9—10. Перепечатка: ИП XIX, № 164.

34. «Что не пыль в поле пылит...»

Преображенский А. Простонародные песни Ярославской губернии, 1852. АГО. Р. 47. Д. 26, № 37. Л. 19—20. Перепечатка: ИП XIX, № 168.

35. «Вдоль по речке, по реке...»

Патрицкий А. Умственные и нравственные способности и образование жителей Бобровского уезда Воронежской губернии, 1855. АГО. Р. IX. Д. 73. Л. 14. Перепечатка: ИП XIX, № 167.

36. «Князь Гагарин, дворянин...»

Записана П.В. Шейном в Симбирской губернии, Корсунском уезде, с. Усть-Урен от ратника Карташева. Архив РАН. Ф. 104 (Собрание П.В. Шейна). Оп. 1. Ед. хр. 668. Царствование Александра I. Двенадцатый год (Платов, Царевич Константин). Ч. III. Л. 11—12 об. Публикуется впервые.

37. «Святорусская земля...»

Записана С.И. Гуляевым в Барнауле. Перепечатка: ИП XIX, № 136.

38. «Мать российская земля...»

Записана И.А. Худяковым в Рязанской губернии, Зарайском уезде. Архив РАН. Ф. 104 (Собрание П.В. Шейна). Оп. 1. Ед. хр. 668. Л. 6—7. Перепечатка: ИП XIX, № 133.

39. «Россейская наша земля...»

Записана Маркевичем в Орловской губернии, Елецком уезде. Первая публикация: Киреевский, 10. С. 52—54. Перепечатка: ИП XIX, № 155.

40. «Уж ты матушка моя Россия...»

Записана В.Н. Трубниковым в Рязанской губернии. Первая публикация: Киреевский, 10. С. 56. Перепечатка: ИП XIX, № 149.

41. «Ты Россия, ты Россия...»

Записана В. Варенцовым. Первая публикация: *Варенцов В.* Сборник песен Самарского края. СПб., 1862. С. 208—211. Перепечатка: ИП XIX, № 150.

42. «Уж как Платов-енерал...»

Записана Борисовым в Шенкурске, доставлена М.П. Погодиным. Первая публикация: Киреевский, 10. С. 69—70. Перепечатка: ИП XIX, № 165.

43. «Не пыль в полюшке пылит...»

Таушев В. Народные песни, записанные в с. Мурзицах Курмышского уезда Симбирской губернии в 1885 г. АГО. Р. 37, № 33. Л. 16об—18. Перепечатка: ИП XIX, № 169.

44. «Мать Россия, ты Россия...»

Записано учителем Речно-Георгиевского училища М. Реговым в Архангельской губернии Каргопольского уезда от крестьянина Т. Колпакова. Первая публикация: *Майков Л.Н.* Еще былины и песни из Заонежья // Русский филологический вестник. 1885. № 1. С. 57—58. Перепечатка: ИП XIX, № 151.

45. «Ты Россия, ты Россия...»

Записана крестьянами Н. Волошенковым и Т. Наротным. Первая публикация: *Дикарев М.* Песни, записанные в сл. Щучьей Острогожского уезда Воронежской губ. // Воронежский этнографический сборник. Воронеж, 1896. № 1. Перепечатка: ИП XIX, № 157.

46. «Мы споемте, братья, песню...»

Записана Всеволодом Иллюминарским, студентом Московского университета, историко-философского факультета словесного отделения, в Рязанской губернии, Егорьевском уезде, Нечаевской волости, дер. Заболотье в 1897 г. Гослитмузей (фонд ОЛЕА и Э). Инв. 23/122. Л. 1—1об. Публикуется впервые.

47. «Про Платова-казака...»

АГО. Р. 42. Д. 50. Л. 20. Первая публикация: *Карев Н.А.* Песни Тульской губернии, 1898. Перепечатка: ИП XIX, № 153.

48. «Мать Россея, да мать Россея...»

Записана П.А. Некрасовым в Пермской губернии, Соликамском уезде, Александровской волости в 1890—1891 гг. Опубликована: Некрасов. С. 201. Перепечатка: ИП XIX, № 141.

49. «Мать Россия, мать Россия...»

Записана С.Н. Талановой в Новгородской губернии, Череповецком уезде, с. Шерманга от крестьянки П.В. Салтыковой, 65 лет. РГБ. Ф. 160 (Собрание Маркова). Ед. хр. 10. Л. 11. Перепечатка: ИП XIX, № 137.

50. «То-то любо, то-то славно...»

Записана Ю. Ауэрбахом в Орловской губернии, Дмитровском уезде, с. Глоднево в XIX в. (вторая половина). Архив РАН. Ф. 104 (Собрание П.В. Шейна). Оп. 1. Ед. хр. 668. Л. 4—5. ИП Перепечатка: XIX, № 154.

51. «Ты Россия, ты Россия...»

Записана В.Г. Богоразом на Средней Колыме в конце XIX в. от казака И. Попова. Сборник ОРЯС АН. Т. 68, № 4. *Богораз В.Г.* Областной словарь колымского и русского наречия. СПб., 1901, № 127. Перепечатка: ИП XIX, № 163.

52. «Мать Россея, мать Россея...»

Записана Н. Богоявленским в Пермской губернии, Осинском уезде, на Быковском заводе. «Известия Оренбургского отдела РГО». Вып. 6. Оренбург, 1896, № 2. Перепечатка: ИП XIX, № 144.

53. «Ты Россея, ты Россея...»

Записана М. Карауловым в станице Галюгаевской (у терских казаков). Сборник материалов. Тифлис. Вып. XXIX. С. 149—150. Перепечатка: ИП XIX, № 140.

54. «Россия ли, Россия...»

Записана А.И. Мякутиным в станице Кундравинской от оренбургского казака А. Колодкина, 65 лет, в начале XX в. Первая публикация: Мякутин, I. С. 90. Перепечатка: ИП XIX, № 135.

55. «Ах ты Рассея, ты Рассея...»

Записана А. Косогоровым в Рязанской губернии, Мещерском уезде, Гостинской волости в деревне Колужкиной в конце XIX в. *Чернышев В.* Материалы для

изучения говора и быта Мещерского уезда // Сборник ОРЯС АН. Т. 70, № 7. СПб., 1901, № 38 (многоточия на месте нецензурных слов). Перепечатка: ИП, XIX, № 152.

56. «Ты Россия, мать Россия, мать российская земля»

Записана Ф. Лаговским в Вологодской губернии, Грязовецком уезде, деревне Рогачево от Р.А. Мухина в начале XX в. Лаговский, № 171. Перепечатка: ИП, XIX, № 139. Нотные длительности уменьшены вдвое.

57. «Казак Флатов хитер был, себе бороду обрил»

Записана А.Т. Борисоглебской в Московской губернии, Серпуховском уезде, с. Васильевском в конце XIX в. от крестьянки Дарьи Бычковой. Гослитмузей (фонд ОЛЕА и Э). Инв. 23/91. Л. 3 об., № 5. Публикуется впервые.

58. «Мать Рассея, мать Рассея...»

Записана В.Н. Добровольским в Смоленской губернии, Смоленском уезде, сельце Шаталово от Сергея Голосова в 1880-х гг. Перепечатка: Добровольский. Ч. IV, М. 1903. С. 625.

59. «Россия ли, Россия...»

Записана А.И. Мякутиным в Оренбургской губернии, станице Кундравинской от казака Андрея Колодкина, 65 лет, в 1903 г. Мякутин. Ч. I. С. 91—92 (А).

60. «Ты Россия, Россия, ты российская земля...»

Записана Е. Бутовой у терских казаков в станице Ищерской в конце XIX в. Сборник материалов. Вып. XV. С. 119. Перепечатка: ИП XIX, № 158.

61. «Ты Россия ли, Россия...»

Опубликована: Мякутин. Ч. I. С. 88—90 с примечанием: «Ст. Сакмарская, 1903, казак Дмитрий Иванов; ст. Оренбургская, 1903, подъесаул Н.С. Головин; записана также подъесаулом М.Т. Лобановым от урядника Котельникова». Перепечатка: ИП XIX, № 156.

62. «Ай вот наш Платов-генерал вот и по полям он разъезжал»

Записана А.М. Листопадовым на Дону в станице Букановской в 1903 г. и подготовлена им к изданию в виде хоровой аранжировки. Перепечатка: Листопадов. Т. 1. Ч. 2. С. 368—369. Нотный текст транспонирован на тон вниз.

63. «Про Платова-казака небретая голова...»

Записана А. Макаренко в Енисейской губернии, д. Кежемская Заимка в 1904 г. от Е.В. Сизых. Опубликована: Макаренко, № 13. Перепечатка: ИП XIX, № 148.

64. «Ты Россия, ты Россия да мать российская земля...»

Записана в Архангельской губернии, д. Малетино в 1899 г. от А.П. Сивковой (нищей), 55 лет. Опубликована: Григорьев. Т. 1. Ч. II, № 12. Перепечатка: ИП XIX, № 143. В первоисточнике имеются малосущественные расхождения между поэтическим текстом и подстрочником в нотах.

65. «Ты Россия ле, Россия»

Записала Н.П. Колпакова в Архангельской обл., Ненецком автономном [национальном] округе, Нарьян-Марском р-не, д. Виликовисочное [Великая Виска] в 1956 г. Исп. Е.К. Торопов, 80 л. Нотировал В.В. Коргузалов. Нотный текст транспонирован на тон вниз. Перепечатка: Песни Печоры, № 310.

66. «Выпил рюмку, да выпил две...»

Записала Н.П. Колпакова в Архангельской обл., Ненецком автономном [национальном] округе, Нарьян-Марском р-не, д. Тельвиске в 1956 г. Исп. Т.С. Кузьмин, 68 л. Нотировал В.В. Коргузалов. Перепечатка: Песни Печоры, № 311.

67. «Как казак-от палил, дак выше лесу дым валил...»

Записала Н.П. Колпакова в Республике Коми [Коми АССР], Усть-Цилемском р-не, д. Трусовской в 1955 г. Исп. Н.Ф. Ермолин, 70 л. Нотировал М.П. Дьяченко. Перепечатка: Песни Печоры, № 137.

68. «У Платова-казака не стрижена голова...»

Записана Б. и Ю. Соколовыми в Новгородской губернии, Кирилловском уезде, с. Раменье от бабушки Овдотьи. Опубликована: Соколовы, № 19. Перепечатка: ИП XIX, № 166.

69. «Уж ты матушка Россия, святорусская земля...»

Записана М.Б. Едемским в Вологодской губернии, Тотемском уезде, д. Останенской от А.С. Макаровой, 45 лет, в 1917—1918 гг. Перепечатка: Минц—Савушкина, № 26.

70. «У Платова-казака небритая борода, не стрижены волоса...»

Записана Е.Г. Тейльман в Саратовской (ныне Пензенской) обл., Петровском уезде, с. Зиновьевка в 1923 г. от Асанова, 65 лет. Опубликована: Акимова, № 20. Перепечатка: ИП XIX, № 138.

71. «У Платова-казака небритая голова...»

Записана К.А. Халтуриной в Красноярском округе, д. Шапулино в 1926 г. от В.Д. Вишневской, 56 лет. Припев повторяется после каждого двустишия. Перепечатка: ИП XIX, № 147. Повторения припева в каждой строфе не приводятся.

72. «Вот Платов-казак...»

Записана С.П. и Э.Г. Бородиными, Ю.А. Самариным от Г.А. Якушева в Карелии, Пудожском районе, д. Семеново в 1928 г. Опубликована: Соколов—Чичеров, № 35. Перепечатка: ИП XIX, № 170.

73. «В двенадцатом было году...»

Записана М.И. Силовым в Карелии в середине XX в. Перепечатка: ИП XIX, № 146.

74. «Мать Россия, мать Россия...»

Записана Н.П. Леонтьевым в Архангельской обл., д. Голубково в середине XX в. от С.П. Коротаева. Перепечатка: ИП XIX, № 145.

75. «Мать Россия, мать Россия...»

Записана И.Н. Ельцовым в 1937 г. Перепечатка: ИП XIX, № 161.

76. «Платов армию сбирает...»

Записана С. Гоголь и С. Ожеговой в Карельской АССР, Заонежском районе, д. Моталово в 1956 г. от Маланьи Павловны Рагозиной, 72 лет. АКФ ФЭ-02: 1508—1510. Публикуется впервые.

77. «Мать Рассея, то рассейская земля...»

Записана С. Гоголь и С. Ожеговой в Карельской АССР, Сегежском районе, с. Сенная Губа в 1956 г. от Татьяны Игнатьевны Федькиной, 71-го года. АКФ ФЭ-02: 1564—1566. Публикуется впервые.

78. «Ты Россия, ты Россия...»

Записана В.Г. Смолицким в г. Мезени в 1964 г. от Афанасии Ефремовны Паюсовой, 85 лет, Евдокии Григорьевны Митькиной, 55 лет, и Вассы Ивановны Окладноковой, 64 лет. Публикуется впервые.

79. «Вы послушайте, ребяты, я вам песенку спою...»

Записала на мгф. А.А. Иванова в Калужской обл., Куйбышевском р-не, д. Починок в 1979 г. Исп. П.Р. Кузнецова, 79 л. Фонд звукозаписей МГУ им. М.В. Ломоносова, 79/27—13. Нотировал А.Н. Иванов. Публикуется впервые.

80. «Ты Россия, ты Россия, ты Россиюшка моя...»
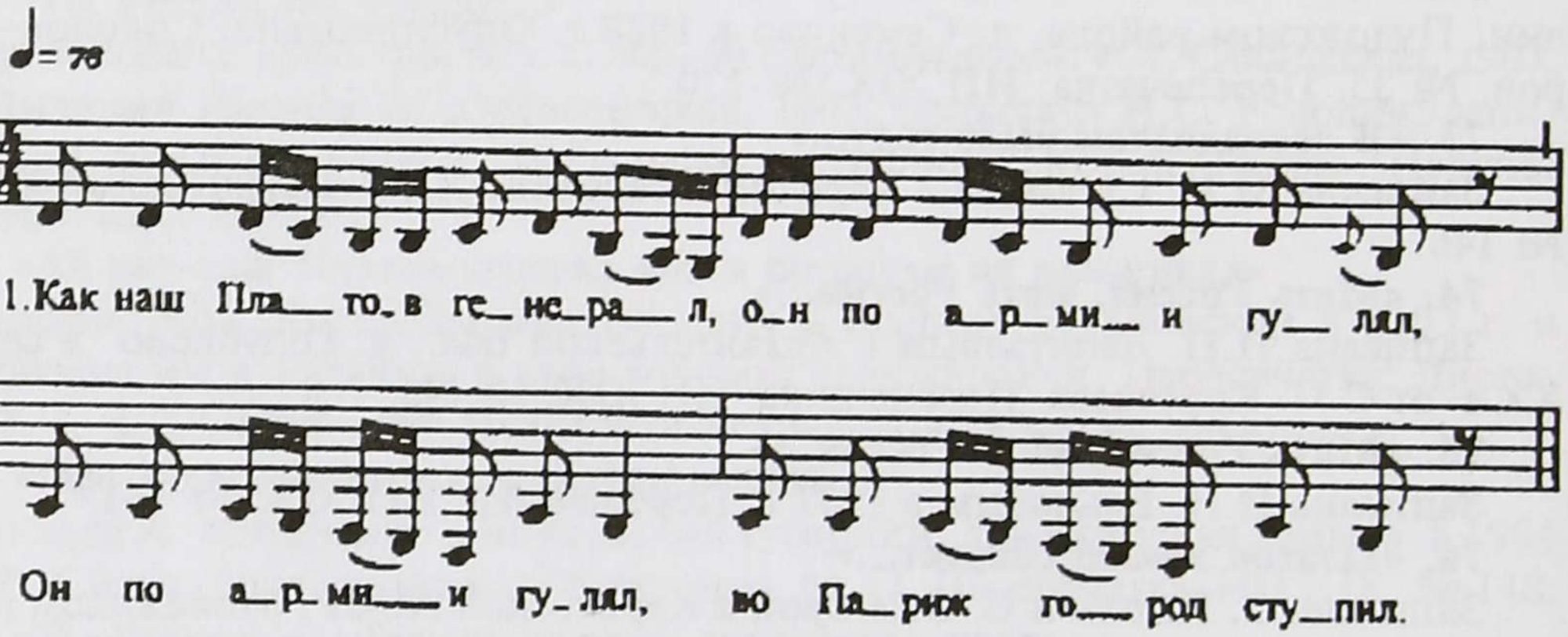
Записал В.Г. Захарченко в Краснодарском крае, станице Тбилисской в 1976 г. Исп. П.М. Землянухина, 1906 г.р., П.И. Родякина, 1912 г.р., М.И. Толкачева, 1910 г.р., Н.П. Толкачева, 1913 г.р., Р.Ф. Антипова, 1921 г.р. Подлинник в архиве собирателя. Перепечатка: Песни Кубани, № 15.
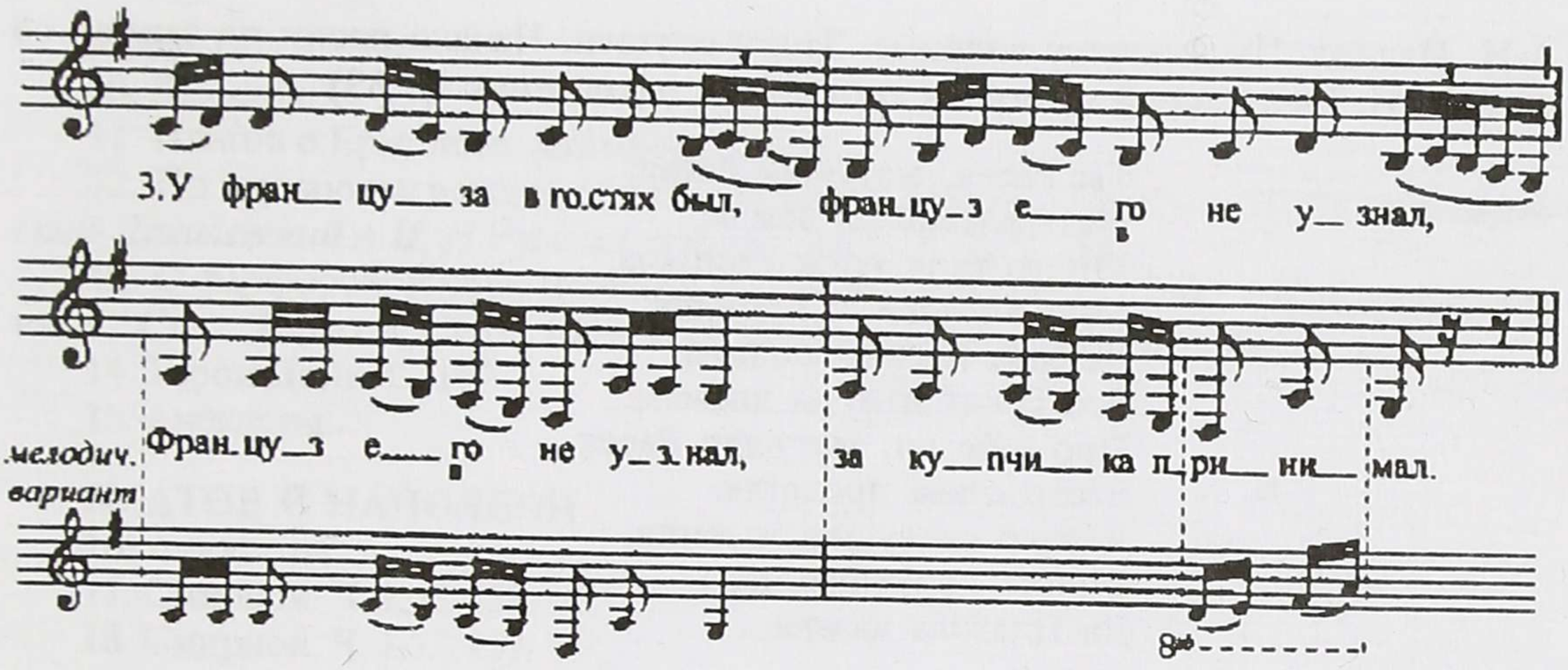
81. «Ты Россия да мать Россия, мать российская земля...»

Записал на мгф. М.М. Горшков в Ленинградской обл., Кингисепском р-не, пос. Вистино в 1986 г. Исп. жен. ансамбль д. Ручьи. Архив собирателя. Публикуется впервые. Судя по звукозаписи, пение сопровождается пляской. Нотировал А.Н. Иванов.

82. «Как наш Платов-генерал, он по армии гулял...»

Записала на мгф. Т.В. Кирюшина в Московской обл., Шатурском р-не, с. Пустоша в 1971 г. Исп. Н.И. Ежова, 1891 г.р. Архив собирателя. Нотировал А.Н. Иванов по сохранившемуся фрагменту звукозаписи. Публикуется впервые. Срезанное начало песни и ее окончание со строфы приводятся нами по подстрочнику рабочей пробной нотировки, выполненной собирательницей в начале 1970-х гг. с подлинника звукозаписи, впоследствии утраченного. В нотированной Т.В. Кирюшиной повторной записи, сделанной от этой же певицы в 1972 г., вторая половина напева другая:

83. «Мать Россия ды, мать Расея ды, мать расейскы земля...»

Записали на мгф. Т.В. Кирюшина, Н.Н. Дегтева в Тамбовской обл., Уваровском р-не, с. Березовка в 1972 г. Исп. Л.Я. Громыков (возр. не указан). Архив Т.В. Кирюшиной. Публикуется впервые. Звукозапись обрывается, окончание песни утрачено. Нотировал А.Н. Иванов.

84. «Ох ты Россия, ты Россия...»

Записана Н.Н. Гиляровой в Рязанской обл., Спасском районе, с. Дегтяное в 1975 г. от Д.И. Гурина, 1902 г.р. Архив МГК. И. 1542-17; Ф. 2966-17. В четвертой строфе нами исправлено «Черз окон Платов ступил» (так в подстрочнике нотной рукописи) на «Чер(з) закон». Нотировал Ф.В. Строганов. Длительности нами увеличены вдвое, нотный текст транспонирован на полтона вверх. Публикуется впервые.

85. «Мать Российская земля, далеко слава легла...»

Записала на мгф. Л.М. Чернова в Воронежской обл., Хохольском р-не, с. Яблочном в 1991 г. ЦРФ: 299—10. Исп. И.Т. Булатов, 1915 г.р., П.Е. Жузлов, 1910 г.р., Т.Ф. Кузнецов, 1910 г.р., Н.Д. Романов, 1900 г.р. Петь начали сразу со второй строфы, после того как запевала проговорил первый стих. Окончание с 10-го стиха записано с его же слов. Нотировал А.Н. Иванов. Публикуется впервые.

86. «Эх мать Россия, мать да Россия, ой мать российская земля...»

Записали на мгф. О.В. Величкина, С.В. Концедалова в Воронежской обл., Острогожском р-не, с. Солдатском в 1991 г. ЦРФ: 316—13. Исп. Е.М. Опрятова, 1918 г.р. Последние стихи записаны со слов. Нотировал А.Н. Иванов. Публикуется впервые.

87. «Ах ты поле, ты поля...»

Записана Н.Н. Гиляровой и группой студентов от И.Е. Чушкиной, 1921 г.р. (запевает), О.Н. Сайгановой, 1910 г.р., Е.Ф. Черепкиной, 1912 г.р., в Пензенской области, Шемышейском районе, ст. Демкино в 1991 г. Архив МГК. И. 3255-1, И. 3258-1, И. 3250-24; Р. 14341—14343. Нотировала Е.С. Кофанова. Публикуется впервые.

88. «Эх да Платов-казак, а он воян был...»

Записал А.Н. Иванов в Белгородской обл., Алексеевском р-не, с. Подсереднем в 1979 г. Исп. М.И. Башкатова, 1906 г.р. (запевает), Е.Г. Барыкина, 1934 г.р., М.К. Мальцева, 1928 г.р., Е.И. Попова, 1924 г.р. Архив собирателя. Нотировал

А.Н. Иванов. Публикуется впервые. Зачин опущен. Начало песни по записи со слов М.И. Башкатовой в тетради собирателя (сравните с № 89):

Ты Расея, матушка Расея,
Мать расейская земля,
Много горя ты ж приняла,
Много крови ж пролила,
Да сабе ж сына родила,
Его Платóвым ты назвала.
Про тебе ли, матушка Расея,
Везде слава пролегла.
Далеко славушка ж легла,
Вплоть до белого царя
Да Платóва казака...

89. «Ох да ты Россия ох, матушка ж ты Россия...»

Записал А.Н. Иванов в Москве от приглашенного для выступления на концерте ансамбля из с. Подсереднего Алексеевского р-на Белгородской обл. в 1982 г. Исп. О.И. Маничкина, 1926 г.р. (запевает), М.К. Мальцева, 1928 г.р., Е.Д. Панина, 1938 г.р., Е.Т. Попова, 1929 г.р., М.И. Черных, 1926 г.р. Архив собирателя. Песня не допета. Нотировал А.Н. Иванов. Публикуется впервые.

90. «Эх прошла слава хороша да про, про Платова да ка... казака...»

Записал А.С. Ярешко в Астраханской обл., Наримановском р-не, с. Рассвет в 1973 г. Исп. П.И. Горбунов, 72 л. (запевает), П.П. Макаров, 67 л., М.М. Калашникова, 71-го года, М.М. Небудыкина, 60 л., З.Г. Степаненкова, 58 л., Е.Г. Калашникова, 50 л., П.П. Иванов, 70 л., Н.И. Недотекин, 67 л., А.С. Тырнов, 66 л. Копию звукозаписи снял В.А. Сидоров в 1993 г., ЦРФ: 7—01. Из песни напето восемь стихов, продолжение в звукозаписи отсутствует. Нотировал А.Н. Иванов. Публикуется впервые.

РАССКАЗЫ О ПЛАТОВЕ

РОЖДЕНИЕ ПЛАТОВА

1. Смирной. Ч. 1. С. 1—2.
2. Краснов. С. 9—10.
3. *Кириллов А.* Войсковой атаман Войска донского граф Матвей Иванович Платов и его административная деятельность // Сборник областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1913. Вып. XI. С. 10—11.

ПЛАТОВ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

4. Давыдов. С. 316.

ПЛАТОВ ИДЕТ В ИНДИЮ

5. *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 186—188.

ПЛАТОВ И ВЫСШЕЕ ОБЩЕСТВО

6. Платов и Прусский король. Смирной. Ч. 2. С. 10.
7. Платов и Великий Князь Михаил Павлович. Смирной. Ч. 2. С. 151—152.
8. Кутузов о Платове. Давыдов. С. 77.

9. Давыдов. С. 316.
10. Давыдов. С. 331.
11. Платов о Ермолове. Давыдов. С. 162.
12. По случаю награждения жены Платова орденом Св. Екатерины. *Михайловский-Данилевский А.И.* // Русская старина. 1897. Т. 92. С. 544.
13. О фарфоровой вазе. Донской атаман Платов (1753—1818). Его жизнь и подвиги / Сост. Тарасов. СПб., 1902. Издание Вестника казачьих войск. С. 32.
14. Герои Дона. С. 187.
15. Анекдоты...

ПЛАТОВ И НАПОЛЕОН

16. Анекдоты...
17. Смирной. Ч. 1. С. 157.
18. Смирной. Ч. 1. С. 159.
19. Смирной. Ч. 1. С. 155.
20. Смирной. Ч. 1. С. 154.

1812 ГОД

21. Клятва Платова. Б. Краснов. С. 25. (Сост.: К 1812 году все дочери Платова были замужем).
22. Проницательность Платова. Анекдоты...
23. Отношение Платова к службе. Смирной. Ч. 2. С. 140—141.

ПЛАТОВ В АНГЛИИ

24. Англичане носят Платова на руках. Казачья юмористика // Казачий сборник, Новочеркасск. Вып. 1. С. 96—97.
25. Платов на скачках в Лондоне. Смирной. Ч. 2. С. 72.
26. Платов и английские дамы. Анекдоты...
27. Конь Платова. Смирной. Ч. 2. С. 77—78.
28. Часы и конь. Смирной. Ч. 2. С. 78.
29. О стальной блохе. Герои Дона. С. 188.

ЖЕЛАНИЕ ПЛАТОВА УМЕРЕТЬ НА РОДИНЕ

30. Смирной. Ч. 2. С. 103.

ДОНСКОЙ ГЕРОЙ ВИХРЬ-АТАМАН ПЛАТОВ

31. *Лащилин Б.С.* Донские сказы и сказки. Сталинград, 1947. С. 24—28.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БЫЛИНЫ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Записана А.Ф. Гильфердингом на Онежском озере в г. Кижи от Николая Филипповича Дутикова в 1871 г. Перепечатка: Гильфердинг, № 144.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША ПОПОВИЧ

Записана А.Ф. Гильфердингом в Петрозаводске от Абрама Евтихиевича Чукова (жителя д. Горка) в 1871 г. Перепечатка: Гильфердинг, № 149.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVIII ВЕКА

ПЕТРА I УЗНАЮТ В ШВЕДСКОМ ГОРОДЕ

3. «Как никто про то не знает, не ведает...»

Опубликована в журнале «Отечественные записки»(1858, № 1. С. 306) А.Н. Пыпиным с указанием: «...пелась в г. Починках, Нижегородской губ. в 1791 г. и списана Максютиным со слов его родственников». Опубликована: Киреевский, 8. с. 164—166. Перепечатка: ИП XVIII, № 207.

КРАСНОЩЕКОВ В ГОСТЯХ У ПРУССКОГО КОРОЛЯ

4. «Ты российская земля...»

Записана в Оренбургской губернии в середине XIX в. Доставлена В.И. Далем. Опубликована: Киреевский, 9. С. 150—152. Перепечатка: ИП XVIII, № 396.

5. «Как на лу́гу, на лугу́...»

Записана Борисовым в Шенкурске Архангельской губернии в середине XIX в. Опубликована: Киреевский, 9. С. 148—150. Перепечатка: ИП XVIII, № 402.

6. «Краснощеков у пруцкого (короля) загулял...»

Записана В. Кикотем в Грозненском округе, ст. Умахан-Юртовской в 1893 г. Опубликована: Сборник материалов. Вып. XV. С. 332—333. Перепечатка: ИП XVIII, № 398.

7. «Ты Россия ли, Россия...»

Записана Д.Е. Пичугиным у оренбургских казаков в 1902 г. Опубликована: Мякутин. Ч. 1. С. 51—53. Перепечатка: ИП XVIII, № 399.

8. «Эх ты Россея, матушка Россея...»

Записана А.А. Догадиным у астраханских казаков в станице Пичужинская от И.Г. Прокопова и др. Опубликована: Догадин. Вып. 2, № 13. Перепечатка: ИП XVIII, № 397.

9. «Краснощекова-казака...»

Записана Ф.В. Тумилевичем и М.А. Полторацкой в станице Старочеркасской от Н.Г. Черноярова, 72 лет, в 1938 г. Опубликована: Фольклор Дона. С. 22. Перепечатка: ИП XVIII, № 400.

10. «Ой да ты матушка наша Россия...»

Записана на хуторе Антоновском Ростовской области от А.Я. Петровой в середине XX в.Опубликована: Громов. С. 114—115. Перепечатка: ИП XVIII, № 401.

11. «Ай да, ай да толечки Расея, воты мать наша земля...»

Записал А.С. Кабанов в Волгоградской обл., Серафимовичском р-не, хуторе Клетская Почта в 1968 г. Архив МГК. Ф. 1100—04. Напето три строфы, продолжение поэтического текста приводится по тетради собирателя 325, № 30. Нотировала Е.Г. Богина. Публикуется впервые.

12. «Ой ты Расея, ты Расея, мать расейская наша земля»

Записал на три мгф. канала А.С. Кабанов в Волгоградской обл., Клетском р-не, станице Распопинской в 1967 г. Исп. А.В. Юдин, 1908 г.р., В.И. Чекунов, 1905 г.р., И.И. Ржавсков (г.р. не указан). Архив МГК. Ф. 2457—07, 2456—19, 2456—07; инв. 1032—07, 1031—19, 1031—07; р. 6165—6167. Напет фрагмент из трех начальных строф, продолжение поэтического текста приводится по тетради собирателя 318, № 38, запись сделана там же в 1966 г. от В.И. Чекунова, А.В. Юдина, И.В. Кузнецова, 1908 г.р. Нотировал А.С. Кабанов. Публикуется впервые.

13. «[Ай ты Ра]сея, матушка Расея, эй всё расейсыкая земля»

Записали С.В. Пряслина, О.Н. Панюшкина в Волгоградской обл., Фроловском р-не, хуторе Большом Лычаке в 1990 г. Исп. Н.Ф. Димитров, 1922 г.р., Н.Г. Кувшинова, 1920 г.р., А.П. Чернорубашкина, 1914 г.р., И.П. Чернорубашкин, 1912 г.р. Фонограммархив РАМ им. Гнесиных, 3102—03. Вероятно, собирателями на месте скопирован (через микрофон) подлинник магнитофонной записи, которая была сделана кем-то из родственников этих певцов в 1980-е гг., судя по доносящимся посторонним репликам и звукам, во время семейного застолья. Начало в звукозаписи срезано, конец песни отсутствует. Нотировал А.Н. Иванов. Публикуется впервые.

14. «Ой мать Расея, мать Расея, мать расейская наша земля»

Записал А.С. Кабанов в Волгоградской обл., г. Серафимовиче в 1968 г. Исп. Н.Ф. Клыков, 1918 г.р., Е.Ф. Кузнецов, 1908 г.р. Архив МГК. Инв. 1098—22. Напет фрагмент из трех начальных строф, продолжение поэтического текста не записано. Нотировала Е.Г. Богина. Публикуется впервые.

15. «Ай ты Расея, матушка наша Расе...»

Записал В.А. Горячев в Волгоградской обл., Новониколаевском р-не, хуторе Баклановском Куликовского с/с в 1971 г. Исп. И.Б. Евдокимов, 1899 г.р., Х.Н. Евдокимова, 1900 г.р. Фонограммархив РАМ им. Гнесиных, 767. Напето три строфы, далее поэтический текст приводится по тетради собирателя. Публикуется впервые.

ГЕНЕРАЛ ПРОЗОРОВСКИЙ В ГОСТЯХ У ТУРЕЦКОГО ВИЗИРЯ

16. «Ох мы польскую земельку наблюдаем завсегда...»

ИРЛИ, архив «Русской старины». Ф. 265. Оп. 3. № 8. Л. 29—29 об. Рукописный песенник, конец XVIII — начало XIX в. Перепечатка: ИП XVIII, № 458.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГО — Архив Географического общества.

Акимова — Фольклор Саратовской области. Кн. 1. / Сост. Т.М. Акимова; Под ред. А.П. Скафтымова. Саратов, 1946.

АКФ — Рукописный архив кафедры русского устного народного творчества филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Анекдоты... — Анекдоты о графе Платове (отрывок из письма Е.Б. Фукса на Дон) // Северная пчела. 1827. № 139. Раздел «История».

Архив МГК — Архив учебно-научной лаборатории народного музыкального творчества Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского.

Архив РАН — Архив Российской академии наук.

Герои Дона — Герои Дона. Граф Платов. Бакланов. Популярный очерк (с картинками) А. Страусевича. Новочеркасск, 1895. Вып. 1.

Гильфердинг — Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4. Т. 2. М.;Л., 1950.

ГИМ ОПИ — Государственный исторический музей. Отдел письменных источников.

Гослитмузей — Государственный литературный музей.

Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 1. Ч. 1 — Поморье. Ч. II — Пинега, М., 1904.

Громов — Народное творчество Дона, кн. 1 / Ред. текстов, вступ. статья и коммент. П.Г. Громова. Ростов н/Д., 1952.

Давыдов — *Давыдов Д.В.* Военные записки. М., 1982.

Добровольский — Смоленский этнографический сборник / Сост. В.Н. Добровольский. Ч. IV. М., 1903 (Зап. Русского географического общества по отделению географии. Т. XXII).

Догадин — Былины и песни астраханских казаков для одноголосного хора / Собрал и на ноты переложил А.А. Догадин. Вып. 2. Астрахань, 1911.

ИП XVIII — Исторические песни XVIII в. / Издание подготовили О.Б. Алексеева, Д.И. Емельянов. Л., 1971.

ИП XIX — Исторические песни XIX в. / Издание подготовили Л.В. Домановский, О.Б. Алексеева, Э.С. Литвин. Л., 1973.

ИРЛИ — Институт русской литературы Российской академии наук.

Киреевский, 8, 9, 10 — Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. 8, 9, 10. М., 1872.

Киреевский — Языковы — Собрание народных песен П.В. Киреевского / Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Т. 1. Подготовка текстов к печати, статьи и комментарии А.Д. Соймонова, Л., 1977.

Краснов — *Краснов П.* Донцы и Платов в 1812 году. М., 1912.

Лаговский — *Лаговский Ф.* Народные песни Костромской, Вологодской, Нижегородской и Ярославской губерний. Труды Костромского научн. общества по изучению местного края. Вып. 2 // Третий этнографический сборник. Кострома, 1923.

Листопадов — *Листопадов А.М.* Песни донских казаков. Т. I. Ч. 2. М., 1949.

Макаренко — *Макаренко А.* Сибирские песенные старины // Живая старина. 1907. Вып. 2.

МГФ — магнитофон.

Минц—Савушкина — Сказки и песни Вологодской области / Сост. С.И. Минц и Н.И. Савушкина. Вологда, 1955.

Мякутин — Песни Оренбургских казаков. Вып. VII / Собрал сотник А.И. Мякутин. Оренбург, 1904.

Некрасов — Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, записанные в Александровской волости, Соликамского уезда, Пермской губернии в 1890 и 1891 гг. П.А. Некрасовым / Зап. Уральского общества любителей естествознания. Т. XXII. Екатеринбург, 1901.

ОЛЕА и Э — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.

ОРЯС АН — Отделение русского языка и словесности Академии наук.

Песни Кубани — *Захарченко В.Г.* Народные песни Кубани. Вып. 1. Краснодар, 1987.

Песни Печоры — Песни Печоры / Изд. подготовили Н.П. Колпакова, Ф.В. Соколов, Б.М. Добровольский. М.;Л., 1963.

Пивоваров — Донские казачьи песни / Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885.

РГБ — Российская государственная библиотека им. В.И. Ленина.

Сборник материалов — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис. Вып. XV, 1893.

Смирной Н.Ф. Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова / Соч. Николая Смирного. Ч. 1—2. М., 1821.

Соколов—Чичеров — Онежские былины / Ред. Ю.М. Соколов; Подготовка текста В.И. Чичерова. М., 1948.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

Фольклор Дона — Фольклор Дона. Сб. 2 / Сост. Ф.В. Тумилевич и М.А. Полторацкая. Ростов н/Д, 1941.

Фонд звукозаписей МГУ — Фонд звукозаписей фольклора, хранящийся при лаборатории устной речи филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Фонограммархив РАМ — Фонограммархив проблемной научно-исследовательской лаборатории по изучению традиционных музыкальных культур Российской академии музыки им. Гнесиных.

Холмский — Сборник казачьих песен / Сост. С.Я. Холмский. Курск, 1910.

ЦРФ — Архив Государственного республиканского центра русского фольклора.

Щукин — Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. 1. М., 1897.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 3

В.Г. Смолицкий. Образ атамана Платова в народном творчестве . . . 9
Песни о Платове 37
Платов ведет казаков на неприятеля. № 1 . . . . . —
Платов встречает казаков после боя. № 2—3 . . . . . —
Платов допрашивает французского майора. № 4 40
Платов во время битвы. № 5—11 41
Русские войска разбивают французов. № 12—25 47
Платов в гостях у француза. № 26—90 61

В.Е. Добровольская. Рассказы об атамане Платове 165
Рассказы о Платове 169
Рождение Платова. № 1—3 . . . . . —
Платов в Петропавловской крепости. № 4 170
Платов идет в Индию. № 5 . . . . . —
Платов и высшее общество. № 6—15 172
Платов и Наполеон. № 16—20 175
1812 год. № 21—23 177
Платов в Англии. № 24—29 178
Желание Платова умереть на родине. № 30 180
Донской герой вихрь-атаман Платов. № 31 . . . . . —

Приложение 185
Былины . . . . . —
Илья Муромец и Идолище. № 1 . . . . . —
Добрыня и Алеша Попович. № 2 188
Исторические песни XVIII века 198
Петра I узнают в шведском городе. № 3 . . . . . —
Краснощеков в гостях у прусского короля. № 4—15 199
Генерал Прозоровский в гостях у турецкого визиря. № 16 . . . 224
Комментарии 225
Список сокращений 237

АТАМАН ПЛАТОВ
В ПЕСНЯХ И ПРЕДАНИЯХ

Составители

Виктор Гершонович Смолицкий,
Варвара Евгеньевна Добровольская,
Ирина Евгеньевна Посоха,
Анатолий Николаевич Иванов

Зав. Редакционно-издательским отделом **Э.Р. Жукова**
Редакторы **Н.А. Мясникова, Л.Г. Рыжова**
Музыкальный редактор **А.Н. Иванов**
Компьютерная верстка **Т.В. Бурцевой**
Компьютерный набор и верстка нотного текста **Е.Г. Богиной**

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 010132 от 29.01.97.

Подписано в печать 20.06.2001 г. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Объем 16,8 уч.-изд. л.; 16,6 а.л.; 15,0 п.л. Тираж 300 экз. Заказ 178.